

# ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакцію Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

**В. И. Ламанскаго**

Секретаря Отдѣленія **Ф. И. Щербатскаго** и помощника редактора

члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ II

Годъ XV

1906



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К<sup>о</sup>), Фонтанка, 117.

1906.

## ОТДѢЛЪ I.

---

### И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

---

28 Декабря 1905 г. въ Петербургѣ было отпраздновано 40 лѣтіе научной дѣятельности одного изъ выдающихся представителей лингвистики въ Россіи—Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ. По лингвистическимъ своимъ взглядамъ и по направленію своихъ занятій, И. А. занимаетъ совершенно своеобразное и выдающееся мѣсто не только среди представителей славянскаго языкознанія, но и среди изслѣдователей общей лингвистики. Долгъ обязаннаго ему ученика, поэтому, — указать и подчеркнуть научныя заслуги этого выдающагося ученаго: Бодуэнъ <sup>1)</sup> родился въ 1845 г., образованіе получилъ въ Варшавѣ, сначала въ реальномъ училищѣ, а затѣмъ (1862—66 гг.), въ Главной Школѣ. По преимуществу естественно-математическое образованіе обратило вниманіе И. А. на отношеніе языка, какъ явленія соціально-психическаго къ естественнымъ наукамъ (мысль, нашедшая прекрасное выраженіе въ университетскихъ лекціяхъ И. А. и, главнымъ образомъ, въ его статьѣ: „Объ одной изъ сторонъ постепеннаго члененія языка въ области произношенія, въ связи съ антропологіей“ СПб. 1904). Выѣстъ съ живымъ интересомъ къ естественнымъ наукамъ, который можно объяснить только вліяніемъ этого „реальнаго“ образованія, въ трудахъ И. А., вѣроятно подъ вліяніемъ занятій математикой въ реальномъ училищѣ, рано уже обнаруживается стремленіе къ математической точ-

---

<sup>1)</sup> Біографическія данныя объ И. А. нами черпаются отчасти изъ статьи: И. Лосъ, И. Бодуэнъ-де-Куртенэ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона, т. VII, стр. 222. См. также автобіографическую записку И. А. въ „Критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ“, С. А. Венгерова. СПб. 1897, т. V, стр. 18—50.

ности при изслѣдованіи разныхъ фонетическихъ явленій. Эта точность въ формулировкѣ замѣтна прежде всего въ „Лекціяхъ по латинской фонетикѣ“, въ университетскихъ лекціяхъ по общимъ вопросамъ языкознанія (къ сожалѣнію, еще не напечатанныхъ) и въ введеніи ко II тому „Матеріаловъ по южно-славянской діалектологіи и этнографіи“ СПБ. 1904 стр. V—XXVII.—Такимъ образомъ Бодуэнъ прекрасно воспользовался своимъ „реальнымъ“ образованіемъ для научныхъ цѣлей. Недостатки же этого образованія имъ скоро были заполнены въ Главной Школѣ.

Первый научный трудъ И. А. появился 40 лѣтъ тому назадъ, въ 1865 г. Это былъ переводъ сочиненія чешскаго ученаго Dr. J. Ew. Purkyně, O korzyściach z ogólnego rozprzestrzenienia łacińskiego sposobu pisania w dziedzinie języków słowiańskich. Przełożył s czeskiego I. I. Niecisław. Baudouin. Рядомъ съ переводомъ отдѣльной книжкой вышли любопытныя замѣтки переводчика: Kilka słów s powodu wzmianki Tygodnika ilustrowanego o rozprawie D-ra I. Ew. Purkyniego, O korzyściach z ogólnego rozprzestrzenienia łacińskiego sposobu pisania w dziedzinie języków słowiańskich.—Въ томъ же году появился и другой переводный трудъ И. А.:—Fraciszka Bolemira Kwietka „Popularna nauka wychowania“.—Всѣ эти работы свидѣлствуютъ о живомъ интересѣ молодого ученаго къ вопросамъ лингвистики. Любопытно, что въ указанныхъ примѣчаніяхъ Бодуэна по поводу труда Purkyně, уже затрагивается вопросъ о графически-фонетическихъ ассоціаціяхъ, на который И. А. впослѣдствіи постоянно обращалъ вниманіе своихъ слушателей. Тому же вопросу посвящена статья И. А.: Několik poznámek o polském pravopisu 1868 (въ журналѣ Sborník vědecký musea království českého), написанная уже по окончаніи Главной Школы въ Варшавѣ.

— Выдающейся работой Бодуэна, составившей эпоху въ исторіи языкознанія была лейпцигская его диссертация: „Einige Fälle der Wirkung der Analogie in der polnischen Deklination“ (въ „Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, keltischen und slawischen Sprachen.“ Unter Mitwirkung von A. Leskien und J. Schmidt herausgegeben von A. Kuhn, VI Band, Berlin 1870, стр. 19—88). Трудъ этотъ замѣчательнъ по двумъ причинамъ: 1) здѣсь, вопреки обычаю тогдашнихъ лингвистовъ, особенное вниманіе обращено на *современное состояніе* польскаго языка; 2) опять-таки вопреки обычаю тогдашнихъ языковѣдовъ, отмѣчавшихъ только фонети-

ческихъ измѣненіи въ языкѣ, здѣсь впервые подчеркивается значительное *вліяніе аналогіи* на языковыя измѣненія, т. е. впервые обращается вниманіе на *психологическія* измѣненія въ языкѣ.

Такимъ образомъ Бодуэнъ въ своей диссертациі положилъ начало новому, психологическому или младограмматическому направленію въ области языковѣдѣнія.

Вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ этого перваго крупнаго своего научнаго труда Бодуэнъ уже выпускаетъ новый капитальный лингвистическій трудъ, — свою магистерскую диссертацию, подъ заглавіемъ: „О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія“, Лейпцигъ 1870. Здѣсь съ удивительнымъ прилежаніемъ собраны всѣ древнѣйшія польскія слова, разбросанныя въ многочисленныхъ латинскихъ актахъ, и изъ нихъ, путемъ научнаго анализа, сдѣланы выводы относительно польскаго языка (главнымъ образомъ фонетики) той эпохи, о языкѣ которой до тѣхъ поръ, за неимѣніемъ памятниковъ, имѣлись весьма скудныя свѣдѣнія. Если въ лейпцигской диссертациі Бодуэнъ проявилъ тонкое пониманіе психологической стороны языка, то въ этомъ трудѣ въ немъ обнаружился замѣчательно подготовленный лингвистъ-фонетикъ, умѣющій, на основѣ фактовъ современнаго языка, изучать съ лингвистической точки зрѣнія и древніе памятники.

По защитѣ этой диссертациі молодой ученый, въ качествѣ приватъ-доцента, началъ читать лингвистическія лекціи при СПб. Университетѣ, одновременно состоя преподавателемъ русскаго языка при 1-ой частной мужской гимназіи. Въ основу уроковъ и лекцій И. А. было положено изученіе живой природы языка, какъ со стороны произношенія, такъ и со стороны языкового мышленія, (подробности см. въ докладѣ Л. В. Щербы, „О служебномъ и самостоятельномъ значеніи грамматики, какъ учебнаго предмета“ и въ примѣчаніяхъ къ нему Бодуэна въ „Трудахъ перваго съѣзда преподавателей русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ“ стр. 14 — 32). Подъ вліяніемъ этихъ занятій появился рядъ статей И. А. по общей лингвистикѣ: *Einige Beobachtungen an Kindern*, (*Beitr. z. vergl. Sprachwissenschaft* 1870. VI, 215—220); „Нѣкоторыя общія замѣчанія о языковѣдѣніи и языкѣ“. Ж. М. Н. Пр. 1871, февраль. СПб. 1871 „Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка“. Филол. Записки 1881, 1882 и проч. — Въ то же время нашъ ученый рядомъ съ вопросами общаго языковѣдѣнія продолжалъ заниматься и славянскимъ языковѣдѣніемъ.

Объ основательномъ его знакомствѣ со славянскими языками и сравнительной славянской грамматикой, между прочимъ, свидѣтельствуется рядъ „Критическихъ и библиографическихъ замѣтокъ“ по поводу: „Исслѣдованія языка древне-славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова по рукописи Имп. Публ. Библ. XI в.“ Будиловича (Журн. Мин. Нар. Просв. 1872, Августъ, стр. 342—363; Ноябрь, стр. 166—189), „Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache“ von August Schleicher (Ж. М. Н. Пр. 1873), по поводу трудовъ Новаковича, Ягича и Калужняцкаго (Ж. М. Н. Пр. 1874, Ноябрь, стр. 182—195) и пр. Не менѣе интересенъ рядъ „Anzeigen“ сочиненій Крынского, Будиловича, Малиновскаго, Новаковича, Иречка и др. въ „Beiträge zur vergl. Sprachforschung“. Band VIII, стр. 174—244 и т. п. Наконецъ: „Rozbiór gramatyki polskiej księdza Malinowskiego“ въ „Niwa“ 1875 г. Uebergang der tonlosen Consonanten in die ihnen entsprechenden tönenden in der historischen Entwicklung der polnischen Sprache“. — „Doppelung des Suffixes—ti in der polnischen und russischen Sprache“. — „Zetacismus in den Denkmälern und Mundarten der polnischen Sprache“. — „Wechsel von s (š, ś) mit ch in der polnischen Sprache“ въ „Beiträge von Kuhn und Schleicher“, Band VI и проч.

1872—73 гг. И. А. провелъ въ путешествіяхъ по южно-славянскимъ областямъ Австріи и Италіи, гдѣ прекрасно подготовленный лингвистъ могъ проявить свои способности діалектолога-наблюдателя, при изученіи діалектическихъ особенностей мѣстныхъ словинскихъ и резьянскихъ говоровъ. Результатомъ двухлѣтняго пребыванія Бодуэна за границей былъ рядъ замѣчательныхъ работъ по южно-славянской, преимущественно резьянской діалектологіи: И. Бодуэнъ де Куртенэ. Отчетъ о занятіяхъ по языковѣднію въ теченіе 1872—73 гг. — Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки. I: Кое-что по поводу резьянской гармоніи гласныхъ („Филологическія Записки“. Воронежъ, 1876, вып. V, стр. 1—16); — „Note glottologiche intorno alle lingue slave e questioni di morfologia e fonologia arioeuropea (Atti del IV Congresso internazionale degli orientalisti tenuto in Firenze nel settembre 1878, Vol. II, Firenze 1881, стр. 3—21); — Резья и резьяне (въ „Славянскомъ Сборникѣ“ III, 1876, стр. 223—371); — „О Славянахъ въ Италіи“. Дерптъ 1892 г. (отд. отт. изъ „Русской Мысли“ 1893, іюнь). Сюда же относится докторская диссертация И. А.: „Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ“ СПб. 1875, съ приложеніемъ „Резьянскій катехизисъ“ Варшава-СПб. 1875. Также по

итальянски: J. Baudouin de Courtenay, *Il catechismo Resiano*, Pietroburgo 1891.

Съ переѣзда Бодуэна въ Казань, куда онъ былъ назначенъ профессоромъ сравнительнаго языковѣдѣнія (1875—1883 гг.), начинается новый, наиболѣе замѣчательный періодъ его научной дѣятельности. Діалектологическія занятія въ разныхъ славянскихъ земляхъ укрѣпили въ немъ мысль, давно уже приходившую ему въ голову<sup>1)</sup>),—что для полнаго пониманія прошлаго языка прежде всего необходимо тщательное изученіе его настоящаго; и вотъ неутомимый ученый основалъ въ Казани лингвистическую школу, въ которой прежде всего было обращено вниманіе на всестороннее изученіе психологической и фізіологической сторонъ языка, при чемъ наблюденія производились, главнымъ образомъ, надъ родной рѣчью. Такимъ образомъ въ этомъ казанскомъ кружкѣ въ весьма опредѣленной формѣ сказывалось то психологическое направленіе лингвистики, которому Бодуэнъ положилъ начало въ лейпцигской своей диссертациі. Любопытно, что первая школа младограмматическаго направленія была основана на восточной окраинѣ Россіи, въ Казани, задолго до основанія подобныхъ же школъ на западѣ. Иностранные ученые и теперь не забыли этой заслуги основателя младограмматическаго направленія въ языковѣдѣніи: на адресѣ преподнесенномъ И. А. въ день юбилея его учениками и друзьями, между прочимъ имѣлись подписи: Brugmann'a, Hirt'a, Leskien'a, Mikkola, Jagić'a, Režetar'a, Štrecelj'a и др. Гельсингфорскіе лингвисты прислали особый адресъ. —

Въ Казани Бодуэнъ сумѣлъ заинтересовать общими вопросами лингвистики цѣлый рядъ молодыхъ ученыхъ (Крушевскій, Богородицкій, Буличъ, Александровъ и проч.). Подъ его вліяніемъ появилась замѣчательная книга Крушевскаго, *Очеркъ науки о языкѣ*, Казань 1883 (N. Krušewski, *Principien der Sprachentwicklung*, Intern. Zeitschr., f. allgem. Sprachwiss. II, III. Leipzig 1885, 1886; V, Heilbronn, 1889, 1890) и др. Въ то же время нашъ ученый и самъ продолжалъ заниматься вопросами того же характера: появились въ печати его „Подробная программа лекцій за 1876—77 гг.“, и „Подробная программа лекцій за 1877—78 гг., представляющія собой обширные курсы языковѣдѣнія. Подробныя библіографическія указанія въ

<sup>1)</sup> Впервые эта мысль обнаруживается уже въ указанныхъ выше примѣчаніяхъ нашего ученаго по поводу труда Purkyně, затѣятъ въ статьяхъ: „Einige Fälle der Wirkung der Analogie“, „Einige Beobachtungen an Kindern“, Kuhn „Beiträge“, Band VI и проч.

этихъ программахъ сохраняютъ свое значеніе и въ настоящее время. Помимо того, что здѣсь впервые подчеркивается необходимость обстоятельнаго изученія современнаго состоянія языка, эти „программы“ интересны главнымъ образомъ тѣмъ, что въ нихъ впервые обращено вниманіе и на патологическое состояніе языка. Важность подобныхъ наблюденій въ настоящее время сознается всѣми лингвистами: именно подобнымъ патологическимъ состояніемъ цѣлой языковой группы, и только имъ, можетъ быть объяснено, напр., измѣненіе согласнаго *ĭ* въ *ц* на почвѣ бѣлорусскаго языка, словинскихъ говоровъ и др., прекращеніе работоспособности передней части языка, при артикуляціи звука *ĭ* ведетъ къ измѣненію *ĭ* въ согласный *ц* и т. п. Безъ сомнѣнія въ указаніи на эту мало разработанную область лингвистики слѣдуетъ видѣть громадную заслугу нашего ученаго.—

Рядомъ съ указанными программами, Бодуэнъ въ это время выпустилъ въ свѣтъ и другія работы: „Нѣкоторые отдѣлы сравнительной грамматики славянскихъ языковъ“ (Русск. Фил. Вѣстн. V, Варшава 1881);— „Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка“ („Филологическія Записки“ 1882);— „Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ видо-европейскихъ языковъ“ („Журн. Мин. Нар. Просв. ССХVІІІ, 1881, декабрь);— „Нѣсколько словъ о культурѣ первобытныхъ и древнихъ славянъ“ (Русск. Фил. Вѣстн. 1870 отд. отт.).

Въ 1883 г. И. А. на время пришлось разстаться со своими казанскими учениками: въ этомъ году онъ былъ назначенъ профессоромъ славянскаго языкознанія при Дерптскомъ (Юрьевскомъ) Университетѣ. Въ Дерптѣ онъ оставался до 1893 г., когда переселился въ Краковъ, въ качествѣ, прежде всего, академика Краковской Академіи Наукъ. Объ усердной научной дѣятельности въ это время свидѣлствуютъ его труды: „Uebersicht der slavischen Sprachenwelt im Zusammenhange mit den anderen arioeuropäischen Sprachen“, Лейпцигъ 1884 и другія работы обнаруживающія глубокое пониманіе психологіи языка: „Z patologji i embrjologii języka“ (Prace filologiczne I, Warszawa 1885);— „O ogólnych przyczynach zmian językowych“ (Prace filologiczne III, Warszawa 1890);— „Vermenschlichung der Sprache“ Hamburg 1893 (Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge, Neue Folge, Achte Serie, Heft 173);— „O pewnym stałym kierunku zmian językowych w związku z antropologją“. (Отд. отт. изъ „Kosmos“ а, zeszyt IV—V 1899).— Самой глубокой работой Бодуэна слѣдуетъ признать трудъ:

Próba teorji alternacyi fonetycznych" (отд. отт. изъ „Rozpraw Wydz. filol. Akad. Umiej. W Krakowie XX, 1894) и классическую нѣмецкую его переработку: „Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen, Ein Capitel aus der Psychophonetik, Strassburg 1895.—Уже въ прежнихъ своихъ трудахъ Бодуэнъ обнаружилъ глубокое пониманіе психологіи языка съ одной,—и фонетическихъ явленій—съ другой стороны. Въ этомъ же трудѣ онъ показавъ, что его специальность именно психофонетика, и въ этой области ему нѣтъ равнаго не только среди русскихъ, но и среди западноевропейскихъ лингвистовъ.

Изъ другихъ статей И. А., относящихся къ наиболее замѣчательной эпохѣ его научной дѣятельности, упомянемъ: „Два вопроса изъ ученія о смягченіи или палатализациі въ славянскихъ языкахъ“ Ученныя записки Юрьевскаго универ. 1893, № 2; „Zwei Fragen aus der Lehre über die Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation)“, Indogermanische Forschungen IV, 1894;—„O psychicznych podstawach zjawisk językowych (Przegląd filologiczny 1903);—Z logiki tłumów („Krytyka“ 1904);—„Próba uzasadnienia samoistości zjawisk psychicznych na podstawie faktów językowych“ (въ Sprawozdan. Akademii Umiejętności Wydziału filologicznego“ z dnia 11 lipca 1903);—статьи „Fonema“, „Fonologia“, „Fonologia arjo-europejska“, „Fonologia słowiańska“. „Fonologia polska“, „Język i języki“, „Językoznawstwo“ и др. (въ „Encyklopedia powszechna ilustrowana“). „W sprawie polskiego słownictwa chemicznego“ Kraków 1900;—„Versuch einer Begründung der Unabhängigkeit psychischer Vorgänge auf Grund sprachlicher Thatsachen“ („Bulletin de l'Académie des sciences de Crakovie“);—„Лингвистическія замѣтки и афоризмы“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1903);—„Языкъ и языки“, „Языкознание“ и др. статьи и въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза и Ефрона.—„Объ одной изъ сторонъ постепеннаго человѣченія языка въ области произношенія, въ связи съ антропологіей“ и проч.

Въ то же время Бодуэнъ продолжалъ свои занятія славянскимъ языкознаніемъ. Въ трудахъ: „Кашубскій языкъ, кашубскій народъ и кашубскій вопросъ“ СПб. 1897 (Журн. Мин. Нар. Просв. Апрель—Май 1897); и „Kurzes Resumé der kaschubischen Frage“ („Archiv für slavische Philologie“ Band XXVI, стр. 366—406), онъ обнаруживаетъ хорошее знакомство со славянами въ Западной Пруссіи и восточной Помераніи. Какъ продолженіе указанныхъ выше вслѣдованій по южно-славянской діалектологіи И. А. вышли въ свѣтъ: „Ма-



terialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie“ I, СПб. 1893.—Вторичная поѣздка къ славянамъ Италіи доставила ему матеріалы для продолженія этого труда: „Матеріалы по южнославянской діалектологіи и этнографіи“ II, СПб. 1904.—„Нѣсколько случаевъ психически-морфологическаго уподобленія или уодноображенія въ терско-славянскихъ говорахъ сѣверовосточной Италіи“ (Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ“ X, кн. 3 стр. 266—283).—Словинскимъ говорамъ уже раньше были посвящены статьи: Der Dialekt von Cirkno (Archiv für slav. Philol. Band VII, 386—404; 575—590; VIII стр. 102—119; 274—290; 432—462);—Celóvec-Klagenfurt (Archiv f. slav. Phil. Band XXVI) и др.

Діалектологическія поѣздки И. А. въ Австрію и Италію дали ему возможность въ точности опредѣлить отношеніе другъ къ другу юго-западно славянскихъ говоровъ: резьянскіе говоры Бодуэнъ отдѣляетъ отъ славянскихъ и разсматриваетъ ихъ какъ разновидности особаго нарѣчія. Кромѣ того въ сѣверовосточной Италіи имъ отмѣченъ рядъ переходныхъ говоровъ отъ словинской языковой области къ сербо-хорватской; говоры въ окрестностяхъ Cividale ближе всего подходятъ къ словинскому нарѣчію. Болѣе сѣверные говоры терскихъ славянъ болѣе близки къ сербо-хорватскимъ. Родственные терскимъ говорамъ идіомы въ окрестностяхъ С.-Піетро обнаруживаютъ весьма сильное словинское вліяніе.—

Въ діалектологическихъ своихъ работахъ Бодуэнъ обнаружилъ замѣчательныя способности отмѣчать фонетическія особенности и отгѣнки изучаемыхъ имъ говоровъ, въ диссертациі „О польскомъ языкѣ до XIV столѣтія“ онъ доказалъ, что прекрасно умѣетъ использовать для лингвистическихъ цѣлей памятники, въ замѣткахъ, въ родѣ „Celóvec-Klagenfurt“ проявилъ замѣчательныя этимологическія способности, въ разсужденіи „Einige Fälle der Wirkung der Analogie etc“, а еще болѣе въ „Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen“ обнаружилъ тонкое пониманіе психологической стороны языка, въ „Лекціяхъ по латинской фонетикѣ“ проявилъ поразительную точность при опредѣленіи отдѣльныхъ звукопроизводныхъ работъ,— все же наиболѣе тщательно изслѣдованной имъ областью (особенно за послѣднее время его научной дѣятельности) слѣдуетъ признать именно *психологію языка*. Труды Бодуэна въ этой области такъ глубоко обдуманы, что каждый изъ нихъ для полнаго пониманія требуетъ многолѣтняго внимательнаго изученія.

Достоинствомъ этихъ работъ слѣдуетъ признать глубину мысли и выдержанность взглядовъ,—обстоятельства, на которыя слишкомъ мало обращалось вниманія при оцѣнѣ трудовъ нашего психофонетика.

Считаю не излишнимъ указать здѣсь нѣкоторыя изъ общихъ положеній, къ которымъ привели Б—а его наблюденія и изслѣдованія явленій языка (см. его автобіографическую записку въ „Критико-біографич. словарь“ Венгерова V, 33—35): 1) Нѣтъ никакихъ звуковыхъ законовъ. 2) Причислать языкъ къ организмамъ, языковѣдніе же къ естественнымъ наукамъ—абсурдъ. 3) Сущность человѣческаго языка исключительно психическая. Существованіе и развитіе языка обусловлено чисто психическими законами. Нѣтъ и не можетъ быть въ рѣчи человѣческой или въ языкѣ ни одного явленія, которое не было бы вмѣстѣ съ тѣмъ психическимъ. 4) Кромѣ психической стороны языка слѣдуетъ отмѣчать и сторону социальную. 5) Законы жизни и развитія языка еще не отѣрты, и они могутъ быть добыты только путемъ тщательныхъ индуктивныхъ изслѣдованій. 6) Причиной всѣхъ измѣненій языка является стремленіе къ удобству, стремленіе къ облегченію въ трехъ областяхъ языковой дѣятельности: въ области произношенія (*фонаціи*), въ области слушанія и восприниманія (*аудиціи*) и, наконецъ, въ области языкового мышленія (*церебраціи*). 7) Всѣ языки произошли путемъ смѣшенія. 8) Въ исторіи языковъ замѣчается фактъ постепеннаго человѣченія рѣчи человѣческой. 9) Историческія эволюціи морфологической стороны языка состоятъ въ поочередномъ перемѣщеніи языкового вниманія съ конца слова или предложенія къ его началу и наоборотъ. Жизнь словъ и предложений языка—*perpetuum mobile*, состоящее изъ вѣсовъ, безпрестанно колеблющихся, но вмѣстѣ съ тѣмъ безпрестанно передвигающихся въ извѣстномъ направленіи. 10) Нѣтъ неподвижности въ языкѣ. 11) Въ языкѣ происходитъ вѣчное перемѣщеніе мѣстъ сцѣпленія дальше недѣлимыхъ языковыхъ единицъ. То извѣстная единица языка увеличивается на счетъ другой, то, наоборотъ, извѣстная единица лишается извѣстной части своего состава въ пользу другой. 12) Изреченіе „ex nihilo nil fit“ находитъ себѣ полное подтвержденіе и въ языковѣдніи. Происходящія какъ-будто изъ ничего языковыя единицы (фонемы, морфемы и пр.) создаются изъ готоваго уже матеріала и только получаютъ новую форму. 13) слѣдуетъ брать предметъ изслѣдованія такимъ, каковъ онъ есть, не навязывая ему чуждыхъ ему категорій. 14) Въ языковѣдніи, еще болѣе, чѣмъ въ исторіи, слѣдуетъ

держаться требованій географіи и хронологіи. 15) Односложность корней аріо-европейскихъ языковъ ничѣмъ не доказана. 16) Корни существуютъ въ языкѣ всегда. 17) Для языковѣдѣнія, какъ науки *всесторонне обобщающей*, изслѣдованіе существующихъ теперь, *живыхъ* языковъ гораздо важнѣе изученія исчезнувшихъ языковъ, воспроизводимыхъ по письменнымъ памятникамъ. 18) Ребенокъ особенностями своей рѣчи предсказываетъ будущее состояніе племеннаго языка, и только впоследствии пѣтятся, такъ сказать, назадъ, все болѣе и болѣе приравливаясь къ нормальному языку окружающихъ. 19) Толчки къ существеннымъ измѣненіямъ племеннаго языка даются, главнымъ образомъ въ языкѣ дѣтей. 20) Начало языка не *монологическое*, а *полилогическое*. 21) Строго слѣдуетъ различать *развитіе* языка, отъ его *исторіи*. Исторія состоитъ въ простой послѣдовательности явленій однородныхъ, но различныхъ. Развитіе же состоитъ въ непрерывности измѣненій не феноменальныхъ (касающихся только явленія), но существенныхъ. Развитіе свойственно языку индивидуальному, исторія же—языку племенному (см. Бодуэнъ-де-Куртенъ, въ „Критико-біографич. словарь“ Венгерова V, стр. 33—35).

За послѣднее время неутомимый ученый предпринималъ цѣлый рядъ крупныхъ изданій: онъ издаетъ отдѣльный сборникъ своихъ статей, напечатанныхъ ранѣе въ разныхъ періодическихкихъ изданіяхъ. О цѣнности подобнаго собранія статей нашего ученаго въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, послѣ сказаннаго, нѣтъ надобности распространяться. Въ настоящее время изданъ первый томъ этого собранія подъ заглавіемъ: I. Baudouin de Courtenay, Szkice językoznawcze, I, Warszawa 1904. (особенно интересны здѣсь статьи: „Językoznawstwo czyli lingwistyka w wieku XIX-m, стр. 1—23; O zadaniach językoznawstwa стр. 24—49; O ogólnych przyczynach zmian językowych стр. 50—95; Kilka wypadków działania analogii w deklinacji polskiej стр. 176—248; Z fonetyki międzywyrazowej (äussere Sandhi) sanskritu i języka polskiego стр. 413—423; Интересныя этимологіи стр. 260—263, 431—434 и проч.).

Съ 1903 г. Бодуэнъ редактируетъ 3-е изданіе „Толковаго словаря живого великорусскаго языка“ В. И. Даля; пока вышло 2 тома, до буквы П. Кромѣ того, нашъ ученый слѣдитъ за этимологической частью и полнотой матеріаловъ въ издаваемомъ въ Варшавѣ, обширномъ „Słownik języka polskiego“.—

Я постарался вкратцѣ охарактеризовать научную дѣятель-

ность И. А. за 40 лѣтъ. Теперь скажу нѣсколько словъ объ университетскомъ преподаваніи профессора: рѣдко мнѣ въ университетѣ приходилось видѣть ученыхъ, такъ любящихъ свой предметъ, такъ глубоко его понимающихъ, такъ страстно имъ увлекающихся, и увлекающихъ другихъ. Достоинство его лекцій прежде всего слѣдуетъ видѣть въ ихъ самостоятельности: И. А. не придерживается ни одного руководства, ни одного готового ученія, онъ вполне независимъ отъ современныхъ ученій другихъ изслѣдователей. Этимъ онъ открываетъ своимъ ученикамъ совершенно новыя области лингвистики, приучаетъ ихъ къ такому же свободному, непредубѣжденному взгляду на предметы и цѣли изслѣдованія и воспитываетъ въ нихъ своимъ примѣромъ уваженіе и стремленіе къ такой же самостоятельности. Такая наука, какъ языковѣдѣніе, особенно нуждается въ столь опытномъ руководителѣ, не только исправляющемъ недостатки гимназическаго образованія, но и направляющемъ своихъ учениковъ въ области лингвистики. Изъ года въ годъ Бодуэнъ въ университетѣ читаетъ одинъ и тотъ же курсъ: „Введеніе въ языковѣдѣніе“<sup>1)</sup>, но какъ серьезно и добросовѣстно онъ относился къ университетскому преподаванію, явствуетъ изъ того, что ежегодно курсъ этотъ читается въ совершенно измѣненномъ и переработанномъ видѣ<sup>2)</sup>. Желательно было бы видѣть изданіе этого курса: безъ сомнѣнія для русской науки онъ имѣлъ бы такое значеніе, какъ для нѣмецкой лингвистики извѣстные „Grundzüge der Phonetik“ Sievers'a. Интересно было бы и изданіе университетскихъ лекцій Бодуэна по „Сравнительной грамматикѣ славянскихъ нарѣчій“<sup>3)</sup>. Онѣ были бы полезнымъ дополненіемъ къ общимъ трудамъ по славянскому языковѣдѣнію Миклошича и Флоринскаго.—

Въ отвѣтъ на рѣчь своего ученика проф. С. К. Булича, Бодуэнъ въ день своего юбилея, высказалъ мысль, что онъ и послѣ юбилея, на который часто смотрятъ, какъ на предѣлъ научныхъ занятій, надѣется продолжать свою научную дѣя-

<sup>1)</sup> Не по своей волѣ, какъ я узналъ отъ него лично.

<sup>2)</sup> См. Н. Крушевскій. Отчетъ о занятіяхъ сравнительнымъ языковѣдѣніемъ за время отъ 15 декабря 1878 г. до 1 октября 1879 г. въ „Извѣстіяхъ Казанскаго Университета“ 1882 г.

<sup>3)</sup> Въ настоящее время имѣющихся лишь въ литографированномъ курсѣ: „Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ въ связи съ другими индоевропейскими языками“ проф. И. А. Бодуэна де-Куртенэ. Лекціи 1901—1902 гг. Составилъ студ. А. Шиловъ.

тельность, но онъ желаетъ своимъ товарищамъ, если имъ когда-нибудь придется праздновать подобный же юбилей, праздновать его въ болѣе счастливую пору.—Мнѣ кажется къ этимъ двумъ желаніямъ неутомимаго труженика безъ колебанія присоединится всякій; въ настоящее смутное время Россія особенно нуждается въ честныхъ, благородныхъ людяхъ, такъ смѣло ратующихъ за правду и за свободу.

**М. Фасмеръ.**

2 февраля 1906 г.

---

# Къ изученію русскихъ народныхъ пѣсенъ.

## I.

Одна изъ наиболѣе извѣстныхъ русскихъ пѣсенъ—„А мы просо сѣяли“—представляетъ въ своемъ содержаніи значительную неясность. Она постоянно сопровождается „игрою“, слѣдовательно, мы въ ней имѣемъ небольшую сцену изъ стараго быта. Но связь между дѣйствіями двухъ являющихся передъ нами сторонъ почти отсутствуетъ.

Обратимся къ пѣснѣ и возьмемъ тотъ ея варіантъ, который находится въ пѣсенникахъ XVIII вѣка и между прочимъ у нѣкогда широко распространеннаго Прача<sup>1)</sup>.

1. А мы просу сѣяли.—
2. А мы просу вытопчемъ.—
1. Да чѣмъ-то вамъ вытоптать?—
2. А мы коней выпустимъ.—
1. А мы коней перейдемъ.—
2. Да чѣмъ-то вамъ перенять?—
1. Ахъ, шелковымъ неводомъ.—
2. А мы коней выкупимъ. И т. д.

Первая сторона сообщаетъ второй, что она на данной землѣ посѣяла просо. Вторая отвѣчаетъ угрозой вытоптать это просо конями. Первая въ свою очередь заявляетъ, что она не останется въ долгу и захватитъ коней. Вторая сторона смиряется и предлагаетъ выкупъ. Передъ нами вражда и угрозы. Изъ за чего? Что непріятнаго для второй стороны въ сѣяніи проса первою стороною? Какое основаніе имѣетъ она грозить насиліемъ? Почему, наконецъ, она за одну угрозу, не приведенную въ исполненіе, платится выкупомъ? Текстъ этого варіанта не

<sup>1)</sup> Мы пользуемся нашимъ изданіемъ: „Великорусскія народныя пѣсни“, т. VII, Спб. 1902 г., № 696.

даетъ отвѣта. Очевидно, вариантъ принадлежитъ къ числу искаженныхъ. Очевидно, играющіе подъ этотъ вариантъ не отдають себѣ отчета въ томъ, что поютъ.

Возьмемъ другой вариантъ <sup>1)</sup>).

1. Ужъ мы пашню пахали.—
2. А мы просо сѣяли.—
1. А мы просо вытопчемъ. И т. д.

Здѣсь сцена имѣетъ уже иной характеръ. Первая сторона заявляетъ второй, что она на данной землѣ вспахала пашню. Вторая отвѣчаетъ, что она на этой же землѣ посѣяла просо. Передъ нами споръ о правѣ пользованія землею. Угроза вытоптать просо изъ устъ первой стороны—вполнѣ естественна; это—мести за нарушеніе ея права. Но за что именно эта сторона платится выкупомъ? Вѣдь *jus primi occupantis* на ея сторонѣ? Вѣдь вторая сторона не имѣетъ на землю никакихъ правъ? Очевидно, и этотъ вариантъ принадлежитъ къ числу пострадавшихъ отъ времени.

Возьмемъ еще вариантъ <sup>2)</sup>).

1. А мы сѣчу сѣчали.—
2. А мы пашню пахали.—
1. А мы просо сѣяли.—
2. А мы коней... И т. д.

Споръ идетъ о томъ, кому снимать просо. Первая сторона расчистила землю изъ подъ лѣса. Вторая эту расчищенную землю распахала. Право на пользованіе землею принадлежитъ, несомнѣнно, первой сторонѣ. Вторая несетъ, за попытку захватить землю, наказаніе—платить штрафъ. Лишь этотъ вариантъ можетъ считаться полнымъ и сохраняющимъ основныя подробности пѣсни-прототипа.

Выжиганіе лѣса подъ пашню на нашемъ сѣверѣ и особенно въ Сибири—всѣмъ извѣстно. О томъ, что оно всего полстолѣтія назадъ практиковалось въ средней Россіи <sup>3)</sup>, можно видѣть изъ книги *Есимонтовскаго*, *Описаніе Суражскаго уѣзда Черниговской губерніи*, Спб. 1846.

<sup>1)</sup> См. тамъ же № 702. Съ нимъ до извѣстной степени сходенъ № 704.

<sup>2)</sup> Тамъ же № 701. Съ нимъ сходенъ въ главномъ № 700.

<sup>3)</sup> Первый посѣвъ былъ всегда—просо.

## II.

Всѣмъ извѣстна пѣсня „Ахъ, вы, сѣни мои, сѣни“. Всѣ наличныя записи ея (ихъ немного) даютъ очень близкіе тексты. Въ нихъ ясно выдѣляются четыре части.

Первая <sup>1)</sup> вездѣ почти буквально одна и та же:

Ахъ, вы, сѣни мои, сѣни, сѣни новыя мои,  
Сѣни новыя, кленовыя, рѣшетчатыя!  
Ужъ знать что мнѣ по сѣничкамъ не хаживати,  
Мнѣ мила дружка за рученьку не важивати!

Ясно, что рѣчь ведетъ дѣвушка, просватанная не за милаго дружка, передъ тѣмъ, какъ ей оставить отеческій кровъ.

Вторая часть также вездѣ одна и та же:

Выходила молода за новыя ворота.  
За новыя, дубовыя, за рѣшетчатыя;  
Выпускала сокола изъ правого рукава:  
Полети ты, мой соколъ, высоко и далеко,  
И высоко, и далеко на родиму сторону!  
На родимой на сторонеѣ грозень батюшка живетъ...

Здѣсь говоритъ уже замужняя, находящаяся на чужой сторонѣ, для которой родимая сторона—далеко.

Третья часть въ разныхъ вариантахъ поется разнo. Въ однихъ <sup>2)</sup> рѣчь идетъ о прошломъ:

Онъ грозень, сударь, грозень, онъ немилостивый:  
Не пускаетъ молоду поздно вечеромъ одну!  
Я не слушала отца, потышала молодца!

И далѣе <sup>3)</sup>:

А затѣмъ его забавила, что одинъ сынъ у отца,  
Зовутъ Ванюшкою, пивоварушкою...

Въ другихъ <sup>4)</sup>:

Я не слушаю отца, а потышу молодца!  
Я за то его потышу, что одинъ сынъ у отца...

---

<sup>1)</sup> Пользуемся тамъ же № 72.

<sup>2)</sup> Тамъ же № 74.

<sup>3)</sup> № 76.

<sup>4)</sup> № 72.



Четвертая часть для насъ наименѣе интересна. Она даетъ характеристику героя пивовара:

Пивоваръ пиво *варитъ*, зелено вино *куритъ*,  
Зелено вино курить, красныхъ дѣвушекъ манить...

Или:

Пивоваръ пиво *варилъ*, зелено вино *курилъ*...

Первая и вторая части настолько разногласятъ между собою, что необходимо одну изъ этихъ частей признать искаженной. Нельзя сомнѣваться, что это—вторая часть. Дѣвушка, просватанная не за милаго, должна посылать вѣсть съ соколомъ не на родимую сторону, гдѣ она еще находится, а на чужую, гдѣ проживаетъ милый. Сравни пѣсню № 287 и сходныя:

. . . . .  
Полети-ка, сизенькій голубчикъ, въ самую дальнюю сторону;  
Ты найди-тка, сизенькій голубчикъ, мнѣ-ка милаго дружка,  
Ты скажи про несчастье про мое,  
Про такое про несчастье: Сашу замужъ отдаютъ,  
Отдаютъ-то не за милаго дружка...

Очевидно, произошло смѣшеніе двухъ пѣсенъ, близкихъ по ритму и напѣву, и воздѣйствіе одной (неизвѣстной) на другую, на нашу. Возстановить первоначальный видъ послѣдней мы уже не можемъ.

Третья часть представляетъ лишь незначительное затрудненіе. Выборъ изъ двухъ глагольных формъ—прошедшаго времени и будущаго—не труденъ. Если милый—далеко, звать, дѣвушка можетъ лишь вспоминать прошлое, а не мечтать о будущемъ.

Въ четвертой части также двѣ глагольныя формы—настоящаго времени и прошедшаго. Изъ нихъ форма прошедшаго легко могла явиться подъ вліяніемъ однородной формы въ третьей части. Слѣдовательно, форма настоящаго времени заслуживаетъ предпочтенія, тѣмъ болѣе, что она вполне подходитъ для характеристики пивовара.

А. Соболевскій.

## Къ вопросу о постепенномъ „человѣченіи“ языка.

---

Языковѣдѣніе вообще и сравнительно-историческое изученіе индо-европейскихъ языковъ въ особенности собрало уже значительное количество разнообразныхъ данныхъ и пришло въ ряду частныхъ выводовъ. Теперь очередь за общими выводами.

Профессоръ И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ недавно издалъ <sup>1)</sup> свой рефератъ, читанный въ Русскомъ Антропологическомъ Обществѣ и озаглавленный: „Объ одной изъ сторонъ постепеннаго человѣченія языка въ области произношенія, въ связи съ антропологіей“. Этотъ рефератъ посвященъ, какъ показываетъ уже заглавіе, вопросу о постепенномъ „человѣченіи“ языка.

Произносятъ, говоритъ авторъ, т. е. производятъ звуки не только человѣкъ, но и животныя: птицы и млекопитающія. Но у животныхъ главный фокусъ фонаціи или звукопроизводства сосредоточивается въ нижнихъ и заднихъ органахъ рѣчи; если животныя и произносятъ ртомъ, то въ ихъ произношеніи участвуетъ вся полость рта, безъ различенія ея отдѣльныхъ частей, безъ частной локализациі. Въ человѣческомъ же произношеніи замѣчается большое разнообразіе работъ полости рта и локализациа въ полости рта составляетъ его главный признакъ.

Если стать на эволюціонную точку зрѣнія, продолжаетъ авторъ, то необходимо будетъ предположить, что переходъ отъ языковаго состоянія животнаго и до-человѣка къ языковому состоянію человѣка состоялъ въ общемъ выходѣ звукопроизводительной дѣятельности изъ полости гортани въ полость рта и въ появленіи настоящей членораздѣльности произношенія.

---

<sup>1)</sup> Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго Общества при Имп. Спб. университетѣ, изд. подъ редакціей секретаря Общества *Б. Ф. Адлеръ*. Т. I, 1904 г., стр. 275—288.

Если первоначальное очеловѣченіе языка, говорить далѣе авторъ, состояло въ выходѣ главной массы произносительной дѣятельности изъ полости гортани въ полость рта, то спрашивается: нѣтъ ли продолженія того же историческаго процесса въ доступный изслѣдованію и гипотетической реконструкціи періодъ жизни извѣстныхъ намъ языковъ?

Какъ на самые существенные факты авторъ указываетъ на противоположности 1) полости гортани и полости рта и 2) въ полости рта—органовъ заднихъ и переднихъ, т. е. съ одной стороны—задней и средней части языка, съ другой же стороны—передней части языка и губъ.

Чтобъ получить отвѣтъ на поставленный вопросъ, авторъ приводитъ рядъ фактовъ изъ исторіи индо-европейскихъ языковъ и изъ нихъ заключаетъ, что продолженіе челоуѣченія языка происходитъ.

Заключение и интересно, и важно. Но дѣйствительно ли факты, на которые опирается авторъ, собраны полно и говорятъ убѣдительно?

Рассмотримъ изъ этихъ фактовъ четыре, одинъ за другимъ, въ томъ порядкѣ, какъ они излагаются авторомъ.

1) „Одна изъ фонаціонныхъ работъ гортани, такъ называемое *придыханіе* (аспирація) постепенно слабѣетъ, или совершенно исчезая, или по крайней мѣрѣ уменьшаясь какъ со стороны частоты появленія, такъ и со стороны каждавременной исполняемости. Это можно замѣтить при переходѣ отъ состоянія языка латинскаго къ состоянію языковъ романскихъ (итальянскаго, французскаго и т. д.), въ исторіи языковъ германскихъ (раньше *hl*, *hr*, впослѣдствіи *l*, *r* и т. п.) и т. д.“

Мы очень мало знакомы съ романскою и германскою діалектологіей, и потому вѣримъ автору на слово въ томъ, что касается романской и германской группъ языковъ. Но славянская группа языковъ представляетъ нѣчто противоположное тому, что усматриваетъ авторъ въ группахъ романской и германской. Несомнѣнно, въ общеславянскомъ предѣхъ этихъ языковъ не было *придыхательнаго h*, но на почвѣ отдѣльныхъ языковъ онъ появился, въ однихъ получившись изъ древняго задне-небнаго *g*, въ другихъ возникнувъ неорганически. Наши данныя не даютъ намъ возможности отличать *придыхательное h* отъ *фрикативнаго γ* (наблюдатели ихъ постоянно смѣшиваютъ), но не подлежитъ сомнѣнію, что *придыхательное h* на мѣстѣ древняго *g* существуетъ въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ; возможно, что оно существуетъ также въ говорахъ чешско-сло-

вацкихъ. Что до неорганическаго придыханія, то оно извѣстно какъ въ говорахъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ, такъ въ особенностяхъ въ говорахъ чешско-словацкихъ. Изъ послѣднихъ нѣкоторые имѣютъ его передъ каждымъ начальнымъ гласнымъ (Bar to š, Dialektologie Moravská, II, 187). Сверхъ того, верхне-лужицкій языкъ имѣетъ неорганическое *h* передъ каждымъ начальнымъ *o*.

2) „Въ древнѣйшемъ исторически воссоздаваемомъ состояніи индо-европейскихъ языковъ отличались, по дѣйствию гортани, не только глухіе согласные отъ звонкихъ, но также придыхательные отъ непридыхательныхъ. Впослѣдствіи это второе различіе или исчезаетъ, или же замѣняется другого рода различіемъ, фонаціонный базисъ котораго—полость рта“. Авторъ ссылается на судьбы древнихъ придыхательныхъ согласныхъ въ разныхъ индо-европейскихъ языкахъ.

И здѣсь мы вѣримъ автору, что въ романскихъ и германскихъ говорахъ не возникло новыхъ придыхательныхъ согласныхъ. Но хотя придыхательные согласные не были извѣстны общеславянскому предку, тѣмъ не менѣе въ одномъ изъ потомковъ—въ верхне-лужицкомъ языкѣ—одинъ такой согласный *kh* появился (на мѣстѣ древняго *x*): *khudy, khory, khopie*. Т. Д. Флоринскій говоритъ: „*kh* проникло къ Верхнимъ Лужичанамъ подъ вліяніемъ нѣмецкаго языка лишь въ концѣ XVII ст.“ (Лекціи по славянскому языкознанію, II, 621).

3) Исторія языковъ указываетъ на постепенное усиленіе звукопроизводной дѣятельности передней части языка и губъ на счетъ дѣятельности задней части. Въ этомъ направленіи замѣны работъ болѣе заднихъ работами болѣе передними совершилась замѣна прежняго индо-европейскаго *j* согласными передне-язычными въ греческой звуковой области (*dz* и даже простое *d*), въ области романской (итальянское *dʒ*, французское *ʒ* и т. п.), въ области индійской (пракритское *dʒ*).

Несомнѣнно, что въ рядѣ языковъ въ извѣстныхъ случаяхъ *j* перешелъ въ *dz, dʒ*; но мы видимъ и обратное явленіе—переходъ небнаго *d* въ *j*. Такъ, въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ мы слышимъ вмѣсто ходить, глядѣть и т. п.—хоятъ, глѣять и т. п. Такъ, хорватскіе и словинскіе говоры въ значительной древности замѣнили древнѣйшую группу *dj* (черезъ небное *dʒ*) простымъ *j*: *gosproja* изъ *gospodja*, ц.-сл. *gospojsda*, шеју, ц.-сл. *mejsdo*.

4) Изъ комбинаторныхъ измѣненій звуковъ языка, приводящихъ въ концѣ концовъ къ замѣнѣ заднихъ звукопроизвод-

ныхъ работъ болѣе передними, И. А. Бодуэнъ указываетъ на замѣну *к'* (*кѣ*), *г'* (*гѣ*) въ разныхъ языкахъ или черезъ *ч*, *ж*, или черезъ *и*, *дз*, или черезъ *т'* (*тѣ*), *д'* (*дѣ*). „Въ исторіи языковъ, прибавляетъ онъ, мы замѣчаемъ все новыя отложенія въ этомъ направленіи. Укажемъ, между прочимъ, на русское *ти*, *де* вмѣсто прежнихъ *ки*, *ие* (паутина, *тисть* вмѣсто *кисть*, андѣль вм. *аниель* и т. п.“).

И здѣсь мы встрѣчаемся съ обратнымъ явленіемъ. Нѣкоторые малорусскіе говоры (въ Покутъѣ, у Гуцуловъ) послѣдовательно замѣняютъ каждое *т'*, *д'* черезъ *к'*, *и'*: *кѣ*сто—*тѣ*сто, *и*дѣ—*дѣ*дѣ. Говоры македонско-болгарскіе, хорватскіе, словенскіе прекрасно знакомы съ тѣмъ же явленіемъ: болг. *свеки* брая изъ *свѣтја*, *братъя*, *мею*, *и'ете*, *внягъ*, изъ *медју*, *дѣте*, *видѣлъ*. Вульгарный московскій говоръ рядомъ съ андѣль представляетъ намъ и ориентъ—орденъ, *кисемка*—*тесемка*, *Китъ* (собств. имя)—*Титъ*.

Другіе факты, указанные И. А. Бодуэномъ въ доказательство постепеннаго „человѣченія“ языка, если не возбуждаютъ сомнѣнія въ самомъ своемъ существованіи,—также имѣютъ, почти всѣ, рядомъ съ собою факты прямо противоположныя, т. е. свидѣтельствующіе скорѣе о „звѣрѣніи“ языка, чѣмъ объ его „человѣченіи“.

Такимъ образомъ, уклонившись отъ односторонняго подбора матерьяла и поставивъ передъ собою все разнообразіе звуковыхъ измѣненій въ индо-европейскихъ языкахъ,—мы должны признать, что о „человѣченіи“ языка въ доступный наукѣ періодъ жизни индо-европейскихъ народовъ мы не имѣемъ права говорить. Весьма возможно, что это „человѣченіе“ въ чемъ-нибудь дѣйствительно выражается, но факты, приведенные И. А. Бодуэномъ, и имъ подобныя не свидѣлствуютъ о немъ.

А. Соболевскій.

# По волынскимъ захоlustямъ.

(Эскизы изъ дорожнаго альбома).

## I.

### На развалинахъ Коростени.

Начинало смеркаться, когда мы вступили въ березовую аллею, ведущую въ мѣстечко Искорость, расположившееся на полпути изъ Житомира въ Овручъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, находился нѣкогда Коростень, столица древлянская, сожженная княгиней Ольгой.

Широкая аллея привела насъ прямо въ мѣстечко, раскинувшееся на берегу живописной рѣчки Уши. Скоротавъ ночь подъ гостепріимнымъ кровомъ народной школы, на другой день мы съ товарищемъ принялись немедленно знакомиться съ достопримѣчательностями Искорости. Памятниковъ глубокой старины здѣсь чрезвычайно много; то и дѣло встрѣтишь или древнее городище, или курганъ, или развалины, въ которыхъ приурочена какая-нибудь красивая и наивная народная легенда.

Мы, первымъ дѣломъ, остановили свое вниманіе на знаменитыхъ „Ольгинныхъ купальняхъ“ или „Ольгинныхъ баняхъ“.

Рѣка Ушь, на которой, какъ я уже сказалъ, стоитъ Искорость, пробивъ себѣ путь въ гранитныхъ скалахъ, отрогахъ Карпатскихъ горъ, образуетъ въ своемъ каменномъ ложѣ три котлообразныя углубленія, совершенно круглыя и довольно глубокия. Это и есть „Ольгины купальни“, славящіяся среди крестьянъ своими цѣлебными свойствами.

Надъ котловинами каменное ложе приподнялось уступами и вода, ниспадая съ уступовъ шумнымъ водопадомъ, весело пѣнится и крутится въ каменныхъ ямахъ. Вдоль по теченію, ниже Ольгинныхъ купаленъ, вниманіе наблюдателя привлекаютъ къ себѣ высокіе отвѣсныя и мрачныя берега Уши. Здѣсь гигантскіе камни, громоздясь другъ на друга, образуютъ пещеру —

„Ольгинъ гротъ“. Глубокая, таинственная и вмѣстѣ торжественная тишина вѣчно царить въ этомъ изломѣ рѣки. Каменные берега въ нѣсколько саженьей высотой охраняютъ теченіе; самый сильный вѣтеръ не проникнетъ сюда и никогда не замутишь рябью спокойную поверхность воды, которая представляется въ этомъ мѣстѣ черной, какъ чернила.

Это мѣсто называютъ въ народѣ „святѣ“. Старинное народное преданіе гласитъ, что здѣсь на одномъ изъ уступовъ высокой скалы была выстроена княгиней Ольгой христіанская церковь во имя св. Елены, первая церковь въ древлянскій землѣ. Но, рассказываемъ преданіе, однажды въ „великдень“, т. е. на Свѣтлое Христово Воскресеніе, случилось великое чудо,—христіанскій храмъ, вмѣстѣ со священникомъ и молящимися, вмѣстѣ съ иконами и хоругвами, провалился сквозь землю. Такое попущеніе Божеское случилось по винѣ самой матушки-попадѣи, которая, будучи обуреваема жадностью, несмотря на праздникъ „великдень“, вздумала было шить мѣшки для обильныхъ пасхальныхъ приношеній, которыя по обычаю ожидались отъ православныхъ христіанъ.

Съ тѣхъ поръ, рассказываетъ наивная народная легенда, если приложить ухо къ каменной скалѣ, то можно услышать по большимъ праздникамъ колокольный перезвонъ.

Противъ „Святѣ“, на противоположномъ (лѣвомъ) берегу рѣки, видны беспорядочно разбросанныя округленныя глыбы гранита. Ихъ называютъ въ народѣ „чортовы плечи“. Объ этихъ окаменѣлыхъ чортовыхъ плечахъ пастухъ—проводникъ рассказывалъ мнѣ слѣдующее.

— Изъ давныхъ-давенъ это было. Захотѣли, значитъ, черти затопить весь свѣтъ. Вотъ они и думаютъ себѣ: давай-ка мы загородимъ камнями русло рѣки, разольется тогда Ушь и затопитъ весь міръ. И стали черти ждать-поджидать, когда придетъ удобное время. Вотъ и пришла темная осенняя ночь. Собрались тогда черти всѣ вмѣстѣ и что было силы-мочи уперлись плечами въ скалу. Они, стало-быть, желали опровергнуть скалу поперекъ рѣчки. Но не успѣли они окончить злого дѣла; увидѣлъ все это Господь и приказалъ пѣтуху раньше положеннаго времени крикнуть свое ку-ку-реку. Только хлопнулъ пѣтухъ крыльямъ и кривнулъ ку-ку-реку, — стали испуганные черти зарываться въ „багно“, но не успѣли они зарыться и вмигъ окаменѣли. Съ тѣхъ вотъ поръ и виднѣются каменные плечи окаменѣлыхъ чертей...

Идя дальше по теченію красавицы Уши, мы встрѣтились съ

самой наиглавнѣйшей достопримѣчательностью Искорости,—съ грандіознымъ древнимъ городищемъ, поражающимъ своими необыкновенными размѣрами и чудно сохранившимися гигантскими валами. Эти валы и глубокіе рвы окружаютъ городище съ 3-хъ сторонъ, съ 4-й — его прикрывала рѣка Ушъ, въ настоящее время значительно отступившая отъ своего прежняго русла. Много воды утекло въ рѣкѣ Ушѣ съ тѣхъ поръ, какъ устроилось это могучее укрѣпленіе. Возлѣ главнаго городища расположились еще три укрѣпленія, значительно меньшихъ размѣровъ. Одно стоитъ на противоположномъ берегу Уши, другое въ вышнемъ мѣстечкѣ, третье въ помѣщичьей усадьбѣ. Главное городище занимаетъ довольно большое пространство, что то около 9 десятинъ, но эта земля никому не принадлежитъ,—ею пользуется тотъ, кто успѣетъ захватить ее пораньше съ весны. При вспашкѣ, на городищѣ то и дѣло попадаетъ битая посуда, шиферныя праслицы, старинное металлическое оружіе, ржавое желѣзо; встрѣчаются также мѣдныя складни, кресты-тѣльники и т. п. Особенно много находится шиферныхъ праслицъ; намъ приносили ихъ цѣлыя сотни, нанизанныя на подобіе сушеныхъ грибовъ на длинную бичеву.

Валъ остается нераспаханнымъ. Онъ заросъ бурьяномъ и кустарникомъ. Чудный видъ на рѣку и луга открывается съ этого вала. Сверкающей лентой извивается голубая рѣка, среди мягкихъ зеленыхъ луговыхъ береговъ, справа подѣленное на правильные четырехугольники озимое поле, слѣва—широкій луговой коверъ, усыянный пестрыми цвѣтами. Тихо, вездѣ безлюдно. Кое-гдѣ на берегу замѣтны движущіяся темныя точки,—это рыболовы тянутъ свой „волокъ“. Все залито волнами золотого свѣта, только изрѣдка быстро скользнетъ по лугу легкая тѣнь отъ набѣжавшаго на солнце бѣлаго, какъ вата, облачка.

За лугами видно урочище „Малины“, усыянное курганами, а еще дальше—темныя пятна деревень, съ черными соломенными стрѣхами, съ зелеными маковками бѣлыхъ церквей.

Странныя ощущенія вызываетъ это мертвое поле, со своими большими и малыми курганами. Что за витязь лежитъ вонъ подъ этимъ самымъ большимъ бугромъ земли?

Какіе свершилъ онъ набѣги,  
Какіе онъ жегъ города?

Мнѣ пришлось присутствовать при раскопкахъ этихъ нѣмыхъ памятниковъ былого. Раскопки свидѣлствуютъ, что мы имѣемъ дѣло съ типомъ обыкновеннаго древлянскаго погребен-



нія. Покойниковъ хоронили въ деревянныхъ гробахъ, гробы ставили прямо на грунтъ, а сверху насыпали курганъ.

Осмотрѣвъ курганы, мы перебрались на противоположный берегъ рѣчки Уши и заглянули въ помѣщичью усадьбу. Здѣсь наше вниманіе невольно обратилось на 2 большихъ шиферныхъ креста, стоящихъ въ помѣщичьемъ саду. Надписей на нихъ мы не нашли, но своей формой, они очень напоминаютъ кресты—тѣльники великокняжеской эпохи.

Въ самомъ мѣстечкѣ насъ заинтересовала очень оригинальная постройка, сравнительно недавняго происхожденія. Надъ заколоченной наглухо дверью прибита доска, на подобіе вывѣски, съ надписью:

„Домъ Стефана Любовидзкаго, генераль-лейтенанта Россійскихъ Войскъ. Умеръ 12 апрѣля 1807 г.“

Домъ деревянный, на каменномъ фундаментѣ изъ краснаго шифера; фасадъ украшенъ деревянными колонками.

Само по себѣ мѣстечко Искорость имѣетъ обычный видъ бѣдныхъ мѣстечекъ юго-западнаго края; правда, въ немъ нѣтъ традиціонныхъ зловонныхъ лужъ, въ которыхъ обывательскія свиньи такъ любятъ наслаждаться лѣннымъ кейфомъ. Широкій шляхъ на Овручъ, обсаженный вербами и березами, даетъ характеръ приволья и просторъ всему мѣстечку. Черезъ Искорость недавно проведена новая желѣзная дорога изъ Кіева на Ковель. Съ облегченіемъ путей сообщенія, мы увѣрены, не замедлятъ обратить на себя всеобще вниманіе замѣчательные памятники старины бывшей древлянской столицы, отличающейся къ тому же удивительно живописнымъ мѣстоположеніемъ.

---

## II.

### Игорева могила.

Я снова побрелъ дальше по полѣвскимъ шляхамъ и проселкамъ, по лѣсамъ, пескамъ и шаткимъ непрочнымъ настилкамъ черезъ топкія болотныя трасины.

Я минулъ села Немировку и Воронево и набрелъ на огромный разрытый курганъ, окопанный валомъ, который имѣлъ форму четырехугольника, длиной около 60 шаговъ. Присѣлъ отдохнуть на могилѣ.

Ко мнѣ подошелъ старикъ пастухъ, досматривавшій стадо коровъ. Пастухъ былъ очень старъ, лѣтъ 70, если не больше,

босой, съ щетинистой бородой и длинными усами. Одѣтъ онъ былъ, несмотря на жаркую погоду, въ черную свиту изъ толстаго домашняго сукна.

— Не знаете-ли, что это за могила? спросилъ я у него.

— Это Ригорева могила, хлопче, богатыря Ригора.

Пастухъ полагалъ, что передо мною была знаменитая Игорева могила, гдѣ по преданію былъ погребенъ сынъ Рюрика, убитый древлянами во время сбора дани въ 945 г.

— Какая огромная могила! вырвалось у меня.

— Э, хлопче,—отозвался старикъ,—она была огромная, а теперь она совсѣмъ небольшая, потому, — разорили ее паны. Вотъ оно что. Такая была высокая могила, что какъ былъ я маленькимъ хлопчикомъ, то съ превеликимъ трудомъ на нее я сбирался. Лѣзешь, бывало, лѣзешь *рачки* <sup>1)</sup> ажъ утомишься, леза до вершины доберешься. А какъ глянешь оттуда съ верхушки, такъ ажъ страшно тебѣ сдѣлается. И все тебѣ видать отсюда, безъ конца, безъ краю видать, молявъ, все равно, что на долони.. Геть-геть видно, якъ мріе впереди, якъ хресты на церквахъ мигтять. Эге-жъ. И страшно, страшно бывало мнѣ сдѣлается, ей-же Богу. Отъ я назадъ, назадъ, такъ и скочусь помаленьку...

— Кто же это ее разорилъ?

— Паны розруйновали, хлопче, паны... Э... давно это дѣло было, еще до воли это дѣло было, да и воля еще тогда не тутко <sup>2)</sup> пришла. Я стари-помню.

— Разскажите же, какъ это случилось.

— А такъ случилось. Понаѣзжали якимъ паны, кто? Откуда? Хіба-жъ мы знаемъ—откуда? Ну добре. Понаѣзжали паны... Нагнали народушка Вожого—сила! Отовсюду стонали народъ. Были тутъ и изъ нашего Воронева, и изъ Сингаевъ, изъ Бетовъ, изъ Бардъ, изъ Татарновичей, изъ Васьковичей, изъ Нечирова... да откентелева ихъ тутъ только и не было... Ну хорошо. И приказали паны народу Ригореву могилу заступами копать, а землю, стало быть, кругомъ валомъ ссыпать. Стали заступами землю копать, стали землю въ корзинахъ таскать, да на тачкахъ вывозить... Вотъ и работалъ такъ народушко, долго работалъ, докопѣ какъ кроты, всю могилу, какъ есть, развернули. Такъ вотъ съ тѣхъ поръ и не стало у насъ той давовижи.

<sup>1)</sup> на четверенькахъ.

<sup>2)</sup> не скоро.

— Что же нашли въ могилѣ?

— А ничего путного, хлопче, не нашли. Кости нашли, черепъ... кой-какое желизяче ржавое... А впрочемъ, поговариваютъ, что денегъ тоже нашли великую силу, заграбастали паны скарбъ огромяднѣйшій...

Преданіе о томъ, что въ могилѣ Игоря схоронены огромныя сокровища („скарбъ“), заставляетъ крестьянъ рыться въ этомъ мѣстѣ еще и по настоящее время.

Я попробовалъ было поразспросить старичка о личности богатыря „Ригорѣ“, но оказалось, что онъ имѣетъ о немъ самыя странныя понятія; его фантастическій рассказъ о „Ригорѣ“ перепутывался съ легендой о какой-то царицѣ „изъ градъ Искры“, которую будто бы „дуже уподобавъ богатырь Ригоръ“ и т. п.

— Съ давнихъ давенъ се діялось! — прибавилъ старикъ, какъ бы въ оправданіе сбивчивости и фантастичности своего рассказа.

Въ это время вдали показалась маленькая дѣвочка въ красномъ платкѣ, несшая старику обѣдъ. Онъ поспѣшилъ ей навстрѣчу; а я побрелъ своей дорогой, черезъ село Ходаки, намѣреваясь остановиться на ночлегъ въ с. Татарновцахъ.

Въ Ходакахъ сохранился памятникъ церковнаго искусства, способный заинтересовать археологовъ. Памятникъ этотъ — ветхая деревянная церковь, перестроенная въ послѣдній разъ въ 17 вѣкѣ, всѣмъ своимъ внутреннимъ устройствомъ краснорѣчиво говорящая о временахъ уни.

На колокольнѣ, на дверномъ косякѣ, сохранилась надпись, гласящая, что колокольня выстроена позже храма „дѣдичами“ села Ходаковъ въ 1770 году. Царскія врата Ходаковского храма изображаютъ царя Давида, изъ груди котораго произрастаетъ виноградная лоза.

Ходаковскіе жители еще въ очень недавнее время славились своимъ чумацкимъ промысломъ. Любопытно, что чумацество сохранялось здѣсь даже до самаго послѣдняго времени, хотя, разумѣется, уже далеко не въ прежнемъ видѣ. Развитие, рельсовыхъ путей сократило этотъ стародавній малороссійскій промыселъ, но не убило его совсѣмъ. И теперь еще нѣкоторые ходаковскіе крестьяне продолжаютъ возить въ степь смолу и деготь, забираясь даже въ Екатеринославную губернію. Надо полагать, что ходаковскіе чумаки — послѣдніе чумаки; вскорѣ исчезнетъ чумацество и на Волини, какъ исчезло оно уже въ лѣвобережной Украинѣ. Въ Ходакахъ единственнымъ памятни-

комъ чумачества, вѣроятно останется *озеро Крымне*. Объ этотъ озеръ Крымне, отстоящемъ отъ села на полверсты не болѣе, существуетъ слѣдующее насмѣшливое преданіе.

Издавна отвозили чумаки въ Крымъ смолу и деготь, издавна привозили на возвратномъ пути изъ Крыма рыбу и соль. Далеко было возить чумакамъ соль изъ крымскихъ озеръ и вду-мали они возить одну только рыбу, а соль порѣшили развести у себя дома, въ своемъ родномъ озерѣ. Задумано — сдѣлано. Привезли чумаки нѣсколько десятковъ возовъ соли изъ Крыма и *посылаи* ее въ своемъ озерѣ, сказавши:

— Пусть разводится! Теперь у насъ будетъ свое крымне озеро! Но, увы! соль, потонула, растворилась, исчезла... А вода по прежнему осталась прѣсной. Почесали чумаки свои бритые затылки, вымочили въ дегтѣ свои холщевыя рубахи и шаро-мары шириною въ черное море, и снова погнали сѣрыхъ воловъ круторогихъ въ „далекую дорогу“ за солью...

### III.

#### Вечеръ наканунѣ Ивана Купала.

Былъ вечеръ, наканунѣ Ивана Купала.

Я остановился въ Татарновичахъ, маленькомъ бѣдномъ волынскомъ селѣ, пріютившемся на рѣчкѣ Лозницѣ, притокѣ Красицы Уши.

Я сидѣлъ на крылечкѣ сельской школы и слѣдилъ вмѣстѣ съ учителемъ, какъ постепенно стихала дневная суета.

Солнце заходило. Закатъ пылалъ пожаромъ. Это обѣщало на завтра ясный и жаркій день. Солнце закатилось, но алое сіяніе продолжало бороться съ сумерками, надвигавшимися довольно быстро. Прогнали стадо. Прошли косари, степенно и чинно, съ косами на плечахъ; пробѣжали дѣвушки, убиравшія ленъ и половшія свекловицу, громко смѣясь и переговариваясь.

Сумерки сгустились. Затеплились, замигали звѣзды, „какъ бережно несомыя свѣчи“.

Наступила купальная ночь, сказочная ночь, когда разъ въ году разцвѣтаетъ огненнымъ цвѣтомъ папоротникъ, когда вѣдами и безобразными мохнатыми чудищами стаями свачутъ по полямъ и лѣсамъ, вылѣзая изъ каждой щели.

Вдругъ стало видно съ крыльца, — тамъ и сямъ по селу засвѣтились и задвигались слабые огоньки. Уже не папоротникъ

ли расцвѣлъ въ самомъ дѣлѣ? Свѣтящіяся точки сошлись вмѣстѣ, и въ томъ же мигъ къ намъ донесся отголосокъ звонкихъ купальныхъ пѣсенъ.

Учитель мнѣ объяснилъ, что это дѣвушки и „молодицы“ идутъ на выгонъ „палить вѣдму“. Толпа приближалась, — дорога на выгонъ проходила мимо школы.

Купала на Ивана!..

Купався Иванъ

Доведется и нам...

Явственно донесся къ намъ обрывокъ купальной мѣсни.

Впереди шла стройная дѣвушка съ голубымъ вѣнкомъ изъ головъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и держала въ рукахъ „*свою*“ или „*силуце*“, — сосновую вѣтку, облѣпленную желтыми восковыми свѣчами. Вечернѣй воздухъ былъ настолько тихъ, что свѣча горѣла яснымъ, не мигающимъ пламенемъ. Сверху хвои ярко пылалъ факелъ изъ пеньки, пропитанной воскомъ. Процессія направлялась къ великану — дубу, одиноко стоявшему, посреди выгона. Пѣсни не прерывались ни на минуту, въ нихъ больше всего говорилось о вѣдмахъ — чаровницахъ.

Ой которой дівки відьма мати,

Та не пускає погуляти,

Та не пускає погуляти.

„Не йди, дівко, на юлоньку,

А я поїду на всю ночку

Та по чужу коровочку“...

Я вмѣшался въ толпу, и вмѣстѣ съ другими пошелъ на выгонъ.

Толпа расположилась вокругъ дуба.

Дѣвушки взяли за руки и продолжали пѣть:

А сей ночи съ полуночи

Повинолюю відьми очи,

Шобъ чужихъ коровъ не доїла,

Сиру масла не сбирала,

Шобъ чужихъ коровъ не чаровала!..

Пока дѣвушки распѣвали свои купальные пѣсни, какой-то проворный паренекъ притащилъ изъ клуна кулъ соломы, живо вскарабкался на самую верхушку великана — дуба, укрѣпилъ тамъ соломенный снопъ и, зажегши его, проворно слѣзъ съ дерева.

Куль сухой соломы, долженствовавшей изображать собою богомерзкую вѣдму, тотчасъ-же затрещалъ, вспыхнулъ и ярко запылалъ, разгоняя кругомъ тьму и озаряя краснымъ трепетнымъ пламенемъ стоявшую подъ развѣсистымъ деревомъ толпу дѣвушекъ, продолжавшихъ пѣть:

Татарновичська вѣдма  
Да на дуба лѣзла,  
Да на дуба лѣзла  
Кору гризла...  
А съ дуба упала  
Кориння копала,  
Кориння копала  
Коровъ чаровала!

А снопъ соломы продолжалъ пылать, то ярко вспыхивая, то ослабѣвая; и когда пламя слабѣло, черная ночь надвигалась снова и освѣщенный кругъ суживался; потомъ опять раздавался трескъ горѣвшей соломы, освѣщенный кругъ расширялся и рѣзко чернѣли на освѣщенномъ фонѣ широкіе дубовые листья и переплетъ корявыхъ вѣтвей. Вдругъ пламя вспыхнуло въ послѣдній разъ, горящій снопъ сорвался съ дерева и съ глухимъ стукомъ упалъ на землю. Милліоны искръ взвились къ небу и быстро погасли...

Ночная тьма, стоявшая вокругъ черной стѣной, дрогнула и плотно сомкнулась.

На необъятномъ небесномъ сводѣ, казалось, еще ярче прежняго замигали звѣзды...

Побѣда надъ вѣдмой, повидимому, ободрила и развеселила толпу. Дѣвушки запѣли шутливыя пѣсни:

Ой чия-жъ то голова  
Загорілася була?  
Федорина голова  
Загорілася була...  
Стовпомъ дымъ,  
Стовпомъ дымъ!..

А Федора съ родощами  
Носить воду пригорщами,  
Ой носила—не втушила,  
По волоссю голосила...

Въ слѣдующей пѣснѣ сильно доставалось „хлопцямъ“ отъ насмѣшливыхъ „дѣвчатъ“.

Покочу дойницю,  
Всі хлопці въ свѣтлицю.  
Покочу долото,  
Всі дѣвки въ болото.  
Хоть хлопці въ свѣтлиці,  
За то вони паршивці,  
Хоть дѣвки въ болоті,  
Да всі въ золоті!..

До самой полуночи продолжался торжественный обряд сожженія татарновичской вѣдьмы, на широкомъ лугу, подъ старымъ развѣсистымъ дубомъ. Видѣлъ этотъ могучій дубъ, думалось мнѣ, глядя на него, видѣлъ не мало на своемъ вѣку, — видѣлъ и чубатыя запорожскія головы, и чалмы хищныхъ татаръ, которые подъ нимъ стояли,

Копитами землю грасовали,  
Мечами гиле обтинали,  
Ясненькіі огни раскладали,  
Криничної води доставали,  
Въ кришталеві пляшки наливали...

Все это видѣлъ старый дубъ, обо всемъ этомъ шумятъ его широкіе листья, но непонятна и загадочна его рѣчь.

Отъ временъ казацкихъ мысль переносилась во времена болѣе глубокія, когда жили, чувствовали и дѣйствовали тѣ покойники, истлѣвшія кости которыхъ мирно покоятся вонъ ко въ тѣмъ безмолвными высокими курганами. И тогда, какъ теперь, тоже собирались парни и дѣвушки на широкій лугъ въ ночь наканунѣ Ивана Купала, зажигали яркіе костры, прыгали, кружились и пѣли радостныя, веселыя пѣсни могучему богу солнечнаго свѣта и тепла, выѣзжающему на небо на трехъ коняхъ: золотомъ, серебряномъ и брилліантовомъ и рассыпающему искры по всему необъятному міру...

Иванъ Абрамовъ.

## Живая старина <sup>1)</sup>.

Замѣтивъ нѣсколько разъ клейма на днищахъ горшковъ, выставленныхъ на рынокъ въ селѣ „Рогачево,“ Дмитровскаго уѣзда Московской губ., клейма подобныя древнимъ, находящимъ на горшкахъ въ курганахъ, я разыскалъ мастеровъ, изготовлявшихъ интересующіе меня горшки, осмотрѣлъ ихъ производство, снялъ прилагаемыя фотографіи, взялъ образчики шеймъ, горшки и все это представилъ въ Имп. Арх. Ком. въ 1904 г.

Изъ того, что видѣлъ и узналъ на мѣстѣ, оказалось:

1) Горшки съ клеймами изготовляются около села Куликова Дмитровскаго уѣзда, на ручныхъ гончарныхъ кругахъ самаго примитивнаго устройства; ставокъ — скамейка, въ которой вертикально укрѣпленъ деревянный колъ конической формы, на этотъ колъ надѣваются круглые куски дерева съ хорошо пригнаннымъ къ колу отверстиемъ. Несмотря на такую простоту станка, горшки на немъ изготовляются и быстро, и чисто. Обжигаются горшки въ печи слабо и не держатъ, какъ слѣдуетъ, воду.

Рис. 1.



Рис. 2.



2) Горшки снимаются съ круга прямо руками, а не срѣзываются, какъ это дѣлается теперь.

3) Клейма на днищъ горшковъ получаются потому, что имѣется шеймо на кругѣ (рис. 1 и 2).

4) Производство горшковъ въ такой формѣ сокращается; имъ заняты въ настоящее время уже немногіе, преимущественно старики, и скоро, вѣроятно, прекратится въ указанной мѣстности.

Изъ подробныхъ распросовъ крестьянина Григорія Петрова

<sup>1)</sup> Статья эта была напечатана въ „Зап. Отд. р. и сл. арх. И. Р. А. О-ва“, т. VII, в. 1. Авторъ нѣсколько переработалъ ее для нашего журнала. За чинше редакція приноситъ глубокую благодарность С. Ѳ. Платонову.



(см. рис. 3) и его семьи въ деревнѣ Глазачево близъ села Буликова и крестьянъ Быковыхъ въ дер. Ключниковѣ (тамъ же) выясняется назначеніе клеймъ, — по однимъ, какъ знакъ мастера, по другимъ есть результатъ „баловства“; встрѣчаются иногда у нихъ же и круги, а значить и горшки, безъ всякихъ клеймъ. Изготовленіе этого рода горшковъ, повидимому, весьма мало до-

Рис. 3.



ходно: для односельчанъ, по словамъ крестьянина Петрова, онъ работаетъ даромъ, придетъ кто нибудь и говорить: „сдѣлай-ка мнѣ горшечекъ“. Видѣнное мною производитъ впечатлѣніе такое, что все производство идетъ чисто традиціонно, оставаясь на все той-же первобытной степени совершенства, мѣсто производства, не смотря на близость Москвы, есть истинно медвѣжій уголь — достаточно взглянуть на выраженіе лицъ и позы участниковъ группы.

Н. Смирновъ.

## Община у зырянъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

Требованіе малоземельныхъ, выразившееся въ вышеприведенной фразѣ, не можетъ долго оставаться въ такой неопределенной формѣ. Все учащающіяся требованія уравниній вызываютъ необходимость въ установленіи общаго принципа ограниченія безсрочнаго доселѣ владѣнія землею. Съ теченіемъ времени этотъ принципъ получаетъ слѣдующую формулировку, сохраняющуюся и въ настоящее время: *каждый можетъ разрабатывать участокъ земли и пользоваться имъ, пока не окупятся расходы по обработкѣ; послѣ же этого община имѣетъ право отобрать излишнюю противъ другихъ общинниковъ часть и передать ее тѣмъ, у кого земли меньше.* Въ дальнѣйшемъ общинѣ предстоитъ разрѣшить цѣлый рядъ второстепенныхъ, хотя не менѣе важныхъ въ практическомъ отношеніи вопросовъ. На первую очередь выдвигается вопросъ о томъ, какіе участки признавать окупившими произведенныя для ихъ расчистки затраты. Рѣшеніе этого вопроса далеко не сразу получаетъ ясную и опредѣленную формулировку. Земля грубо разбивается на двѣ части: *дѣдовскую* или *старинную* и *новочисты*, или *распашки*. Въ первую входятъ участки, разработанные много лѣтъ тому назадъ, „дѣдами“ современнаго поколѣнія; во вторую—участки новѣйшей разработки, расчищенные недавно, на глазахъ общинниковъ. Но такая неопредѣленность одинаково не выгодна, какъ для малоземельныхъ, такъ и для многоземельныхъ, такъ какъ она ведетъ къ тому, что при уравниніяхъ, въ однихъ случаяхъ, болѣе старинныя земли остаются нетронутыми, расчищенные же сравнительно недавно поступаютъ въ разрядъ земель, предназначаемыхъ для уравнинія. Все основывается на памяти населенія и на совѣсти понятыхъ. И то, и другое не всегда можетъ правильно разрѣшить задачу. Дальнѣйшіе шаги общины направлены поэтому къ установленію опредѣленнаго срока, достаточнаго для возвращенія издержекъ по расчисткѣ. Большинство общинъ уста-

навливаютъ сначала одинъ общій для всѣхъ угодій срокъ, но уже вскорѣ выясняется необходимость разнообразить сроки по отношенію къ различнымъ участкамъ, такъ какъ трудность разработки не вездѣ одинакова; въ однихъ случаяхъ она сводится лишь къ уничтоженію мелкаго кустарника, въ другихъ требуетъ значительной работы по вырубкѣ, сжиганію лѣса, выкорчевыванію пней и т. д. Въ зависимости отъ этого устанавливается цѣлый рядъ сроковъ; такъ въ Устькуломской волости сѣнокосы, расчищенные изъ-подъ мелкаго ивняка, поступаютъ въ разверстку чрезъ 2 года, изъ-подъ болѣе крупнаго кустарника или мелкаго лѣса—чрезъ 5—10 лѣтъ и т. д. до 40 лѣтъ для участковъ пашни, разработанныхъ изъ-подъ крупнаго лѣса. Такое разнообразіе встрѣчается впрочемъ далеко не вездѣ, въ большинствѣ общинъ устанавливается одинъ—два срока; для болѣе легкихъ по разработкѣ участковъ опредѣленныхъ сроковъ совсѣмъ не устанавливается; все дѣло въ такихъ случаяхъ всецѣло представляется совѣсти понятыхъ, которые, обмѣривая участки, тутъ же опредѣляютъ, какіе изъ нихъ должны быть изъяты изъ индивидуальнаго пользованія. Огромное большинство общинъ установило максимальный срокъ въ 40 лѣтъ; иногда онъ спускается до 20 и только въ Устьнемской волости поднимается до 60 лѣтъ. Въ установленіи величины срока помимо трудности разработки участвуютъ многіе факторы; между ними степень доходности угодій и утѣсненіе въ землѣ играютъ немалую роль. Чѣмъ то и другое выше—тѣмъ сильнѣе сказывается склонность къ уменьшенію срока индивидуальнаго пользованія и къ болѣе энергичному переводу участковъ земли въ общинное владѣніе.

Устанавливаемыми сроками вся земля разбивается на двѣ группы: передѣляемую и непередѣляемую. Первая фигурируетъ подъ самыми разнообразными наименованіями: *дѣдовской, старинной, мірской, душевной, общественной* и т. д.; вторая—подъ названіями: *льготной, приговорной, распаханъ, расчистокъ, новочистей* и т. д. Подраздѣленіе общей массы земель на двѣ группы не есть подраздѣленіе территоріальное и не носитъ постоянного характера; величина обѣихъ группъ постоянно мѣняется; участки, отбывшіе срокъ индивидуальнаго пользованія переходятъ въ разрядъ передѣляемыхъ, замѣняясь въ свою очередь вновь расчищенными участками. По мѣрѣ того, какъ сокращается площадь, пригодная для дальнѣйшихъ расчистокъ, количество льготной земли сокращается, взамѣнъ этого растетъ площадь передѣляемыхъ земель. Мы имѣемъ данныя

по четыремъ волостямъ, позволяющія судить объ этомъ соотношеніи; на 100 дес. мірской земли приходится льготной, въ среднемъ, по волостямъ:

въ Помоздинской . . . . .	61,1 дес.
„ Устькуломской. . . . .	111,1 „
„ Устьнемской . . . . .	222,9 „
„ Шиловской . . . . .	208,0 „

При разсмотрѣніи не поволостныхъ, а пообщинныхъ данныхъ колебанія усиливаются. Maximum'ы и minimum'ы колебаній будутъ для селеній:

Помоздинской волости пах.	129,4	min.	33,2	Количество мірской зем- ли=100.
Устькуломской „ „	201,0	„	86,7	
Устьнемской „ „	567,0	„	127,4	

Въ различныхъ общинахъ въ разрядъ передѣляемыхъ земель перешла далеко не вся земля; въ такихъ общинахъ, какъ Парчевская, едва лишь  $\frac{1}{8}$  часть всей пахотной земли находится въ общинномъ владѣніи, вся остальная масса находится попрежнему въ рукахъ тѣхъ, кто ее разработалъ. Для обозначенія указанныхъ двухъ группъ земли мы не воспользуемся ни однимъ изъ мѣстныхъ названій; не желая увеличивать и безъ того достаточное въ нашей литературѣ число терминовъ, мы возьмемъ два изъ нихъ, уже приобрѣвшіе до нѣкоторой степени право гражданства: *подворныя* или *льготныя* и *общинныя* или *мірскія* земли. Скажемъ прежде нѣсколько словъ о первой группѣ.

Ограничивъ право владѣнія участками, вернувшими благодаря долгой эксплуатаціи затраты по расчисткѣ, община вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не стѣсняетъ своихъ членовъ въ расчисткѣ новыхъ участковъ изъ-подъ лѣса. Основной принципъ зырянскаго воззрѣнія на землю—каждый имѣетъ право трудиться на свободной и незанятой трудомъ другого землѣ—остается не тронутымъ. Крестьянинъ попрежнему захватываетъ нужный ему участокъ и разрабатываетъ его, не спрашивая разрѣшенія общины. Последняя не считаетъ себя вправе вмѣшиваться въ отношенія своихъ членовъ къ свободнымъ землямъ и этимъ лишній разъ подчеркиваетъ, что она не смотритъ на прилегающія къ разработаннымъ участкамъ свободныя земли какъ на свою собственность. Они ничьи и никто не можетъ присваивать себѣ право распоряжаться ими, разрѣшать или запрещать ихъ разработку. Лишь когда положенный на разработку

трудъ выводитъ ихъ изъ положенія „ничьихъ“ и отдастъ, въ силу трудового права, во владѣніе членовъ общины, лишь тогда община считаетъ себя вправе въ интересахъ общинниковъ регулировать пользованіе участками. Такой взглядъ не можетъ долго держаться. По мѣрѣ того, какъ утѣсненіе въ землѣ усиливается, становится возможнымъ столкновеніе одновременныхъ притязаній на лучшіе и болѣе легкіе для разработки участки, во избѣжаніе споровъ и пререканій община бываетъ вынуждена иногда взять въ свои руки районъ, который почему либо болѣе другихъ привлекаетъ взоры крестьянъ. Такъ Розь-динскимъ община раздѣлила между домохозяевами прилегающія къ полямъ старыя подѣлки <sup>1)</sup>, не заросшія лѣсомъ и не требующія почти никакой предварительной расчистки, кромѣ удаленія сгнившихъ уже пней <sup>2)</sup>. Такъ многія другія общины раздѣлили природные сѣновосы, позволяющіе непосредственную эксплоатацию и составляющіе поэтому предметъ одновременнаго притязанія всѣхъ домохозяевъ. Зачастую выдѣленіемъ такого района и кончается вмѣшательство общины въ захватъ ея членами свободныхъ земель. По отношенію ко всей остальной территории, гдѣ нѣтъ мѣста для столкновѣній, ссоръ и пререканій, община предпочитаетъ оставаться въ сторонѣ и въ той же Розь-динской общинѣ происходитъ совершенно свободная расчистка участковъ внѣ выдѣленнаго района. Въ послѣдніе годы въ общинахъ замѣчается стремленіе установить регистрацію всѣхъ вновь расчищаемыхъ участковъ. Она сводится къ тому, что каждый домохозяинъ, расчистивъ участокъ, *заявляетъ объ этомъ сходу*; сходъ выдаетъ приговоръ, въ которомъ обозначается: размѣръ, названіе и мѣстоположеніе участка, годъ расчистки, продолжительность срока подворнаго пользованія и годъ предстоящаго перехода участка въ общинное пользованіе. На языкѣ крестьянъ: „взять приговоръ“, взять „разрѣшеніе“ на расчистку участка — употребляется одно вмѣсто другого; но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ *разрѣшеніемъ*, а только съ *заявкой*. Какъ до введенія регистраціи, такъ и при ея существованіи никакого предварительнаго разрѣшенія на расчистку не бралось и не берется. Всего лучше это доказывается тѣмъ, что крестьянинъ дѣлаетъ заявку иногда спустя нѣсколько

<sup>1)</sup> Онѣ служили для выпаса скота, почему и не облісались.

<sup>2)</sup> „Означенныя мѣста, нынѣ уже расчищенные до готовой пашни, оставить намъ самимъ, кто изъ насъ расчистилъ, а нерасчищенные мѣста — кому идѣ достанется изъ насъ“.... согласно разверстки, произведенной на томъ же сходѣ. (Изъ приговора Розь-динской общины отъ 19 авг. 1884 г.).

лѣтъ послѣ разработки. Приговоръ выдается общиннымъ сходомъ и представляетъ документъ, который въ случаѣ притязаній другихъ лицъ можетъ служить доказательствомъ при разборѣ спора. Регистрація вызвана желаніемъ общины имѣть возможность въ каждый данный моментъ произвести учетъ участковъ, находящихся въ подворномъ пользованіи, и тѣмъ избѣжать недоразумѣній, обыкновенно возникающихъ при уравненіяхъ, когда приходится опредѣлять возрастъ расчистки. Участокъ, на который не взятъ приговоръ, можетъ быть при первомъ передѣлѣ изъятъ изъ пользованія расчистившаго его лица и включенъ въ общую массу передѣляемыхъ земель, даже въ томъ случаѣ, если установленный срокъ подворнаго пользованія не окончился. Впрочемъ, установивъ эту конфискацію, община очень часто, руководясь „совѣстью“, не отбираетъ незаявленные участки, когда на ихъ разработку затраченъ значительный трудъ. Въ зависимости отъ предварительной выборки приговоровъ, и самые участки во многихъ общинахъ носятъ названіе „приговорныхъ“.

Въ теченіе всего времени, пока продолжается срокъ подворнаго пользованія, община гарантируетъ расчистившимъ участки домохозяевамъ неприкосновенность права пользованія. Въ приговорѣ Розь-динской общины по этому поводу говорится: „отнюдь никому изъ насъ не вступаться въ чужія мѣста самовольно въ теченіе сорока лѣтъ и не допускать къ раздѣлу между собою по числу душъ, а въ случаѣ кто изъ насъ самовольно вступится въ чужія расчистки, то съ нимъ можно будетъ поступать какъ за чужую собственность по закону“ <sup>1)</sup>. Община по прежнему продолжаетъ высоко цѣнить трудовое право и на все установленное время предоставляетъ своимъ членамъ право почти неограниченнаго владѣнія, граничащаго съ правомъ собственности. Подворный участокъ составляетъ предметъ полнаго распоряженія лица, расчистившаго его. Онъ можетъ быть проданъ, отданъ въ приданое за дочерью, вымѣненъ, сданъ въ аренду и т. д. Приобрѣтшій его получаетъ всѣ права, которыя принадлежали ранѣе прежнему хозяину участка. Вначалѣ община не обращаетъ вниманія на то, кому отчуждается участокъ, но затѣмъ она начинаетъ слѣдить, чтобы онъ не переходилъ въ членамъ другой общины. Въ этомъ и заключается единственное ограниченіе права отчужденія. Какъ сказано выше, въ подобныхъ случаяхъ отчуждается не участокъ,

<sup>1)</sup> Цитированный выше приговоръ.

а лишь приобретенное расчисткой право на дальнейшее приращение эксплуатационного труда.

Во все время подворного пользования участки освобождаются от всяких податей и повинностей, почему и называются иногда „льготными“. Всѣ сборы, какъ-то: выкупные платежи, государственный поземельный налогъ, земскій и мірской сборы разверстываются соответственно количеству имѣющейся мірской земли. За неплатежъ повинностей крестьяне отвѣчаютъ также толькой мірской землею; подворная ни въ какомъ случаѣ не отбирается ни въ цѣломъ видѣ, ни по частямъ. Больше или меньшее количество ея не накладывается на крестьянина никакихъ правъ кромѣ тѣхъ, какія онъ несетъ какъ владѣлецъ доли мірской земли. Пока домохозяинъ продолжаетъ обрабатывать свой подворный участокъ, община держится полного невмѣшательства. Нѣкоторые ограниченія вызываются иногда характеромъ практикующейся системы земледѣлія; такъ, напр., хозяинъ подворного участка вынужденъ подчиняться обязательному сѣвообороту <sup>1)</sup>, если участокъ лежитъ въ одномъ общемъ съ мірскими землями полѣ; главная масса подворныхъ земель находится обыкновенно внѣ полей сѣвооборота, по окраинамъ пахотного землепользованія, центръ котораго занимаютъ мірскія земли; поэтому въ большинствѣ случаевъ онѣ выдѣлены особо загородью въ самостоятельные участки. Такъ какъ подворные участки представляютъ не сплошную массу, а разбросаны отдѣльными расчистками по окружающимъ селенію выгоннымъ землямъ, то въ видахъ предупрежденія отъ потравъ приходится почти каждую отдѣльную полосу огораживать особо; этимъ и объясняется то огромное количество всевозможныхъ плетней и загородей, которое такъ поражаетъ наблюдателя. Если участокъ перестаетъ подвергаться эксплуатаціи на болѣе или менѣе опредѣленное время въ силу какихъ либо причинъ хозяйственнаго характера (временное уменьшеніе рабочей силы, потеря части скота), то онъ попрежнему продолжаетъ числиться за домохозяиномъ и только, когда существуютъ очевидныя доказательства, что участокъ брошенъ совсѣмъ, община

---

<sup>1)</sup> Обязательный сѣвооборотъ распространенъ не по всему району: въ сѣверо-восточныхъ волостяхъ усть-сольскаго уѣзда домохозяинъ совершенно не стѣсненъ въ этомъ отношеніи, почему на поляхъ можно видѣть рядомъ съ ячменемъ, или овсомъ, тутъ же посаженъ картофель, невдалекѣ ютится полоса клевера (посѣвъ травъ—очень рѣдкое явленіе). О выпасѣ скота на поляхъ послѣ уборки хлѣбовъ—при такомъ нестрополеніи не можетъ быть и рѣчи.

береть его въ свое вѣдѣніе и присоединяетъ къ общей массѣ передѣляемыхъ земель.

По истеченіи срока льготнаго пользованія, участки по общему правилу поступаетъ при первомъ же ближайшемъ передѣлѣ въ общую массу передѣляемыхъ земель, но овъ не исчезаетъ въ ней безслѣдно. Если имѣющейся у домохозяина мірской земли оказывается при передѣлѣ недостаточнымъ противъ нормы, то недостающее количество пополняется изъ тѣхъ подворныхъ земель того же домохозяина, которыя, какъ окончившія свой срокъ, должны перейти въ разрядъ передѣляемыхъ; на нихъ домохозяинъ имѣетъ преимущественное предъ другими право.

Община безъ нужды никогда не отбираетъ ихъ, если только они не нарушаютъ необходимаго соотвѣтствія между площадью земли и количествомъ земельныхъ душъ въ семьѣ.

Широкія льготы, представляемыя общиною владѣльцамъ подворныхъ участковъ по отношенію къ отбыванію денежныхъ повинностей несомнѣнно вызываются желаніемъ общины облегчить возвращеніе произведенныхъ при расчисткѣ затратъ. Если принять во вниманіе, что вновь расчищенные участки въ первые годы даютъ незначительные урожаи и только впослѣдствіи, благодаря постоянному и обильному удобренію, улучшаются, — обложеніе ихъ тотчасъ же по расчисткѣ легло бы тяжелымъ бременемъ на крестьянъ. Съ этой точки зрѣнія льготы поддерживаютъ хозяйственную инициативу, поощряя ея дальнѣйшимъ расчисткамъ. Но, съ другой стороны, нельзя не сознаться, что эти льготы въ связи съ значительнымъ срокомъ льготнаго пользованія находятъ въ крайнемъ несоотвѣтствіи съ величиной дѣйствительной затраты труда на разработку. Попробуемъ подсчитать приблизительную стоимость производимыхъ на расчистку затратъ въ связи съ доходностью участка.

Допустимъ, что участокъ, предназначенный для обращенія въ пашню, сильно облѣсенъ; въ такомъ случаѣ, если позволяютъ почвенно-топографическія условія, на немъ закладывается подсѣка. Авторъ статьи о полеводствѣ въ „Итогахъ экон. изсл. Устьс. у.“ сообщаетъ, что при средней затратѣ на разработку десятины подсѣки въ 49 р. 10 к. валовая доходность = 90 р., откуда чистая = 40 р. 90 к. Для обращенія бывшей подсѣки въ пашню требуется выкорчевать оставленные пни. Если принять во вниманіе стоимость этой работы, а также и то, что урожайность на пашнѣ въ первые годы ниже чѣмъ въ позднѣйшіе, то мы всетаки вынуждены будемъ признать,



что затраты по окончательной разработкѣ десятины пашни съ избыткомъ покроются совокупностью доходовъ отъ подсѣки и отъ пашни въ первый же или первые два года ея существованія <sup>1)</sup>). Участокъ не всегда даетъ возможность заложить на немъ подсѣку, но съ другой стороны далеко не всегда предназначенный для превращенія въ пашню участокъ покрытъ лѣсомъ. Въ большинствѣ случаевъ въ пашню обращаются не лѣсные участки, а прилегающія къ полямъ пустоши, старые подсѣки, выгоны, иногда слабо облѣсенные, иногда же покрытые лишь одними полусгнившими пнями. Какъ бы то ни было, но въ 5—6 лѣтъ эксплуатаціи, даже трудный для расчистки участокъ вполне окупаетъ произведенныя затраты. Если тѣмъ не менѣе населеніе имѣетъ пристрастіе къ установленію значительно большихъ сроковъ (до 40 и даже до 60 л.), то это нужно объяснить съ одной стороны желаніемъ общины предоставить крестьянину не только возможность вернуть затраты, но и попользоваться плодами работы, съ другой—все еще глубоко сидящими въ зырянахъ уваженіемъ къ труду и тѣмъ понятіями и взглядами, которые вынесены изъ эпохи индивидуальнаго владѣнія. Несомнѣнно, что съ теченіемъ времени, при все возрастающемъ значеніи земледѣлія и увеличивающейся тѣснотѣ, эта оцѣнка значительно падетъ; сроки подворнаго пользованія уменьшатся и общинное пользованіе охватитъ значительно большую часть угодій.

Идея уравниенія не только ограничивается участками, прошедшими болѣе или менѣе продолжительный срокъ льготнаго пользованія, но даже и ихъ она охватываетъ далеко не всѣ. Во многихъ случаяхъ уравниенію подвергаются угоды только одного какаго-нибудь вида — пашни или сѣнокосы. Общину такого рода мы называемъ *неполною*, при чемъ, въ зависимости отъ рода разверстываемаго угоды, она можетъ быть или *пахотною* или *сѣнокосною*. Большинство неполныхъ общинъ относится къ разряду сѣновосныхъ, что объясняется тѣмъ, что въ районѣ изслѣдованія сѣновосныя угоды имѣютъ склон-

<sup>1)</sup> Для старой пашни, много лѣтъ подрядъ удобряемой, тотъ же авторъ опредѣляетъ чистую доходность съ десятины ячменя 73,25 р. и ржи 80,40 р. Для „распашки“, т. е. новой пашни эти цифры должны быть уменьшены; кромѣ того, онѣ вообще страдаютъ нѣкоторымъ несоотвѣтствіемъ дѣйствительности, такъ какъ при выводѣ ихъ не приняты во вниманіе: амортизація капитала, издержки на огораживаніе полей, ремонтъ инвентаря и постройки удобреніе и проч. Въ нѣкоторой своей части эти замѣчанія относятся и къ цифрѣ 40 р. 10 к.—чистой доходности десятины подсѣки.

ность переходить въ общинное пользованіе ранѣе пахотныхъ. Селенія съ такой формой пользованія входятъ обыкновенно въ составную сѣнокосную общину. При этомъ по отношенію къ пахотнымъ угодьямъ или каждое изъ нихъ представляетъ самостоятельную общину, или они группируются въ рядъ небольшихъ составныхъ общинъ, или же совсѣмъ не уравниваются.

Переходя къ вопросу о простыхъ и составныхъ общинахъ, позволимъ себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе, такъ какъ признаемъ за нимъ важное значеніе въ исторіи зырянской общины. На этомъ вопросѣ лишній разъ подтверждается то положеніе, что общинная жизнь въ районѣ складывается главнымъ образомъ подъ вліяніемъ тѣхъ причинъ, которыя выдвигаются естественно-историческими и хозяйственными условіями, обходя рамки, поставленныя ей другими, стоящими внѣ этихъ условій причинами.

Селенія зырянъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ разбросаны группами, состоящими изъ 5—7, иногда 10 селеній. Такой характеръ расселенія вызванъ неудобствами, какія приходится испытывать селенію, заброшенному среди непроходимыхъ лѣсовъ, изолированному отъ другихъ селеній и отъ всего міра. Группы селеній, или „жила“, занимаютъ склоны и отчасти вершины береговыхъ уваловъ болѣе значительныхъ рѣкъ, въ большинствѣ случаевъ при впаденіи въ нихъ другихъ меньшихъ рѣчекъ. Въ центрѣ группы располагается погость, т. е. село съ церковью, домами для причта, волостью, лавками, кабакомъ и нѣсколькими крестьянскими домами, а кругомъ въ разстояніи отъ 3 до 7 верстъ разбросаны другія селенія. Нѣкоторыя изъ нихъ основались почти въ одно время съ погостомъ, другія — позже путемъ выселенія изъ старыхъ деревень. Съ одного высокаго холма иногда можно видѣть сразу чуть не все жило. Теперь, когда земледѣліе играетъ видную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ и количество угодій, принадлежащихъ селенію, довольно велико, поля отдѣльныхъ селеній почти сливаются, будучи раздѣлены развѣ только логамъ рѣчекъ и ручьевъ. Но въ то время, когда постоянное земледѣліе въ видѣ трехполья еще только начинало играть роль, пахотныя участки располагались у самыхъ дворовъ, вся же остальная площадь, занятая нынѣ пахотными угодьями, пустовала; она была покрыта болѣе или менѣе крупнымъ лѣсомъ, разграничивающимъ такимъ образомъ поля сосѣднихъ селеній. По мѣрѣ того, какъ земледѣліе растетъ и населеніе увеличивается — одинъ лѣсной участокъ за другимъ подвер-

гается разработкѣ. Въ погонѣ за лучшими участками крестьяне удаляются отъ общей массы угодій, разбрасываются занимами по свободной лѣсной площади, и вскорѣ аванпосты отдѣльных селеній встрѣчаются. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе происходитъ сліяніе пахотныхъ угодій; на границѣ сліянія образуется сильная череполосица; участки одного селенія заходятъ за участки другого. На ряду съ этимъ въ томъ же направленіи дѣйствуютъ: покупка, дареніе и другіе виды отчужденія, всегда имѣвшія и имѣющія право гражданства въ поземельныхъ отношеніяхъ зырянъ. Въ совокупномъ дѣйствіи всѣ эти причины перепутываютъ участки до того, что сплошь и рядомъ крестьянинъ одного селенія имѣетъ участокъ возлѣ самыхъ усадебъ другого. Теряется возможность указать, гдѣ кончается землепользованіе одного селенія и гдѣ начинается землепользованіе другого; поля сливаются въ одну сплошную массу. При достаточной изолированности селенія періодическія разверстки въ немъ земельныхъ угодій могутъ быть выполняемы совершенно свободно и независимо; но нарисованная выше спутанность дѣлаетъ независимость невозможной. Селенія слишкомъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, чтобы передѣлы и вызываемыя ими перетасовки полосъ въ одномъ не задѣвали интересовъ другого. Отсюда происходитъ стремленіе производить одновременно передѣлы, откуда уже одинъ шагъ до сліянія наиболѣе заинтересованныхъ селеній въ одну *составную* общину для совместной разверстки угодій. Не малымъ толчкомъ въ сліянію простыхъ общинъ служить и то неравенство въ величинѣ душевыхъ паевъ, которое всегда наблюдается въ различныхъ общинахъ. Крестьянину, начинающему дорожить каждымъ лишнимъ колочкомъ земли, становится все болѣе труднымъ мириться съ тѣмъ, что его сосѣдъ, живущій за ложкомъ, но уже въ другой деревнѣ, пользуется большимъ количествомъ земли чѣмъ онъ. Даже такіа узко-хозяйственнаго характера причины, какъ вопросъ о регулированіи выпуска скота на сѣнокосы, разрѣшаемый всѣми заинтересованными селеніями сообща, заставляютъ одну простую общину сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ другой. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и образованіе новыхъ починковъ путемъ выселенія изъ наиболѣе стѣсненныхъ землею общинъ. Приведемъ здѣсь не лишнее интереса описаніе г. Остроумовымъ причинъ и порядка такого выселенія. „Можетъ быть еще и такой случай, что извѣстная дерюга находится недалеко отъ деревни и у крестьянина въ обыкновенномъ полѣ, передѣляемомъ во время

ревизіи, надѣлъ очень невеликъ, а скота достаточно и если у крестьянина эта дерюга порядочнаго размѣра и, кромѣ того, неподалеку отъ нея находится другая, которая появилась на свѣтъ благодаря его же трудамъ, тогда такой крестьянинъ строить около этихъ дерюгъ домъ со всѣми службами, слѣдовательно выселяется изъ деревни, въ которой жилъ ранѣе и основываетъ новую деревню, поселокъ, выставку и пока не наступила ревизія пользуется тѣмъ надѣломъ, который данъ ему, какъ общиннику прежней деревни; при ревизіи же обыкновенно лишается его въ пользу метрополіи общины и надѣляется тѣми дерюгами, которые лежатъ около его двора. Значитъ возникаетъ новый зачатокъ общины — выставка, которая можетъ современемъ вырасти въ деревню — отдѣльную общину, благодаря размноженію только выселившагося семейства или отъ присоединенія другихъ колонистовъ, вышедшихъ изъ какой нибудь ближайшей деревни. *Если эта выставка находится близи какой-нибудь другой деревни, то можетъ впоследствии поступить въ общій передѣлъ съ землею ея*<sup>1)</sup>. (Курсивъ нашъ). Авторъ какъ будто дѣлалъ свое описаніе съ Устьсысольскаго уѣзда. Въ послѣднее время подобныя выселенія особенно участились; почти возлѣ каждой значительной деревни можно найти одинъ — два небольшихъ выселка. Пока „дерюги“ въ достаточной степени изолированы отъ пахотныхъ угодій метрополіи, выселокъ сохраняетъ самостоятельное пользованіе ими, но, по мѣрѣ роста выселка и метрополіи, изолированность исчезаетъ, наступаетъ та же спутанность земельныхъ угодій, какая нарисована выше. Результатъ получается тотъ же: сплетающіеся съ каждымъ днемъ интересы заставляютъ выселокъ слиться со своей метрополіей въ одну составную общину. Но едва ли не самое большее влияніе на ходъ образованія составныхъ общинъ имѣетъ форма пользованія сѣнокосными угодьями. Процессъ индивидуализаціи селеній, совершающійся въ періодъ господства залежной системы и при переходѣ ея въ трехполье, имѣетъ мѣсто главнымъ образомъ по отношенію къ пахотнымъ, но не къ сѣнокоснымъ угодьямъ. Объясненій этому нужно искать въ томъ, что удаленность сѣнокосныхъ участковъ въ несравненно меньшей степени стѣсняетъ свободу ихъ расчистки, чѣмъ констатируется выше по отношенію къ пахотнымъ угодьямъ. Въ

<sup>1)</sup> „Наблюденія надъ поземельными отношеніями крестьянъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Устюжскаго и Тотемскаго уѣздовъ Вологодской губ.“. Матеріалы для общиннаго землевладѣнія. Москва. 1876 г., № 31.

поискахъ за лучшими и требующими меньше труда для расчистки участками крестьяне разбрасываются по всѣмъ рѣкамъ и рѣчкамъ, уходя отъ селенія за 80 и даже за 100 верстъ. Участки, расположенные вблизи селенія и игнорируемые жителями въ виду трудности разработки, занимаются иногда семьями, хотя живущими и въ болѣе удаленныхъ селеніяхъ, но располагающими достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ. На протяженіи всей территории, тяготящей къ жилу, каждый домохозяинъ имѣетъ неограниченное право производить расчистки въ любомъ мѣстѣ. Необходимымъ послѣдствіемъ этого получается чрезвычайно пестрая картина; участки различныхъ селеній перемѣшиваются самымъ причудливымъ образомъ на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ; образуется та же спутанность землепользованія, чрезполосность, какую мы видѣли въ пахотныхъ угодьяхъ, но только въ значительно болѣе степени. Переходъ къ совмѣстной разверсткѣ сѣнокосовъ имѣетъ болѣе сильныя основанія и совершается скорѣе. Когда выдвигается вопросъ о совмѣстной разверсткѣ пахотныхъ угодій, то между простыми общинами есть уже точка соприкосновенія, такъ какъ фактически онѣ представляютъ изъ себя одну составную сѣнокосную общину. При наличности послѣдней, переходъ къ совмѣстной разверсткѣ пахотныхъ угодій является настоятельною необходимостью, въ виду той неустойчивости, которую получаетъ хозяйство отъ хронологическаго несоответствія передѣловъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій. Чтобы выяснитъ эту неустойчивость сдѣлаемъ маленькую экскурсію въ область экономики мѣстнаго сельскаго хозяйства. Уже было сказано, что отличительная черта зырянскаго трехпольнаго хозяйства состоитъ въ колоссальномъ удобреніи полей. Не безинтересно привести здѣсь выборку изъ одной таблицы, помещенной въ „Итогахъ....“ (см. статью о полеводствѣ стр. 239).

Названія обществъ.	Число пудовъ навоза на 1 д. аровъ поля.
Устькуломское . . . . .	4640,50
Устьнемское . . . . .	3318,00
Мыелдинское . . . . .	4930,00
Пожегодское . . . . .	3235,30
Помовдинское . . . . .	3289,00

Въ среднемъ. . . . . 3842,60

Въ среднемъ количество пудовъ навоза на десятину ярового поля <sup>1)</sup> достигаетъ почти до 4 тысячъ <sup>2)</sup>. Авторъ статьи о полеводствѣ заподозриваетъ цѣлесообразность такого огромнаго удобренія, но намъ тѣмъ не менѣе приходится считаться съ существующимъ фактомъ. При такомъ положеніи дѣла необходима громадная масса сѣнокосовъ для содержанія потребнаго количества скота, являющагося въ районѣ единственнымъ производителемъ удобренія. Выборка изъ таблицы, помѣщенной въ той же статьѣ, показываетъ размѣры этой потребности.

Названія обществъ.	На 1 дес. всей пашни приходится:	
	десат. сѣно-коса.	дес. удобряем. пашни.
Устькуломское . . . . .	4,07	0,49
Устьнемское . . . . .	4,55	0,74
Мыелдинское . . . . .	5,01	0,63
Пожегодское . . . . .	4,80 <sup>3)</sup> .	0,51
Помоздинское . . . . .	3,60 <sup>3)</sup> .	0,46
<hr/>		
По району . . . . .	4,88	0,55

„Если принять во вниманіе, пишетъ авторъ, что удобряемыхъ ежегодно пашенъ имѣется около половины всего количества ихъ, то окажется, что для удобренія въ 1 годъ одной десятины пашни используется около 10 дес. сѣнокоса“. (Курсивъ автора). Наличность потребнаго количества сѣнокосовъ становится необходимымъ условіемъ возможности веденія хозяйства. Всякое колебаніе въ соотношеніи пахотныхъ и сѣнокошныхъ угодій влечетъ измѣненіе въ количествѣ удобренія и дѣлаетъ урожаи неустойчивыми. Неурожай травъ быстро сокращаетъ количество скота у населенія, заставляя его тѣмъ самымъ уменьшать удобреніе. Такъ въ Шидловской волости два

<sup>1)</sup> Въ устьсымольскомъ уѣздѣ удобреніе вывозится исключительно подъ яровое.

<sup>2)</sup> Спѣшимъ предупредить удивленіе и недовѣріе тѣхъ г. г. специалистовъ, которые незнакомы съ условіями веденія хозяйства на сѣверѣ. Указанныя цифры получены конкретнымъ путемъ, именно взвѣшиваньемъ вывезеннаго на полосы удобренія, почему вѣрность ихъ находится внѣ сомнѣнія.

<sup>3)</sup> Въ „Итогахъ“ вмѣсто 4,88 и 3,60 стоятъ соответственно 6,13 и 2,88; эти цифры оказались невѣрными, такъ какъ при выводѣ произошло недоразумѣніе: двѣ деревни, при группировкѣ пахотныхъ угодій, попали въ одно общество, при группировкѣ же сѣнокошныхъ—въ другое.

Приводимыя нами цифры исправлены.

неурожайныхъ года уменьшили число лошадей на 7,3  $\%$ , коровъ на 25,3  $\%$  и мелкаго скота на 46,5  $\%$ . Также отражается на скотоводствѣ и всякая другая причина, влекущая уменьшеніе имѣющейся въ домохозяйствѣ площади сѣнокосовъ. Хронологическое несоотвѣтствіе между передѣлами пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій очень часто служить такой причиной. Оно влечетъ къ тому, что домохозяинъ, получившій прирѣзку пашни на прибылыя души, не можетъ удобрить ее, такъ какъ неизмѣнившаяся площадь сѣнокосовъ не даетъ возможности соотвѣтственно увеличить количество скота; то же происходитъ и въ томъ случаѣ, когда при передѣлѣ сѣнокосовъ часть изъ отбирается у домохозяина, а количество пашни остается неизмѣненнымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ равновѣсіе нарушается; часть пашенъ, за невозможностью удобрить ихъ, забрасывается, или удобряется за счетъ уменьшенія удобрения остальной массы. Невыгодныя послѣдствія такого порядка усиливаются еще болѣе съ изданіемъ закона, запрещающаго частныя передѣлы; при такихъ условіяхъ несоотвѣтствіе между кормовой и посѣвной площадями можетъ продолжаться до 10 лѣтъ, не ослабляясь уже частичными переводами участковъ соотвѣтственно прибыли или убыли числа душъ.

Населеніе ищетъ выхода изъ затруднительнаго положенія и находитъ его въ переходѣ къ совмѣстной одновременной разверсткѣ пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій. Цѣлый рядъ простыхъ или небольшихъ составныхъ пахотныхъ общинъ, входящихъ въ составъ одной большой сѣнокосной общины, соединяются и образуютъ одну полную составную общину. При этомъ бывають случаи, что отдѣльныя селенія, входящія въ составную сѣнокосную общину и неразверстывающія свои пахотныя угодья, подъ вліяніемъ общаго перехода приступаютъ къ передѣлу и пашенъ. Сордъ-ивская община въ 1900 году поставила на очередь вопросъ объ уравнительной разверсткѣ пахотныхъ угодій, но благодаря противодѣйствію многоземельныхъ онъ не былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Малоземельные врядъ ли бы добились скоро передѣла, если бы въ 1901 году на общемъ сходѣ Помоздинской составной сѣнокосной общины, въ которую входила и д. Сордъ-ивская, не было рѣшено приступить къ общему разверстанію пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій.

Подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ образованіе составныхъ общинъ идетъ впередъ быстрыми шагами. Въ видѣ иллюстраціи укажемъ на ту эволюцію, которую испытали общины

Шиловской волости. Въ 1884 году волостнымъ сходомъ было постановлено: „пахотную землю изъ деревни въ деревню не переводить и дѣлить въ деревнѣ сколько таковой окажется козагонно“, (приговоръ отъ 16 сентября 1884 г.).

Подеревенная разверстка въ результатъ повлекла къ тому, что на наличную душу м. п. (каковая принята за единицу при разверсткѣ) въ различныхъ деревняхъ приходилось неодинаковое количество угодій.

Въ дер.	Борь-Надболотинской . . . .	1300 кв. с.
„	Тиросланской . . . . .	860 „ „
„	Нѣмцевской . . . . .	580 „ „
„	Спиринской . . . . .	460 „ „
„	Павшинской . . . . .	360 „ „
	и т. д.	

Такое различіе въ величинѣ паевъ по деревнямъ не могло долго держаться и въ 1900—1901 г. постановлено раздѣлить пахотныя и сѣновосныя угодья безъ отнесенія ихъ къ отдѣльнымъ деревнямъ, чѣмъ и достигнуть одинаковой величины душевыхъ долей по всей волости. Но уже, при перемѣрѣ земель, выяснилось практическое неудобство этого способа, заключающееся въ томъ, что крестьянинъ, получившій дополнительное количество земли въ другой отдаленной деревнѣ, фактически не могъ воспользоваться имъ за дальностью разстоянія, и какъ видно изъ дополнительнаго приговора шиловскаго волостного схода, крестьяне избрали средній путь; они раздѣлили волость на три части, назвали ихъ „третями“ и произвели уравниеніе внутри каждой отдѣльной трети. Хотя между деревнями различныхъ третей и осталась нѣкоторая разница въ величинѣ паевъ, но она значительно менѣе прежней. На ѣдока (за единицу принять ѣдокъ обоего пола) приходится:

Въ Шиловской трети	291 кв. с.
„ Порубской „	256,8 „ „
„ Занюльской „	169,4 „ „

Группа селеній или „жйла“, преобразовываются такимъ образомъ съ теченіемъ времени въ составныя полныя общины. Бытовая—административная община становится кромѣ того и земельной. Почти буквально тоже пишетъ и Остроумовъ по отношенію къ устюжскому и тотемскому уѣздамъ: „такъ какъ селенія наши представляются оазисами среди дремучихъ лѣсовъ,



то слѣдовательно и община будетъ этотъ оазисъ“ <sup>1)</sup>). Иногда одно изъ селеній составной общины настолько удалено отъ остальныхъ, что фактическое уравниеніе его съ ними невозможно; въ такихъ случаяхъ, принявши общіе принципы и сроки разверстки, оно устанавливаетъ величину душевой доли самостоятельно; вслѣдствіе этого она можетъ быть не равна таковой же въ другихъ селеніяхъ общины. Въ дер. Ванолдинской, напр., душевая доля пахотныхъ угодій равна 310 кв. с., а въ остальныхъ селеніяхъ составной общины она равна лишь 212 кв. с. Но это нисколько не мѣняетъ хозяйственнаго характера общины, тѣмъ болѣе, что по отношенію къ сѣнокошнымъ угодьямъ дер. Ванолдинская пользуется наемъ, одинаковымъ для всѣхъ селеній общины.

Генеральное межеваніе, образовавъ крестьянскія дачи, объявило входящія въ нихъ земли находящимися въ общемъ владѣніи всѣхъ замежеванныхъ въ дачу селеній. Съ юридической точки зрѣнія эти селенія составляютъ одну поземельную составную общину. На дѣлѣ однако этого нѣтъ. Мы видимъ, что отдѣльныя селенія или представляютъ самостоятельныя общины, или сливаются съ другими близлежащими селеніями, образуя болѣе или менѣе значительныя составныя общины; нѣкоторыя селенія совсѣмъ не уравниваются угодьями. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда генеральная дача обнимаетъ землепользованіе „жила“, т. е. группы близлежащихъ селеній, она иногда совпадаетъ съ составной общиной. Но такое совпаденіе далеко не общее правило. Селенія живутъ своей жизнью, совершенно не руководствуясь проведенными границами. Дѣло не обходится безъ столкновенія на этой почвѣ съ мѣстной администраціей, какъ представительницей официальныхъ началъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно дѣло крестьянъ Алексѣя Уляшева и друг. Помоздинско-Модлаповская составная община отказала этимъ крестьянамъ въ надѣленіи земель, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что они переселились изъ селеній, хотя и находящихся въ предѣлахъ той же генеральной дачи, но не входящихъ въ составъ названной общины. Земскій начальникъ и уѣздный сѣздъ, куда перешло дѣло по жалобѣ крестьянъ, признали составленный въ этомъ смыслѣ приговоръ недействительнымъ, какъ постановленный не отъ подлежащаго схода. Пахотная и сѣнокошная земля находится въ общемъ владѣніи всѣхъ 10 селеній дачи села Помоздинскаго,

поэтому, по мнѣнію органовъ мѣстной администраціи, приговоръ могъ быть постановленъ только общимъ сходомъ крестьянъ всѣхъ селеній.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи позволимъ себѣ воснутъ статьи г. В. Ф. Попова, затрагивающей вопросъ о зырянскомъ землепользованіи вообще и о составныхъ общинахъ въ частности <sup>1)</sup>. На десяти страничкахъ, относящихся собственно къ предмету нашего изслѣдованія, авторъ даетъ довольно много фактическаго матеріала, правда теперь немного устарѣваго, тѣмъ не менѣе очень цѣннаго, такъ какъ онъ почерпнутъ изъ мірскихъ приговоровъ, этихъ лѣтописей деревенской общественной жизни. Отчасти мы воспользовались имъ для своей работы, исправивъ то, что подверглось измѣненію за послѣдующее десятилѣтіе, поскольку эти измѣненія могли быть нами наблюдаемы. Отдавая дань уваженія почтенному автору, какъ знатоку края и піонеру въ дѣлѣ изслѣдованія существующихъ земельно-правовыхъ нормъ у зырянъ, тѣмъ не менѣе рѣшаемся высказать, что авторъ имѣетъ не достаточно отчетливое и ясное представление объ общинѣ—предметѣ своего изслѣдованія. Это влечетъ у него къ большой путаницѣ въ понятіяхъ и терминахъ. Зная, насколько ясная терминологія необходима во всякомъ изслѣдованіи, тѣмъ болѣе объ общинѣ, мы и позволяемъ себѣ попытаться разобрать эту путаницу. „Земельно-хозяйственное дѣленіе уѣзда, пишетъ г. Поповъ, какъ будетъ видно ниже, значительно разнится отъ административнаго, обуславливаясь тѣми теченіями общественно-хозяйственной жизни, которыя имѣли мѣсто совершенно внѣ вліянія административныхъ соображеній и интересовъ и создали эту иную картину распределенія уѣзда на хозяйственныя единицы (общины). При этомъ надо замѣтить, что далеко не всѣ общества уѣзда успѣли выработать вполне оформившуюся и сложившуюся *хозяйственную общину*; нѣкоторыя изъ сельскихъ обществъ на этомъ пути не сдѣлали ни одного шага и продолжаютъ выражать собою одну *земельную* общину, состоящую изъ слишкомъ отдаленныхъ для этого другъ отъ друга поселеній; другія общества предоставили зародившимся общинамъ право распоряженія только пахотными и не рѣшаются сдѣлать того же по отношенію къ луговымъ землямъ, доминирующее значеніе которыхъ въ сельско-хозяйственной жизни давно понято насе-

<sup>1)</sup>. Эта статья написана, если  
но въ печати появилась впервые в

леніемъ и *право распоряжовъ, надъ которыми сельскія общества стараются удержатъ за собою.* Въ этихъ послѣднихъ обществахъ хозяйственная община начинается только слагаться, формируясь примѣнительно къ удобствамъ существующаго расположенія земельныхъ угодій и распоряжовъ пользованія ими.“ (Курсивъ вездѣ нашъ). Прежде всего спѣшимъ увѣрить г. Попова, что сельское общество, какъ таковое, въ Устьсысольскомъ уѣздѣ никогда не присваиваетъ себѣ права распоряжовъ надъ сѣнокосными и вообще надъ какими бы то ни было угодьями. Если это иногда и бываетъ, то общество дѣйствуетъ здѣсь не какъ общество, а какъ составная община, лишь случайно съ нимъ совпавшая. Анализируя причины и ходъ образованія составныхъ общинъ мы видѣли, что онѣ формируются, говоря словами самого же г. Попова, „совершенно внѣ вліянія административныхъ интересовъ и соображеній“. Иногда онѣ менѣе общества, иногда болѣе, „формируясь примѣнительно къ удобствамъ существующаго расположенія земельныхъ угодій.“ Въ пожегодскую составную сѣнокосную общину входятъ не только селенія пожегодскаго сельскаго общества, но и д. д. Скородумская и Кырнышъ, входяція въ составъ другого общества.

Такихъ примѣровъ можно при желаніи привести не одинъ. Нельзя и вообще говорить о какой бы то ни было роли сельскихъ обществъ, этихъ административныхъ органовъ, въ работѣ „выполнѣ оформившихся и сложившихся хозяйственныхъ общинъ“, какую роль навязываетъ имъ г. Поповъ. Далѣе авторъ говоритъ о земельной общинѣ. Что онъ разумѣетъ подъ нею—опредѣленно сказать трудно; съ болѣею вѣроятностію можно предположить, что въ данномъ случаѣ имѣется въ виду юридическая община, т. е. группа домохозяевъ, имѣющихъ общее право на занятія земли; такъ какъ съ другой стороны авторъ приурочиваетъ земельную общину къ обществу, то по видимому подъ указаннымъ типомъ общины онъ разумѣетъ общество какъ юридическую единицу. И здѣсь проглядываетъ полное незнакомство автора съ фактическимъ положеніемъ дѣла. Сельское общество у зырянъ не есть юридическая община. Достаточно привести для иллюстраціи одинъ примѣръ. Въ составъ Кочергинскаго и Верхолузскаго обществъ входятъ селенія: 1) замѣжеванныя въ генеральныя дачи, 2) образованныя на основаніи закона 9 ноября 1870 года <sup>1)</sup>, 3) получившія

<sup>1)</sup> Отводъ лѣснымъ вѣдомствомъ въ безсрочную аренду.

владѣнные записи по закону 1866 года <sup>1)</sup> и 4) селенія самовольнаго типа. О какой юридической общинѣ можно говорить, имѣя на лицо такую пеструю картину юридическихъ правъ на землю? А между тѣмъ почти всѣ общества имѣютъ если не подобную, то развѣ немного меньшую спутанность правъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи у г. Попова общество изъ юридической или по его терминологіи земельной общины превращается въ хозяйственную, а потомъ и въ земельно-хозяйственную. „Также Шиловское и Уркинское общества, какъ уже упоминалось выше, передѣлившія земли по наличнымъ членамъ мужского пола, выражаютъ цѣликомъ и хозяйственные единицы общины... Затѣмъ сельскія общества: Богоявленское Слободское..... Кочергинское, Верхолузское..... каждое въ то же время представляетъ одну земельно-хозяйственную общину“. Г. Поповъ не объясняетъ намъ, что нужно разумѣть подъ терминами „хозяйственная“ и земельно-хозяйственная община, да врядъ ли онъ и самъ знаетъ, что это такое. Какой наприимѣръ смыслъ можно вложить въ понятіе земельно-хозяйственной общины, когда такимъ терминомъ г. Поповъ называетъ Верхолузское общество? Это общество заключаетъ до десятка мелкихъ починковъ, разбросанныхъ среди малопроходимыхъ лѣсныхъ дебрей и болотъ на площади около 2½ тысячъ кв. верстъ. Или какая хозяйственная связь до 1900 года существовала между селеніями Шиловскаго общества, когда эти селенія прямо писали въ приговорѣ: „землю изъ деревни въ деревню не переводить?“ Авторъ не могъ не знать этихъ фактовъ Зырянскаго землепользованія, а между тѣмъ они находятся въ самомъ вопіющемъ противорѣчій со смысломъ употребляемыхъ имъ терминовъ. На протяженіи всей статьи г. Попова термины и понятія, совершенно различныя по своему существу, спутываются невозможнымъ образомъ. Административная единица—общество, смѣшивается съ юридической и обѣ вмѣстѣ—съ хозяйственной. Боимся, но вынуждены допустить, что г. Поповъ совершенно не отличаетъ общества отъ общины. Причина этой путаницы ясна. Авторъ не могъ не замѣтить того поразительно-огромнаго распространенія, какое получили у зырянъ составныя общины. Только тамъ, гдѣ отдаленность мѣшаетъ созданію общности земельныхъ интересовъ, селенія самостоятельно пользуются

<sup>1)</sup> При поземельномъ устройствѣ крестьянъ Вятской губ. нѣсколько селеній смежнаго—Устьсысольскаго уѣзда по ошибкѣ были отнесены къ Вятской губ.; вмѣстѣ съ селеніями послѣдней и они получили владѣнные записи.

своими угодьями; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ они соединяются въ болѣе или менѣе значительныя составныя общины для разверстки одного или всѣхъ угодій. Авторъ видѣлъ также, что въ однихъ случаяхъ составныя общины совпадаютъ съ обществомъ, какъ административной единицей, въ другихъ съ генеральной дачей, какъ официальной юридической земельной единицей. Не попытавшись объяснить себѣ сущность составной общины, г. Поповъ просто отождествилъ ее съ обществомъ, а это послѣднее съ генеральной дачей.

Составныя общины составляютъ характерную особенность зрянскаго землепользованія и дѣятелямъ будущаго поземельнаго устройства несомнѣнно придется не мало посчитаться съ ними. Мы не знаемъ ни одного случая распаденія составной общины; наоборотъ—соединеніе простыхъ общинъ въ одну составную—заурядное явленіе. Намъ кажется, что составныя общины составляютъ отличительную черту не только зрянскаго землепользованія, но и вообще всего сѣвера Европейской Россіи. Если же мы обратимся къ другимъ частямъ ея, напр., къ Московской губ., то найдемъ тамъ совершенно обратное. Составныя общины быстро распадаются и В. Орловъ въ своемъ замѣчательномъ по богатству фактическаго матеріала трудѣ <sup>1)</sup> насчитываетъ во всей Московской губерніи самое ничтожное число ихъ. В. Орловъ указываетъ и на причины этого:

1) „Разложенію составныхъ общинъ на простыя въ значительной мѣрѣ способствовала выдача въ 1866 году государственнымъ крестьянамъ владѣнныхъ записей, гдѣ точно обозначенъ размѣръ земли, поступившей въ надѣлъ каждому селенію“.

2) „Другою причиною, вызывающею разложеніе составныхъ общинъ на простыя, является разница въ платежныхъ способностяхъ различныхъ селеній“, благодаря чему въ силу существующей круговой поруки селенія болѣе зажиточныя должны платить за крестьянъ менѣе зажиточныхъ.

3) Последняя причина кроется въ хозяйственныхъ неудобствахъ составныхъ общинъ. „Если, напр., извѣстныя угодья, находящіяся въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ селеній, различными своими частями прилегаютъ къ различнымъ селеніямъ, то для cadaго селенія выгодноѣ пользоваться той частью, которая лежитъ ближе къ селенію, что и является въ нѣко-

---

<sup>1)</sup> Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ., т. IV, вып. I. В. И. Орловъ „Формы крестьянскаго землепользованія въ Московской губ.“

торыхъ общинахъ основаніемъ для окончательнаго поселеннаго разверстанія всѣхъ или нѣкоторыхъ общихъ угодій“ <sup>1)</sup>).

Перечисленіе этихъ причинъ показываетъ, что въ лицѣ зырянской и московской общинъ мы имѣемъ дѣло съ двумя различными стадіями развитія. Вторая, осложнившись многими факторами, какихъ еще не испытала первая, ушла значительно дальше впередъ. Уже одна первая причина—приуроченіе надѣла къ отдѣльнымъ селеніямъ при поземельномъ устройствѣ можетъ само по себѣ служить важнымъ факторомъ въ дѣлѣ разрушенія составной общины. Еще болѣе важной причиной служить то общее развитіе хозяйства, которое въ земледѣльской Россіи явилось слѣдствіемъ коренного измѣненія социальныхъ и экономическихъ условий; рѣзко измѣнившіяся условія производства хлѣба, открытіе рынковъ, вызвали повышеніе цѣнности земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали невыгодной спутанность землепользованія, выражавшуюся въ междуселенной чрезполосицѣ. Зырянская община еще не переживала такого важнаго момента, какъ поземельное устройство. Съ другой стороны производство хлѣба, преслѣдующее главнымъ образомъ цѣли потребленія и носящее поэтому натуральный характеръ, мирится съ существующей междуселенной чрезполосицей. Но несомнѣнно, что хозяйственная жизнь въ своемъ неуклонномъ поступательномъ движеніи выработаетъ такіа формы, которыя встанутъ въ рѣзкое противорѣчіе съ существующими формами землепользованія и откроютъ возможность дальнѣйшаго развитія общины по пути пройденному уже другими частями Россіи. Характеръ этого измѣненія можно предвидѣть и въ данную минуту. Мы уже видѣли, что лишь при извѣстномъ соотношеніи пахотныхъ и сѣнокошныхъ угодій можно разсчитывать на устойчивое положеніе земледѣлія. Населеніе растетъ, земледѣліе начинаетъ играть все большую роль, площадь пахотныхъ угодій непрерывно увеличивается, вызывая и дальнѣйшія расчистки сѣнокосовъ. При всей обширности территоріи, фондъ земель, пригодныхъ для этой цѣли, не можетъ въ концѣ концовъ не иссякнуть. Кое-гдѣ уже и теперь слышатся жалобы на недостатокъ удобныхъ для сѣнокосовъ мѣстъ, и наступитъ время, когда населеніе при существующей системѣ хозяйства будетъ не въ состояніи сохранять необходимое соотношеніе между двумя видами угодій. Вопросъ о сѣнокосахъ, о тѣхъ способахъ, коими можно будетъ удовле-

<sup>1)</sup> Стр. 258.

творить настойчивыя требованія растущаго земледѣлія, сдѣлается вопросомъ первостепенной важности. Тѣми или другими путями но придется искать выхода изъ затруднительнаго положенія, и этотъ выходъ будетъ заключаться несомнѣнно въ переходѣ къ новымъ системамъ хозяйства. Необходимость введенія въ сѣвооборотъ кормовыхъ травъ сознается не только земствомъ, но и самими крестьянами: отдѣльныя попытки. въ этомъ направленіи уже замѣчаются. Повышеніе общаго уровня сельско-хозяйственной культуры будетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ обостренія сѣвочоснаго вопроса, а это не можетъ не отозваться и на формахъ землепользованія. Г. Рума пишетъ: „населеніе само сознаетъ невыгодность, съ повышеніемъ сельско-хозяйственной культуры, удаленности сѣвочосныхъ угодій, и отъ расширенія ихъ начинаетъ мало по малу переходить къ улучшенію существующихъ, предпринимая на нихъ иногда довольно обширныя меліораціонныя работы (осушеніе, пробораниваніе, посѣвъ ти-мофѣевки и проч.). Можно указать цѣлый рядъ примѣровъ, когда населеніе забрасываетъ нѣкоторую часть своихъ покосовъ, удовлетворяясь улучшеніями въ другой части“ <sup>1)</sup>. Въ этомъ направленіи и пойдетъ дальнѣйшее развитіе хозяйства. Съ одной стороны введеніе травопольной и вообще многопольной системы, съ другой—необходимость въ поднятіи производительности угодій, путемъ тѣхъ или другихъ меліораціонныхъ работъ,—поднимутъ хозяйство настолько, что прежняя разбросанность угодій и связанная съ нею огромная непроизводительная затрата времени сдѣлаются существенными тормазами и вопросъ о сконцентрированіи земельныхъ угодій неизбѣжно выступить на сцену. Къ этому времени составная община выполнитъ одну изъ своихъ задачъ—уравненіе душевыхъ земельныхъ паевъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ,—и разрушеніе ея будетъ неизбѣжнымъ. Вызванная къ жизни особымъ укладомъ естественныхъ и хозяйственныхъ условий, она должна будетъ разложиться по мѣрѣ дальнѣйшаго роста хозяйства и съ обостреніемъ тѣхъ вопросовъ, зачатки которыхъ существуютъ уже и въ настоящее время.

Большаковъ.

---

<sup>1)</sup> Loc. cit.

## ОТДѢЛЪ II.

### I. Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Кузьма Сѣмерцяниновичъ.

Собралися на поле Байканово триста богатырей,

Они думали думу крѣпкую,

Крѣпкую думу, заединую:

„Кабы было кольцо кругомъ всей земли,

5. Кругомъ всей земли, кругомъ всей Орды,  
Мы бы всю землю святорусскую внизъ повернули,  
Самого бы царя во полонъ взяли.

Кабы была на небо лѣстница,

Мы бы выстали на небо,

10. Всю небесную силу присѣкли,  
Самого бы Христа во полонъ взяли“.

Услышалъ Христосъ рѣчь похвальную,

Похвальную, супротивную,

Спустилъ съ небесъ поляницу удалую.

15. Прибила поляница всѣхъ сильныхъ могучихъ богатырей,  
Оставила только три русскаго могучаго богатыря:

Перваго богатыря Добрынюшку

Другаго Олешеньку,

Третьяго Илью Муромца.

20. Они со той со страсти, со ужаси

Уѣзжали на поле Байканово

И разставили шатры бѣлополотняные;

Они спали три дня и три ночи,

Не пиваючи и не ѣдаючи.

25. Добрынюшкѣ въ шатерышкѣ не заспалось;

Выходить Добрынюшка на улицу,

Поглянулъ во всѣ четыре стороны;

Поглянулъ въ подвосточную сторону:

Что не туча идетъ передъ дождикомъ,

30. Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,

Идетъ удалый добрый молодецъ—

Подъ имъ былъ конь, какъ лютый звѣрь,

Самъ на конѣ сидитъ, какъ *упанъ* въ добрѣ,

Очи его, какъ у яснаго сокола,

35. И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго;

У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются.



- И идетъ онъ мимо эти бѣлы шатры,  
Самъ говоритъ таково слово.  
„Есть ли у этихъ бѣлыхъ шатровъ  
40. Со мной поединщикъ и супротивщикъ?“  
Тутъ Добрынюшкѣ за преку пришло,  
За тую досаду сердечную,  
За тую рану кровавую.  
Онъ скоро сѣдлалъ, уздалъ своего добра коня,  
45. Поскорѣ того на коня скакалъ,  
Настигъ его у рѣки Смородинки,—  
Загаркалъ-то онъ по-звѣриному,  
Засвисталъ-то онъ по-соловьиному,  
Подъ нимъ конь не шарахится,  
И самъ на конѣ не огланется.  
50. Оглянулся удалый добрый молодецъ,  
Загаркалъ-то онъ по-звѣриному  
И засвисталъ-то онъ по-соловьиному.—  
Подъ Добрыней конь на колѣнки палъ;  
Тутъ Добрыня и поворотъ держалъ  
55. Ко своимъ ко бѣлымъ шатрамъ.  
На ту пору выходить Илья Муромецъ на улицу  
И самъ говоритъ таково слово:  
„Далеко ли ты ѣздишь Добрыня, куда путь держалъ?“  
—Ужъ ты ахъ же ты, дядюшка, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,  
60. Миѣ ночесъ въ шатерушку не заспалось,  
Выходилъ я на улицу, поглянулъ во всѣ четыре стороны,  
Поглянулъ въ подвосточную сторону:  
И не туча идетъ передъ дождичкомъ,  
Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,  
65. И идетъ удалый добрый молодецъ:  
Подъ нимъ былъ конь, какъ лютый звѣрь,  
И самъ сидитъ на конѣ, какъ *уланъ* въ добрѣ,  
И очи его, какъ у яснаго сокола,  
И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго;  
70. У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются,  
Изъ рта у него полымья машетъ,  
И идетъ мимо евши бѣлы шатры  
И самъ говоритъ таково слово:  
„Есть ли у этихъ бѣлыхъ шатровъ  
75. Со мной поединщикъ и супротивщикъ?“  
Тутъ Добрынюшкѣ за преку пришло,  
За тую досаду сердечную,  
За тую рану кровавую.  
Я и скоро сѣдлалъ, уздалъ добра коня,  
80. Поскорѣ того на коня скакалъ  
И настигъ я его у рѣчки у Смородинки—  
И загаркалъ-то я по-звѣриному,  
И засвисталъ-то я по-соловьиному—  
Подъ имъ конь не шарахится,  
85. И самъ онъ на конѣ не огланется.  
А оглянулся удалый добрый молодецъ,

- Загаркаль-то онъ по-звѣриному,  
И засвисталь-то онъ по-соловьиному—  
Подо мною конь на колѣнки палъ,  
90. Я на конѣ чуть живъ сидѣлъ.—  
Ильѣ Муромцу тутъ за преку пришло.  
За тую досаду сердечную,  
За тую рану кровавую.  
Онъ скоро сѣдалъ, уздалъ своего добра коня,  
95. О двѣнадцати подпругинкахъ подпругивалъ,  
А тринадцатый клалъ подъ широку грудь,  
А четырнадцатый клалъ нахвостничекъ.  
Бралъ онъ палицу во сто пудовъ,  
Береть онъ копыце булатное,  
100. Вострый ножъ беретъ со чинжалищемъ.  
Только видѣли молодца на конѣ сядючи  
И не видѣли его побѣдючи;  
Конь озера и рѣки перескакивалъ,  
Темные лѣса между ногъ пускалъ,  
105. И настигъ его на полѣ Байкановѣ.  
И прѣвѣжаетъ Ильѣ Муромецъ ближе того,  
И загаркаль-то онъ по-звѣриному,  
И засвисталь-то онъ по-соловьиному—  
Подъ нимъ конь не шарашится  
110. И самъ на конѣ не оглянется.  
Оглянулся удалый добрый молодецъ,  
Загаркаль онъ по-звѣриному,  
Засвисталь то онъ по-соловьиному—  
Подъ Ильей конь на колѣнки палъ.  
115. И бьетъ Ильѣ Муромецъ своего добра коня по тучнымъ бедрамъ  
„Ужъ ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!  
Видно чуешь надо мной невзгодушку!“  
Конь и скочилъ, и близко подѣвѣзжаетъ къ богатырю,  
И ударилъ онъ палицей желѣзною по главѣ—  
120. У его старика колпаки не страхнулись,  
Желты кудри на главѣ не сполстались.  
Самъ говорить таково слово:  
„Есть на Святой Руси комарики,  
Больно комарики кусаются!“  
125. И завели они биться палицами желѣзными,  
У ихъ палицы приломались;  
И завели они въ копыца булатныя,—  
У ихъ копыа приломались;  
И завели они биться въ рукопашный бой—  
130. И перебилъ Ильѣ Муромца и поверхъ (такъ!) его.  
Ильѣ Муромцу смерть была не писана,  
Свернулся—и наверхъ его.  
И выдергиваетъ Ильѣ Муромецъ ножъ съ чинжищемъ,  
И сдмаетъ ножъ выше головы:  
135. „Скажись молодецъ, не утай меня,  
Не утай меня и не съѣшь себя:  
Которой земли и которой Орды,

- Котораго отца, которой матери?—  
—Ужъ ты, старая собака, воръ сѣдатыи волежъ!  
140. Кабы былъ на твоихъ грудяхъ черныхъ,  
Поролъ бы твои груди черныя,  
Рѣчистый языкъ бралъ бы съ тимянемъ,  
Отсѣкъ бы твою буйную голову,  
Кабы на тебѣ сидѣлъ,—бросалъ бы о сыру землю!—  
(Вопросъ и отвѣтъ повторяются трижды)

145. Не могъ я отъ тебя отперетися,  
Отпереться и отказатися —  
Есть я Кузьма Семерцаниновъ, богатырь.—  
Онъ и скоро скакалъ со бѣлыхъ грудей,  
И бралъ его за ручки за бѣлыя,  
150. И цѣловалъ въ уста сахарныя,  
Называлъ любезнымъ племянникомъ.  
Тутъ они съ племянникомъ погостилися,  
Тутъ они и распростилися—  
Одинъ въ сторону поѣхалъ, другой въ другую.  
155. Илья Муромецъ и разставилъ шатеръ бѣлополотняный  
И зауснулъ онъ богатырскимъ сномъ;  
И разгорѣлося у племянника сердце богатырское,  
Пріѣзжаетъ онъ ко бѣлу шатру  
И тюкнулъ Илью Муромца ножомъ въ груди бѣлыя.  
160. Илью Муромцу смерть была не писана,  
На груди у его угодился крестъ.  
Онъ скоро скакалъ съ богатырска сна  
И бралъ племянника за ручки за бѣлыя,  
И бросалъ племянника о сыру землю.  
165. Выкопалъ у племянника глаза и посадилъ на добра коня:  
„Повози, добра лошадь, куда знаешь его“.

Сойда Вытегорскаго уѣзда. Записалъ отъ крестьянина Дементія  
Тимофеева учитель *К. Н. Маклюновъ*.

## II. Добрыня Никитичъ <sup>1)</sup>.

- Ходилъ, гулялъ Добрынюшка по городу,  
Ходилъ, гулялъ Никитичъ по Киеву,  
Добрынюшкѣ-то матушка наказывала:  
„Не ходи ты во улочку возвратную,  
5. „Во тѣ ли переулочки Маринкины:  
„Тамъ живетъ курва Маринушка Игнатьевна,  
„Она зеленщица да и отравщица;  
„Она много, много отравила добрыхъ молодцевъ,  
„Она сильныхъ могучихъ богатырей“.
10. Ходилъ Добрынюшка по городу по Киеву  
И зашелъ во улочку возвратную,  
Во тѣ ли переулочки Маринкины.  
Тамъ увидѣла Маринушка Игнатьевна,  
Выпускала голубка со голубкою.
15. Тутъ увидѣлъ Добрынюшка Никитичъ младъ,  
Свой тугой онъ лукъ натягиваетъ,  
Калену-то стрѣлочку накладываетъ,  
Самъ да ко стрѣлы да приговариваетъ:  
„Ты убей да голубка да со голубкою“.
20. Да не убилъ голубка да со голубкою,  
Убило у Маринушки околенику,  
Да убило у Маринки дружка милаго,  
Дружка милаго—Идолица поганого,  
Поганого да некрещенаго.
25. Еще тутъ молодецъ да пораздумался:  
Не есть слава да молодецкая,  
Да не выслуга да богатырская,—  
Да не пропасть-то моей каленой стрѣлы  
Да у той ли у Маринки Игнатьевны.
30. Заходить Добрыня во высокъ теремъ,  
Крестъ онъ кладетъ да по писаному,  
Да поклонны-то кладетъ да по ученому,  
На всѣ стороны Добрыня покланяется.  
Да вставала тутъ Маринушка на ноги,
35. Да Добрыни-то Маринка низко кланялася,  
А Добрынюшка Маринушкѣ челомъ не бьетъ.  
Бралъ то Добрынюшка калену стрѣлу,  
Пошелъ-то Добрыня вонъ изъ терема.  
Еще въ ту пору Марины за бѣду пришло,

<sup>1)</sup> Былина эта очень близка къ записанной А. О. Гильфердингомъ въ д. Полинской на Мошѣ отъ П. С. Малыгина („Сборникъ Отд. р. аз. и слов. И. А. Н.“, LXI, вып. 1, стр. 536, № 316—„Добрыня и Маринка“). Но въ предлагаемомъ спискѣ она полнѣе (159 строкъ вмѣсто 137) и цѣльнѣе по содержанию. Очевидно Савина переняла ее точнѣе, чѣмъ Малыгинъ. Кромѣ того это болѣе ранняя запись.

40. За досадушку ей за великую.  
Вставала тутъ Маринушка на ноги,  
Брала она два ножичка булатные,  
Добрынины-то слѣдочки подрѣзывала,  
Клала она въ печь на дрова на дубовыя,
45. Сама-то ко слѣдочкамъ приговаривала:  
„Шайте и нойте, Добрынюшкины слѣдочки,  
Чтобы нояло у Добрынюшки ретиво сердце  
По мнѣ ли по Маринѣ по Игнатьевнѣ“.  
Приходить да Добрыня къ родной матушкѣ.
50. Говорила тутъ Добрыня родна матушка:  
„Что ходило мое дитяте—доходило,  
„Что гуляло мое дитяте—догуляло?“  
Вѣдь не можетъ Добрынюшка ни пить, не ѣсть  
И не можетъ вѣдь Добрыня темной ночи спать.
55. И встаетъ то Добрынюшка поутру ранешенько,  
Умывается Добрынюшка бѣлешенько,  
Снаряжается Добрыня хорошихонько  
И походить-то ко ранней ко заутренькѣ,  
И выходить-то Добрынюшка на улочку.
60. Стоячись да тутъ Добрыня пораздумался:  
„Да что мнѣ дѣлать у церкви у соборныя,  
„У той ли у заутреньки у ранній?—  
„Пойду лучше къ Маринкѣ ко Игнатьевнѣ“.  
И заходить-то Добрыня во высокъ теремъ,
65. Онъ крестъ кладетъ да по писаному,  
Поклоны-те ведетъ да по ученому,  
На всѣ стороны Добрыня поклоняется,  
Добрынюшка Маринкѣ низко кланяется—  
Маринушка Добрынюшкѣ челомъ не бьетъ.
70. Говорила тутъ Маринушка Добрынюшкѣ:  
„Вчера-то какъ былъ, то не то творилъ.  
„А сегодня-то ты во моихъ рукахъ,  
„Во моихъ рукахъ и подъ моей грозой.  
„Возмешь-ли ты, Добрыня, за себя замужъ?“
75. Говорилъ тутъ Добрынюшка Маринушкѣ:  
„Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,  
„Невѣрная да некрещеная“.  
Говорила тутъ Маринушка Добрынюшкѣ:  
„Оберну тебя жабой подземельною,
80. „Которой жабы отвороту нѣтъ.  
„Ты возмешь-ли, Добрыня, за себя замужъ?“  
—Не подабаеъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,  
Невѣрная да некрещеная.—  
„Оберну тебя, Добрынюшка, борзымъ кобелемъ,
85. Спущу я по городу по Кіеву—  
Сбирать тебѣ кусочковъ подстольныхъ.“  
Ходилъ-то тамъ Добрыня ровно суточки  
И приходитъ ко Маринкѣ ко Игнатьевнѣ.  
„Находился-ли, Добрынюшка, по городу по Кіеву

90. И наѣлся-ли кусочковъ подстольныхъ?  
Возмешь-ли теперь да за себя замужъ?“  
— Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,  
Невѣрная да некрещеная.—  
„Оберну Добрынюшку гнѣдымъ туромъ,  
Всячиной-то тура да изукрашу я:
95. Одна щетинка золота, друга серебряна,  
Носъ да бока да рыту бархату,  
Рожка-то у тура да позолочены.  
Я спущу тебя, Добрыня, во чисто поле,  
Поѣшь-ка ты, Добрынюшка, ковыль травы
100. И попей-ка ты, Добрынюшка, водухи болотныя.  
У того-ли было Князя у Владиміра,  
Сдѣлался у него да почестный пиръ.  
Всѣ-ли на пиру да напивались,  
Да всѣ-ли на честномъ да наѣдались,
105. Да всѣ-ли на пиру да порасхвастались—  
Кто вѣдь хвасталъ добрымъ конемъ,  
Иной хвасталъ молодой женой.  
Похвастала Маринушка Игнатьевна:  
„Ужъ какъ есть у меня да во чистомъ полѣ
110. Девять туровъ да девять гнѣдныхъ,  
Десято-есть туръ онъ хорошъ красивъ,  
Одна шерстинка золота, друга серебряна,  
Носъ да бока рыту бархату,  
Рожка-те у тура позолочены.
115. Вставала Катерина Никитична на ноги  
И брала она Маринку рукой за воротъ,  
А другой била по бѣлу лицу:  
„Ужъ ты, вѣдьма, ты, Маринушка Игнатьевна,  
Какъ не отвернешь ты моего братца милаго Добрынюшку Ни-  
китича,
120. Оберну тебя саму жабой подземельною,  
Которой жабы отвороту нѣтъ!“  
И обернулася Маринушка сорокою,  
И полетѣла-то Маринка во чисто поле.  
Нашла она Добрынюшку во чистомъ полѣ
125. И садилася она Добрынюшкѣ на златой рожокъ,  
Говорила тутъ Маринушка Добрынюшкѣ:  
„Ты возмешь-ли теперь да за себя замужъ?“  
— Отверни ты всѣхъ этихъ добрыхъ молодцевъ,  
Сильныхъ могучихъ богатырей,
130. Я втупорь-то тогда тебя взамужъ возьму.—  
Приходить тутъ Добрынюшка къ матушкѣ  
И рассказываетъ Добрынюшка тутъ матушкѣ,  
Что далъ заповѣдь великую, взять Маринушку Игнатьевну.  
Тутъ-то они да обручались,
135. Тутъ да они да обвѣнчались.  
Приходить-то Добрыня съ молодой женой:  
„Слуги мои да слуги вѣрные!

- Ужъ вы дайте-ка мнѣ чару оправшую,  
Чтобъ мнѣ поправиться съ Маринкой Игнатьевной.“
140. Слуги у него были сдогадливые,  
Дали-то ему да саблю вострую.  
Срубилъ-то Добрыня у Марины буйну голову  
И клалъ да на дрова на дубовыя,  
И пепелъ разсыпалъ по чисту полю.
145. Тутъ встаетъ-то Добрынюшка ранешенько,  
Умывается Добрынюшка бѣлешенько,  
Снаряжается Добрыня хорошехонько  
И приходитъ-то Добрыня ко ранней ко заутренкѣ.  
Тутъ-то его встрѣчаютъ, тутъ его поздравляютъ:
150. „Здравствуй ты, Добрынюшка Никитичъ младъ,  
Поздравляемъ мы тебя да съ молодой женой,  
Со своей да со княгиней сообручною,  
Да со той-ли со Мариной со Игнатьевной!“  
Говорилъ тутъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
155. — Ужъ вы, други мои да вы пріатели,  
Всякой-то на семъ да свѣтѣ женится,  
Да не всякому женитьба удавается.  
Вчера-то я такъ подъ вѣнцомъ стоялъ,  
Сегодня-то я ужъ вдовой хожу.—
- 

Записано учит. *Грозовымъ* въ Мошинскомъ приходѣ, Каргопольскаго уѣзда, со словъ дѣвицы *Феклы Степановны Савиной*.

---

## Пословицы, поговорки, крылатые слова, примѣты и повѣрья, собранныя въ слободѣ Сагунахъ Острогожскаго уѣзда.

---

Къ этому сборнику пословицъ и примѣтъ, не повторяя того, что было сказано въ первому <sup>1)</sup>, считаю нужнымъ предпослать описаніе слободы Сагуновъ.

Названіе „Сагуны“, по сказанію однихъ, происходитъ отъ имени перваго поселенца въ здѣшнихъ мѣстахъ; по сказанію другихъ — отъ слова „сага“, „сажки“ (мочевины, болотистыя мѣста). Если теперь этихъ мочевинъ нѣтъ, то лѣтъ 30 тому назадъ онѣ находились въ изобиліи даже въ населенныхъ мѣстахъ слободы. Я лично склоняюсь въ пользу перваго толкованія.

Сагуны населили выходцы съ запада, главнымъ образомъ изъ Курской и Харьковской губерній. Къ сожалѣнію, о времени заселенія и первыхъ поселенцахъ данной мѣстности я не располагаю необходимыми матеріалами и поэтому я оставляю этотъ пунктъ въ сторонѣ. Скажу только, что въ половинѣ XVIII вѣка, какъ значитса въ росписаніи церквей того времени, Сагуны имѣли свою церковь, т. е. объединились въ церковно-юридическую общину.

Сагуновцы происходятъ изъ казаковъ. Тому непреложнымъ свидѣтельствомъ, помимо того что Воронежская губернія заселялась казаками, являются нѣкоторые реченія, сохранившіяся въ языкѣ сагуновца и заимствованныя изъ казачьяго обихода. Такъ „атаманъ“ вмѣсто старосты. Это названіе административнаго лица сохранялось до 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ языкѣ сагуновцевъ. Послѣдніе до 30-хъ годовъ XIX вѣка считались войсковыми обывателями, послѣ стали считаться государственными крестьянами. Крѣпостныхъ здѣсь не было, какъ о томъ свидѣлствуютъ метрическія книги съ 1780 г. и исповѣдныя росписи съ 1807 года, хранящіяся въ церковномъ

---

<sup>1)</sup> См. „Жив. Ст.“, годъ XIV, в. 1—2, стр. 141—180.



архивѣ, за исключеніемъ 4 дѣвокъ, принадлежавшихъ священнику на правѣ крѣпостномъ. Эти крѣпостныя дѣвки упоминаются въ исповѣдныхъ росписяхъ только въ одномъ году. Помѣстный элементъ также отсутствуетъ. Объ одномъ помѣщикѣ сохранилось только названіе мѣстности „Сюръмивщины“, гдѣ онъ жилъ и которую купили въ собственность, какъ гласитъ документъ, сагуновцы при Екатеринѣ II. Другого засталъ XIX вѣкъ, но онъ, видимо, жилъ самъ по себѣ, а сагуновцы сами по себѣ; взаимно-обязательныхъ отношеній, какъ передаютъ старожилы, не было. Словомъ, насколько память старожилонъ сохраняетъ, сагуновцы были вольными людьми, зависимыми только отъ государевыхъ чиновниковъ, а не отъ помѣщиковъ, управлялись общиннымъ порядкомъ.

Школа въ Сагунахъ существуетъ непрерывно съ 1842 г., въ настоящее время имѣются двѣ земскихъ и одна церковно-приходская. Грамотѣ охотно обучаются: уже теперь не слышно нареканій на грамотность со стороны ихъ, въ родѣ того: „на что грамота, наши дѣды жили безъ грамоты“. Къ сожалѣнію, курсъ, какъ земской, такъ и церковно-приходской, очень невеликъ и уже не удовлетворяетъ запросамъ на этотъ счетъ нашихъ крестьянъ. Они желали бы отъ школы получить большаго: живая въ этомъ направленіи воздѣйствуетъ на нихъ довольно значительно. Но бѣда въ томъ, что сами они не оформятъ свои желанія, а со стороны никто не приходитъ къ нимъ на помощь. Была при земской школѣ довольно приличная библіотека, она организовалась въ 1886 году, но, къ сожалѣнію, она теперь очень плохо функционируетъ, и не столько „правила о библіотекахъ“ привели къ этому, сколько по своей культурной неподготовленности къ воздѣйствію на окружающую среду виноваты самъ учительскій персоналъ, который не въ силахъ былъ встать на должной высотѣ: онъ шелъ не впередъ, а сзади своего времени.

Сагуны въ настоящее время имѣютъ жителей 3 тысячи <sup>1)</sup> (географическій атласъ, изд. Брокгауза и Ефрона). Коренное занятіе—земледѣіе, хотя въ послѣднее время оно падаетъ. Сагуны становятся бойкимъ, торговымъ центромъ по закупкѣ яицъ и куръ. Эта торговля возникла не далѣе, какъ 25 лѣтъ тому назадъ, развилась и приняла въ послѣднее время довольно крупный характеръ: на нѣсколько десятковъ тысячъ ведется торговля. Благодаря этой торговлѣ, нашъ сагуновецъ

<sup>1)</sup> По переписи 1897 г.—3.323 д. муж. п.

за сборомъ куръ и яицъ забирается далеко, въ другія губерніи: Харьковскую, Екатеринославскую и Область Войска-Донскаго, знакомится съ разными сторонами жизни и волей-неволей развивается.

Подъ вліяніемъ школы и книги, а главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ развѣдочъ по дѣламъ торговли, нашъ крестьянинъ сталъ культурнѣе окружающихъ: сагуновца сразу можно узнать и по одеждѣ, и по манерамъ, и по рѣчи. Посмотрите на одежду: свитка и прочія мужицкія принадлежности выводятся и замѣняются уже нѣмецкимъ платьемъ. Самотканого почти нѣтъ, все купленное въ лавкѣ: сорочки, штаны и пиджаки. Даже сапоги — „рантови“ съ дудками. Бабы также одѣваются не трудами рукъ своихъ, а изъ лавки. Духи и мыла въ большомъ употребленіи, особенно среди прекраснаго пола. Словомъ, — въ миниатюрѣ обыватель маленькаго захолустнаго городка, Сагуновецъ также внесъ много новаго въ свою домашнюю обстановку, въ свое жилище. Достаточно взглянуть на хаты ихъ. Вы увидите, что здѣсь уже культура приложила свою руку: хаты строятся по особому плану, на манеръ маленькихъ домиковъ о двухъ-трехъ комнатахъ. Внутри чистенько, уютно, встрѣчаются картины, книжки и пр. украшенія. Похоже на манеръ фермера, хотя бѣдно обставленнаго. Положимъ, такъ не у всѣхъ, но у многихъ.

Впрочемъ, все это болѣе касается внѣшности, лоска, духовный міръ его мало измѣняется. Сѣрая будничная жизнь деревенская все-таки не выпускаетъ изъ когтей своихъ сагуновца, онъ активной роли въ переизмѣненіи своего духовнаго міра не проявляетъ. Поэтому жизнь идетъ медленнымъ темпомъ и реформируется медленно. Не столько онъ, сагуновецъ, сколько сама жизнь глѣбитъ его по своему образу и подобию. Изъ его умственнаго капитала и житейскаго обихода исчезаетъ лишь то, что жизнь въ силу своего историческаго хода вытравливаетъ или забраковываетъ, какъ излишнее, и сохраняется и имѣетъ законную силу все то, что не уносится медленно-текущимъ потокомъ жизни и не стирается безпощаднымъ временемъ. Эта „неспѣшка“ (медлительность) смѣны явленій, въ свою очередь является тормазомъ къ проникновенію и воспріятію новыхъ культурныхъ и общественно-экономическихъ идей. Помимо авторитетности сѣдой старины, отсутствіе активности, сѣрая безцвѣтная жизнь, ручейки вмѣсто ключей живой воды даютъ въ результатъ то, что сагуновецъ даже въ лицѣ своихъ командующихъ элементовъ, остается все же мужикомъ въ душѣ, т. е.

малокультурнымъ. Въ подтвержденіе послѣдняго положенія я сдѣлаю небольшую экскурсію въ область искусства, куда направляются попытки сагуновцевъ, особенно изъ молодежи, въ другія сферы умственной дѣятельности я не войду, ибо онѣ лежатъ для насъ за семьдесятую печатами.

Въ Сагунахъ поютъ и играютъ на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ такъ же, какъ и повсюду. Положимъ, старинныя пѣсни выводятся и замѣняются новыми, частью нашихъ лучшихъ поэтовъ, проникшихъ путемъ „кудой“ библіотеки въ среду сагуновцевъ, болѣею же частью уличнаго характера. Голоса также встрѣчаются хорошіе, но они не обработаны. Есть охота, есть природное умѣнье, но нѣтъ школы, нѣтъ руководства,—и дары Божьи пропадаютъ зря: улица вступаетъ въ свои права и культура отодвигается на задній планъ. Относительно музыкальныхъ инструментовъ и музыки я долженъ сказать, что многіе проявляютъ музыкальную даровитость, таланты *in ore*, но опять отсутствіе школы, отсутствіе правильнаго образованія заставляеть эти таланты быть простыми смертными, блескѣть малозамѣтными искорками. Мнѣ лично пришлось встрѣчаться со многими доморощенными музыкантами и убѣдиться во-очію въ ихъ талантливости, но человѣкъ предоставленъ самому себѣ, онъ долженъ открывать Америку, которую давно уже открыли. Малокультурность сагуновца въ этомъ отношеніи заставляеть его строить балалайки да цимбалы и брѣнчать на нихъ, дальше онъ нейдетъ, а казалось бы, при страстной охотѣ и знакомствѣ съ послѣдними усовершенствованіями въ этой сферѣ, онъ могъ бы пойти дальше. Къ сожалѣнію онъ не знаетъ, гдѣ и откуда позавствовать, научиться.

Съ поэтическимъ творчествомъ дѣло тоже обстоитъ не лучше. Знакомство съ книгой, знакомство съ нашими лучшими поэтами вызвало и вызываетъ массу подражаній, по крайней мѣрѣ мнѣ лично приходилось имѣть въ своихъ рукахъ много подражаній и самостоятельныхъ стихотвореній.

Но эти стихотворенія жалки по конструкціи и по сюжету, они представляютъ ни больше, ни меньше, какъ рифмованную прозу. Ясно, эти стихотворенія лишь обнаруживаютъ охоту смертную, а участь горькую. Незнакомство съ теоріей словесности ведетъ къ тому, что не умѣютъ даже конструировать свое произведеніе, а бѣдность сюжета прямо-таки свидѣтельствуешь о маломъ умственномъ кругозорѣ. Правда, на фонѣ сѣрой будничной жизни не выведены затѣйливые узоры. Само

собой разумѣется, гдѣ жизнь не бьетъ ключемъ, тамъ, не можетъ быть яркихъ и цвѣтныхъ впечатлѣній, слѣдовательно не можетъ быть красивыхъ по формѣ и сильныхъ по духу продуктовъ творчества<sup>1)</sup>.

Не могу умолчать и о нашихъ корреспондентахъ изъ народа. Они у насъ существуютъ, печатаются въ газетахъ, какъ мѣстныхъ, такъ и столичныхъ. Но возьмите эти корреспонденціи и просмотрите. Вы сразу убѣдитесь въ томъ, что это не корреспонденціи, а просто репортерскія замѣтки. Узнаетъ корреспондентъ про какой-нибудь фактъ такъ или иначе интересный, опишетъ его—и дѣлу конецъ. Нѣтъ ничего обобщающаго, нѣтъ широкаго горизонта, выдвинуть лишь голый фактъ и поставленъ одиноко, безъ связи съ другими, безъ освѣщенія съ болѣе общей точки зрѣнія. А, казалось, деревенская жизнь, хотя будничная, могла бы дать цѣнный матеріалъ для серьезныхъ выводовъ и широкихъ обобщеній, если только глубже вникнуть, пристальнѣе присмотрѣться къ ней.

Тоже и наше духовенство. Оно не вноситъ въ окружающую жизнь ничего цѣннаго и значительнаго. Не жизнь, а схоластика руководить имъ. Оно не является активной силою, не вноситъ просвѣтительныхъ началъ въ деревенскій укладъ, а ограничивается лишь стариною, давно изжитымъ. Не оно культивируетъ жизнь, а жизнь заставляетъ ихъ приспособляться

<sup>1)</sup> Для примѣра привожу два стихотворенія одного крестьянина въ томъ видѣ, какъ они мнѣ доставлены, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей подлинника.

Россія сномъ великимъ спала,  
Обманъ царилъ вездѣ кругомъ,  
И ложъ все больше возростала  
До безъ конечности во всемъ.  
Мракомъ все было покрыто  
И мгла висела надъ землей,  
А то, что надо, позабыто  
Для жизни будущей своей.  
Но вижу: лучъ во тьмѣ сіяетъ  
И свѣтъ тотъ ярче все горитъ,

Къ себѣ онъ будто призываетъ,  
Свободой будущей даритъ.  
Довольно тьмы! Желаемъ свѣта  
И жизнь тогда пойдетъ живой.  
Опостылила жизнь эта:  
Свободы дайте же скорѣй!  
Она ужъ двери отворила,  
Давно желаетъ выйти въ свѣтъ,  
А чѣмъ жизнь стара посулила—  
Терпеть намъ больше силы нѣтъ.

#### Кладбище.

Тишь на кладбище нема,  
Глазъ неидетъ отъ техъ людей,  
Гдѣ прикрыта гробовая  
Доска въ кельи, подъ землей.  
Они спокойно отдыхаютъ  
Отъ житейской суеты  
Про ту участь каждый знаетъ—  
Не минуешь смертный часъ.

Жилъ на свѣтѣ веселился,  
Управляя кругомъ собой.  
Померъ, прахомъ превратился.  
Всѣ простились съ тобой.  
Только крестъ воспоминаньемъ  
Возвышается надъ нимъ,  
Да вѣтеръ дуетъ съ завываньемъ.  
Какъ бы вѣчно споря съ нимъ.

къ окружающему. Если у насъ <sup>1)</sup> духовенство становилось иногда во главѣ просвѣтительныхъ учреждений, то не ради принципа, а ради минутныхъ соображеній, не для дѣла, а ради личнаго интереса—и эти просвѣтительныя учрежденія долго не удерживались и погибали: вспыхнетъ, словно огонекъ, и за-мреть. Само собой, нѣтъ систематически и строго проведен-наго принципа, работа не даетъ желанныхъ результатовъ—и дѣло гибнетъ. Если духовенство, какъ культурный элементъ, не вноситъ въ деревенскую жизнь просвѣтительныхъ началъ, напротивъ, само находится подъ воздѣйствіемъ этой самой жизни (деревенской), то что же можно сказать и требовать отъ мужика?

Набросавъ въ самыхъ общихъ чертахъ характеристику сагуновцевъ, я тѣмъ самымъ показалъ, въ какой средѣ соби-рался мною предлагаемый матеріалъ, который и передается буквально, за исключеніемъ нѣкоторыхъ поправокъ въ грамматическомъ отношеніи.

## Пословицы, поговорки и крылатые слова.

А вы думаете лыкомъ шиты. Ажъ небу будетъ жарко. Алеша—три гроша, а шейка — копейка (Дикаревъ — два гроша). Анися, стерва, не гонися. Антикъ съ печеричкой. А сколько тебѣ въ земли? Столько, какъ наружи? (значеніе—не страшенъ). Атанде—лепранде. Ахъ, вы, мои коماشечки. Ахъ, ты, габло. Ахъ, ты сукниъ котъ. Ахъ, ты халепа. Ахъ, шобъ тоби дождь намочилъ.

Бабушка на двое сказала. Богацько дила, а ума мало. Богацько просе, бильше бросе. Балакае казно що. Баранъ бараномъ, а деньги дуромъ. Ботько подивился омелькомъ (?). Безъ бабы, какъ безъ кошки. Безъ его батька это знаю. Безъ рукъ, безъ ногъ на гору дерется (загадка: дымъ). Безъ церемоніи (безъ сахару) пьемъ чай. Бійся кулака, а то языкъ пиде въ дило. Бильше копы лиха не будетъ. Бисово падло. Бисово хамло. Битися—не годится, а лаяться—грихъ. Блигамый свѣтъ племзать. Богъ ему ума надбавивъ, лисины прибавивъ. Бодари (голову), хоть не бодари, а въ оглобли иди. Болятъ сердце и печенка, далеко живетъ дѣвчонка. Большой бѣды не будетъ. Борщъ горячій?—Подъ припичкомъ варился. Бранять, но не бьютъ. Бреши кобелемъ, продавать поведемъ. Бреши, сердце, бреши, я послѣ выбрышу. Брешишь—скресишь. Брешишь.—Сучку почесишь.—Я пятакомъ, а ты языкомъ; ты зубами, а я граблями. Бросился въ омутъ головой. Брошу вареное и печеное, а поѣду. Будьте покойны, какъ на саняхъ. Будь казакъ гладокъ, напился, наѣлся, да на бокъ. Была сила, когда мать срать носила. Было у

<sup>1)</sup> Разумѣются исключительно Сагуны.

Мокея два локея, а теперъ Мокей самъ локей (Дикаревъ—3 лакея). Былъ когда-то рыжикъ, а теперъ ничто. (Był kiedys rydz, a teraz nic). Було-бъ порадиться. Вбгаеть, какъ сучка. Бѣда бѣду родить. Бѣда на Божьемъ свѣтѣ ведется: одинъ Богу молится, другой бьется. Бѣда не дуда, идетъ и грѣтся. Бѣлый, какъ кипень.

Вали подъ гузь. Ваша гармонія растронлась. Ваши спятъ, а нашимъ спать хочется. Весна на все красна. Весною щепка на щепку лезить. Висить, телепается, никто не хватается. Вінъ за хмару заходе. Водой не разольешь. Вокругъ да обоколо. Волочится, якъ собака. Вольному воля, спасенному рай, а бѣшену круча. Воля птичкѣ лучше золотой клѣтки. Воронѣ гдѣ не летать, такъ гавно клевать. Воръ у вора не украдетъ палки. Воры на себя, а пьяницы съ себя. Вотъ жисть на свѣтѣ, кабель на повѣти. Вотъ, право!—По сухому берегу не плавай. Вотъ теперъ я понимаю, что я юнкера жена. Вотъ то горе, что нѣтъ ничего на запорѣ. Воляки на Руси минули, остались лишь карманники (венгерецъ по поводу русско-японской войны). Враги его батька. Время—цило оберемья, да ще съ прибавкой. Все буде, все—а сего не буде. Всему свиту мила. Все на свѣтѣ кочеришка, только укусъ кислота. Все писне, да писне, чертъ его засне. Все пишеть да пишеть, а похвалъ себѣ не слышеть<sup>1)</sup>. Все полезно, что въ ротъ полѣзло. Все равно.—Лазили въ окно, а то ходять въ двери. Все рушь, тилько мене не рушь. Все хамелю да хамелю. Все это одно кодро. Всталъ, еще черти на кулачки не дрались. Встанешь рано, сведешь на позднее. Всѣ печенки мнѣ переѣло. Всѣмъ по семь, а кому такъ восемь. Всякое дыханіе любить попиханіе. Въ городѣ не безъ окаян, а въ болотѣ не безъ черта. Въ горячей купанный (полск. примѣт. (sic)). Въ гостяхъ не перди, а то дома захочешь. Въ гузнѣ вода не удержится. Въ гуртѣ и каша испа (ѣтся). Въ дорози и батько товарищѣ. Въ дракѣ волосъ не жалѣють. Въ жопу, какъ навѣдаются тебѣ. Въ кабинетѣ задумчивости, куда и царь пѣшкомъ ходить. Въ лѣсу не безъ травы, а въ головѣ не безъ вши. Въ первый и въ послѣдній чтобъ было. Въ печенкахъ сидить. Въ ротѣ обулся и выѣхалъ. Въ своей хатѣ, да не могу сказать. Въ ссорѣ человекъ правду скажетъ. Въ твои года (лѣта) кони дохнутъ. Въ томъ то дѣло, что на семи сидѣла, а деватерыхъ вывела. Въ 1901 году мѣщанка приняла Глодѣ на велику бѣду. Въ четвергѣ послѣ дождика (случится). Въ чужое счастье всѣмъ не вкаться. Вы забыли то, что я ставъ знать. Вылушивъ глаза, какъ баранъ яйца. Вы не касайтесь меня, я васъ не коснусь. Выпилъ и не въ одномъ глазѣ. Выросъ подъ небо, дурный якъ треба. Вы теперъ хорошо идите, а мы клочья да вовна, лишь бы кишка полна. Вы туда ѣдите, намъ туда дорога. Вѣдать не вѣдаю, знать не знаю. Вѣрно—не лицемѣрно.

Газеты, что хохлы Мазепы. Гдѣ здалъ экзамень?—Въ одной вдовы. Гдѣ каша, тамъ мать наша. Гдѣ кружка, пошла въ дружки. Гдѣ не копнесся, тамъ и воды напьешься. Главная вещь—не робѣй, хлѣба нѣтъ до звѣзды говѣй. Глагокъ побираться, можешь украсть

<sup>1)</sup> Сравни. "...все пишеть, пишеть,  
А ни себѣ ни имъ похвалъ не слышимъ".  
Дмитріевъ. "Чужой Толеъ".

Глядь на видъ, спрашивай здоровья. Глупъ, какъ осиновый колъ. Говорила Настья, какъ удастся. Голодной кумъ не хлѣбъ на умѣ, а все паляницы. Голому разбой не страшенъ. Голь, какъ бубенъ. Голый идетъ, у пазуси сорочку несетъ (загадка: свѣча). Горе съ нами, горе намъ. Городъ наберется, а деревня не разорвется. Горькое проклянуть, сладкое проглотить. Горяче. — Постуди, дураче. Господи Иисусе, впередъ батька на высилицу не суйся. Господи Иисусе, на бабины гуси. Господи Иисусе—не въ свое дило не суйся. Грай музыка якъ знаешь, а я маю свою миру въ ногахъ. Грихъ въ михъ, а спасенье въ торбу, а тебя кизякомъ въ морду. Гроши е, да для нихъ дило е. Гроши есть, да это не деньги. Грѣшнымъ дѣломъ, это не минуло рукъ твоихъ. Грязь не сало, потерло и отстало. Гусь хорошъ.

Да вамъ вслѣдъ кричатъ, чуть не въ жопу. Далеко лежало, мало болѣло. (Daleko ležalo, malo bolalo). Далъ хнितью годовую. Да не дождетъ твой родъ. Дбалъ другимъ, а самому пришлось нюхать. Дви козы на одной нози. Двѣсти не въ одномъ мѣстѣ. День торгую, недѣлю ворую, а семь лѣтъ въ острогѣ сижу. Деревня Лыкова барина дикаго, плевкомъ умывается, рукавомъ утирается. Держи Муся, я на дворъ боюсь. Держи ухо остро. Дивчачій батько. Для него молодую запражеть. Добра душа, а кисель не ѣсть. Добро буде, добре буде. Добро, какъ мачихино гавно. До бѣды ще три дня. Договоръ (уговоръ) лучше денегъ. Докажу гусара. Долго ждать — не устать. До пичинокъ не доходило. До пятаъ задержу. Дорога ложка до обѣда, а послѣ обѣда хотъ закинъ. Дружись съ огнемъ около воды—не будетъ бѣды. До свадьбы загонься (заживетъ). Думаешь о небесныхъ миндаляхъ (польск. поговорка). Думалъ лучше, а вышло хуже. Думаютъ одни только индюки (да царскіе пѣтухи, да ты съ ними). Думаютъ дураки да индюки. Дура—жалко что не отдула. Дура казала, дура записала. Дураку двѣ обѣдны не служатъ. Дуракъ, а себѣ на умѣ. Дуракъ—родомъ такъ. Дуракъ самъ за себя не отвѣчаетъ, за него все умные. Дурне, ажъ крутитца. Дурной поступокъ, за который меня бьютъ, а хороший поступокъ, за который меня ласкаютъ. Душою клянусь. Дьяволъ по собачьи ваялъ. Дѣла, дѣла, какъ сажа бѣла. Дѣла дѣлорумъ. Дѣла, какъ палки, не гнутся, не ломаются. Дѣло ваше, а жеребята наши. Дѣловъ не куча. Дѣтишкамъ все-жъ на молочишко. Дядько, дядько, не съ того конца свинью смалишь—хвистъ палышь, п...ду оставляешь.

Его возгремъ убить. Его (ее) объ дорогу не расшибешь. Его слѣдъ простылъ. Ему божиться, что съ горы катиться. Ему каженъ, а онъ еще огрызается. Ему только подъ дорогой стоять. Еслибъ знато да вѣдано. Если въ путяхъ не жить, такъ и дѣла не имѣть. Если нечего сказать, то и „да“ хорошо. Если не возьме, то такъ отдасть. Если упала, то съ хорошаго кони (польск. погов.). Естественный дуракъ. Еще не вышелъ рыченецъ. Еще не сидятъ, уже катаются. Еще хуже хочется. Еще черти на кулачки не дрались.

Жаркомъ меня обдало. Жди, дядько, порядку. Ждалъ, ждалъ и всѣ жданки переждалъ. Жеребята наши, кобыла ваша. Живемъ—хлѣбъ жуемъ. Живьемъ жалъ. Живой живое гадаетъ. Жидъ—свиное ухо. Жила въ горѣ, не жила вдвое. Жизнь моя нелегкая,

только пуда полтора. Жизнь не въ радость, счастье не въ сладость. Жизнь хуже, а платье уже. Жинки правды не кажи, а съ полиціей знакомства не води. Жить — не страшиться, любить — побояться. Жить — не тужить.

За водой (по воду) пойдешь—не прийдешь. Завязать ихъ всѣхъ на нутъ да забросить къ чорту (о теперешнихъ военачальникахъ). Загорѣлось въ кошкѣ подъ хвостомъ. Загорѣлось кози смерть, она ходитъ все пердъ. Задолдонить свое, хотъ святыхъ выноси (хотъ колъ теши). Задалъ стрекача. За деньги при здоровьи жирно побираться. За дурною головою и ногамъ бываетъ лыхо. Закололо въ сраци. Закривилось на барышню. Залжете спать—забудете встать. За однимъ заходомъ. За панибрата нельзя. За потылячку да въ нахлячку. За правое ухо не оттянешь. Запретить свое, хотъ колъ ему теши на головѣ. Зарекалась свинья гавно ѣсть, а добралась до парного да нажралась. За свой грошъ вездѣ хорошъ. За трипечки не зіплось дило. За хвостъ да на луну. За хорошимъ мужикомъ и свинка—господинка. За тѣмъ поѣдешь, съ тѣмъ приѣдешь. За царя Анохи, когда людей было трохи. Здравствуй да пожалуйста не застуй, а то и такъ темно. Здравствуй—здорово живешь. Здравствуйте, гуси, я вашъ дядько. Здоровье такъ, якъ рѣшето цыганске. Здоровый болванъ. Зерно до зерна, будетъ мѣра. (Ziarko do ziarko to będzie miarka). Зло забисованное. Злыдень тебя взялъ. Знай себе, дай буде съ тебе. Знай честь, да утирай бороду. Знайка бѣжить, а незнайка лежить. Знала кобыла, на что оглобли била. Знатье, такъ кумъ въ питье. Золотая клѣтъ, да не виденъ свѣтъ. Зробылося лыхо. Зъ витру злучилось.

Иванъ Ивановичъ, снимай штаны на ночь. И въ Парижѣ не сдѣлають съ овса рису. (J w Paryżu nie zrobisz z owsa ryżu). Идетъ дождь, идетъ сильный, а онъ все спѣшитъ къ Марѣ Васильевнѣ. И жилъ—не любила, и умеръ—не тужила. И крошки хлѣба не ѣлъ, а заставили ругаться. И подъ дубомъ рай, коли хлѣба край. И Хома человекъ. Изъ-за угла мѣшкомъ прибить. Изъ нашего полку не было толку. Изъ нудьги бѣгалъ. Изъ одного дерева бываетъ и крестъ, и лопата. Изъ подъ смѣху люди бываютъ подъ стрѣху. Изъ подъ субботы пятницу видно. Изъ простоты веревки вьютъ. Изъ села на село, шобъ было весело. Изъ 75 печей хлѣбъ ѣдалъ. Изъ хама никогда не будетъ пана. Икали справляешь. Индыкъ скрыгоче, умникомъ будь хоче. Исправникъ ѣздитъ по уѣзду собакъ дразнить, а укусить не можетъ. Истина идетъ между двухъ огней. И такъ горячо, и такъ болячо. Ишь дурака валяетъ, п..ду въ лапти обубаетъ.

Каждое лыко въ строку. Какъ есть, какъ батька въ лобъ. Какъ живетъ?—Лучше всѣхъ. Какъ на старость, а теперь слава Богу: куда не пиду, безъ куска не выпустать. Какъ не споткнешься, такъ не научишься. Какъ ни вилай, а треба идти (ѣхать). Какъ ни толкуй, а Богъ больше всѣхъ. Какъ ножомъ по живому. Какъ поживаете?—Благодарю васъ. Какъ родится, то и безъ чаю годится. Какъ съ гуся вода. Катъ его знаетъ. Кеди ни кеди (не спѣша, медленно). Кидается въ омутъ головой. Киця пошла по водицю. Князь,—что за глупая связь. Кобыла наша, а жеребята ваши. Коммерческій оборотъ: два пальца въ ротъ, а третій въ ж..у. Кому, кому,—а



купцу не минется. Кончилъ дѣло, гуляй смѣло. Конца краю нема. Короче воробьиного носа. Косая сандала въ рюмочку наспала, съ рюмочки льется, съ косой смѣются. Крестная сила—съ нами Богъ. Крестъ честной. Крѣпокъ на уторы. Кто курить, тотъ и людей дурить. Кто на комъ помѣшанъ, тотъ на томъ будетъ повѣшенъ. Кто на морѣ не бывалъ, тотъ и гора не видалъ. Колябъ не губка, то бы была золотая шубка. Кто новины не знавъ, тотъ и ветоши радъ. Кто отозвался, тотъ усрался. Кто по шею, тотъ и носе. Кто рано встаетъ, тотъ не будетъ раскаиваться. Кто рано встаетъ, тому Богъ даетъ (Kto рано wstaje, temu Bóg daje). Кто рано женится, тотъ не будетъ раскаиваться. Кто чего зна, сроду не забуде. Куда воно дилось, видкеля оно взялось. Куды глянь, туда грань (Каме-нець-Подол. г.). Кулакомъ не доймешь, дакъ языкомъ проймешь. Кулькомъ обдеру. Кумачу не хочу, китайки не надо. Купецъ торгомъ, мужикъ горбомъ, а понъ горбомъ<sup>1)</sup>. Куплю, яки на меня дивится. Курка въ дубѣ, яйцо въ душлѣ, а они съ добной носятся. Кутья—Дурень безъ путя. Кушай на здоровье. Къ загону борозна. Къ нашему возу легче.

Латка-битка—шелковая нитка. Легко сказать. Линовымъ ножомъ рѣжетъ. Лишь бы дирки не было. Лишь бы кости были, кожа наростетъ. Лишь бы отбыть свою чергу. Лучше быть плотникомъ въ искусствѣ, чѣмъ мастеромъ въ ростовничествѣ (въ картахъ). Лучше ѣсть хлѣбъ съ водою, нежели пирогъ съ бѣдою. Люби за привѣтъ, денегъ у меня нѣтъ. Любо дорого смотрѣть. Любовь не орихъ, не выкинишь за порогъ. Лѣзетъ настырь гузномъ. Лѣтомъ ногою копнешь, а зимою рукою возьмешь.

Мазница, давай дразница. Маковой росинки во рту не было. Мале спасибо. Маленькій, да удаленькій. Мало хорошаго. Мамаша-анафима приворожила. Матушка, двѣ дыры вмѣстѣ, да и то въ тѣстѣ. Матери нема, сами дити собрались. Мати Василиха зародила на все лихо. Мать твою подъ чепелку. Мели, бабо, оно все къ дилу будетъ. Мерзны волчій хвостъ. Милости просимъ, копѣекъ на восемь. Мини осточертило это. Міромъ-сборомъ. Мое слово олово. Можно вынить рюмку водки, двѣ, четыре, пять, но дѣту наблюдать. Мокрый, какъ мышъ. Молоде, а е... якъ старе. Молодо—забывчиво. Молочай, ѣшь п..ду да вмочай. Молчать, пока зубы торчатъ, а то всѣ повныбью. Морона за три гроша. Мораль сего разсказа такова. Моя легкая рука. Мутить, какъ цыганъ свитомъ. Мылось, якъ крытилось. Мягко стелетъ, да колко спать.

Набалакавъ три мѣшки гриченой вонны. На батька на пса, щобъ наився овса, да не выпасяся. На всѣхъ семитическихъ языкахъ говорить (сказано). Наврядъ въ Кузьмѣ гроши. Надзоръ можно за три копѣйки нажить. Надо отряса ножку ходить. На добрый совѣтъ и въ постъ мясоѣдъ. На дуракахъ ѣздятъ. Надулся, какъ сычъ на крупы. На его кажи но, а винъ каже тпру. Нажрался до усеру. На исходѣ да годи. Найди кобылячу голову и ту зануздай. На каждомъ бываетъ переходы. На какомъ возѣ сидишь, тѣ и пѣсни поешь. Накладъ по самое девятое (десятое) число. Наливался, какъ Ливоновъ щенокъ. Налопался (нажрался), якъ дурень на обиди.

<sup>1)</sup> М. б. *горбомъ*? Н. В.

Налупился, как дурень на обѣдѣ. На мандѣ шерсть перебивать. На нихъ падаетъ линія. Нанялъ по три за разъ. Наобумъ Лазаря. На одно ухо не дочуваю. На пельку сидаютъ. Наплевать, ѣхать въ Уразову ночевать. На пузатую (корявую) спину дубину. Наровисты люди. Нарядыла, якъ квитку. На сердцѣ кошки сcribeуть. Насеры своему батьку. На сивомъ меринѣ не подѣдешь въ нему. Насильно копать колодезь, воды не пить. Насколько пани, настолько гарни, хай имъ хрѣнъ присниться. На словахъ голову оторвать, на дѣлѣ ничего не сдѣлать. Насрать тебѣ. На сухихъ поѣхалъ. Насчетъ прости Господи. На тоби дули подъ нисъ. На той же ж..ѣ сидишь (поѣдешь). На тотъ годъ, въ эту пору, послѣ дождика въ четвергъ. На улицѣ развѣ долго время идетъ. Начальству мы уважимъ; скипидарцемъ ж..у смажемъ. На чертей оно здалось. На что?—На пты, чтобъ дивувались такіе дураки, какъ ты. На чужой сторонѣ поклонись воронкѣ. На це наплевать. На це насрать. Наше дѣло маленькое: выпилъ да еще. Наше дѣло не погреть. Наѣлась, напилась, надулась—и выскочило. Наѣлся (налупился), какъ дурень на обѣдѣ. На языкѣ медъ, подъ языкомъ ледъ. На этомъ дѣлѣ онъ здорово насобачился. Не бери чужого, такъ не бойся никого. Не было ума смолоду, не будетъ его и подъ старость. Не быть тебѣ молодцомъ, а быть тебѣ подлецомъ. Не бѣда, что во ржѣ лебеда. Не въ Кузьми гроши. Не въ похвальбу, да въ добрый часъ сказать. Не выпьешь, не расскажешь. Не даромъ пропыто, много добыто. Не до горячего, лишъ бы ротъ попарить. Не долго музыка гремѣла, какъ барабанъ началъ стучать. Не дурю—я къ обѣдни иду. Не живешь, а доживаешь. Не живутъ въ одной берлогѣ два медвѣдя. Не знаю, не вѣдаю, сиру не вѣшаю. Нельзя комиссару безъ штановъ. Не коваль, такъ клищивъ не поганъ. Не крути, а то перекрутишь. Не маіорская честь по собачьи въ окно лѣзть. Не мытьемъ, такъ катаньемъ. Не надѣйся дѣдъ на чужой обѣдъ. Не нужна соловью золотая клѣтка, а нужна зеленая вѣтка. Не отсохнеть голова, выраститъ борода. Не пады пороше на мое хороше (Nie padaj prochu na mój riziński). Не пенай на зеркало, коли рожа крива. Не шій половинку, очи позападаютъ. Не пропали въ пелюшкахъ, не пропадемъ въ подушкахъ. Не свищи, лучше вызьми. Не своимъ хоботомъ дышеть. Не святые горшки лѣпить, а такіе жъ смертные. Не Сибирь, а каторга. Не старѣють годы, а хлопоты (жизнь). (Nie starzeją lata, ale tarapata). Не стоитъ благодарности за такіа малости. Не судить по милости, а судить по щедрости. Не съ того конца свинью смалышь. Не твое дѣло.—Тебѣ въ ротъ набздѣло. Не терни гора, пей медъ. Не такихъ бывавъ, да на кого наткнешься. Не только говорить, но надо дѣла творить. Не тронь говна, оно не будетъ вонять. Не тотъ воръ, кто укралъ, а тотъ воръ, кто поймался. Не туда оглобли вернешь. Не туды мы затесались. Не удивится—явится. Не уадрись, какъ улепетнишь. Не уличень—не воръ. Нечего въ кулакъ шептать. Нечего дѣлать, такъ чертей стѣнать. Нечего толковать—ночевать,—лучше дневать. Не чѣмъ срать, такъ лыками. Не хочешь говна на лонати? Не хочешь—кто тебя насылуеъ. Ни Богу свѣчку, ни черту блузку. Ни выликай волка изъ лѣсу. (Nie wywołaj wilka z lasu). Ни зыку, ни крику. Никакъ ны вытанцовывается. Ни на кошку, ни на собаку. Ни свѣтъ—ни зоря.

Ни сѣла, ни пала. Ни спереди, ни сзади, ни кругомъ. Ни хера, ваше благородіе. Ничего, вѣдь, не подѣлаешь. Ничего—все ребята съ квасомъ (съ сокомъ) поѣдятъ. Ничего не боюсь, кромѣ людей. Ничь—пѣлый годъ. Нужда научать калачи печь. Нуженъ, какъ вчерашній день. Ну-ну!.. По маленьку на гору. Ну тебя къ черту. Ну, Федюшка, стой, чи маленькій, чи большой. Ни втаится тѣ кохання, якъ у мышку шило; всякъ про себя добре знае, що для кого мыло. Нѣтъ барыша, за то слава хороша. Нѣтъ, батиньки мои. Нѣтъ ни гроша, за то слава хороша. Нѣтъ у меня копѣйки размынной.

Область возможнаго слишкомъ широка. Обреки своей срагѣ дри-стать да не переставать. Обрубокъ изъ подъ топорнаго долота. О-вва! нема уже. Одинъ съ сошкою, а восемь съ ложкою. Одно за одно зайшло у нихъ. Ой, баринъ, да чудагъ. Ой, бидна моя головонька. Ой, ворожка, хлѣбъ да ложка. Ой, головочка моя бидная (гришная). Ой, Господи! до обѣда проспали. Ой, люди малина. Ой, суббота—не работа. Онъ думаетъ, что это ему хахоньки. Онъ за копейку въ церкви перднетъ. Онъ изъ-за дому. Онъ умнѣй умнаго. Оса безъ жала: жужжить, а не кусаетъ. Ослабѣла Изабелла. Остались сами казаками. Осталось, на чемъ моталось. Остался одинъ, какъ дуракъ. Останется говна шмать. Остобисѣла. Отъ дурака далеко не уѣхалъ. Откуда оно въ биса взялось. Отмочилъ кошку съ рагожкой. Отмочилъ пулю. Отъ нидили до нидили все въ одномъ дили. Отодралъ же штучку. Отъ работы съ ума сойдешь. Оттаке-то лих! Оттакихъ не ма не де. Оце саме то, що мыши съили долото, а на те погляде, шо свердельца не мае. Оце такъ, да балакався. Ошибся: я не духъ-святъ. Охъ, старій слоухъ, молоденькій народился, да той искажился.

Паганая овца все стадо портить. Перди не перди, а не бойся орды. Передай поклонъ.—Сто х..въ съ хохломъ. Переломленной палки не дамъ. Перекрестились да перевертились. Перо пише, якъ муха дыше. Пиде ажъ засорчить. Пикѣна матъ (солдатская поговорка). Пій да ишь, пока живъ да свияж, а якъ завьяне, то муха не загляне. Пичъ ни пушить, а сушить. По барину свитка, по казаку шапка. Побилило личико въ тмноти. Побье тебе лиха година. По всѣмъ по тремъ, коренную не тронь. По головци да въ борщъ. По дѣломъ ему. Погонишься за длинными рублями, потеряешь короткіе. По Господнему это. Подорунъ безъ портокъ ходитъ. Подивись въ воду на свою уроду. Подложить свинью. Подъ микитки не бойся. Подпустить гусара. Подпустить свинью. Подставить скамеечку. Подъѣхала на одной. Постъ задралъ хвостъ. Пожалуй, чего доброго. Поживемъ—заслужимъ. Поживемъ, побудемъ, ничего не сдѣлаемъ, заслужимъ. Поживешь—всего наживешь. Поживешь—ума наживешь. По закону нельзя, по закончику можно. Пой пѣсни, пока путь треснитъ, а ѣсть не проси. Пой пѣсни, хоть тресни, только ѣсть не проси. Пой, хоть тресни, а ѣсть не проси. Пока дождется баба книша, такъ вылезетъ и душа. Пока судъ да дѣло. Покуда солнце зайдетъ, роса очи выѣсть. Полотномъ рубаха сдѣлалась. Получишь фигу съ макомъ (польская). Полюбилъ меня слипой ради пятницы святой. Поменьши, да побольши въ мѣшки. Понюхай, чѣмъ пахнетъ. По одной вздохнешь, а всѣхъ жалко. Понадѣя виѣшалась, погъ не мѣшайся. Попадутъ правду, да и брешутъ (въ Россіи).

Попалъ пальцемъ, ковыряя дальше. По пути и витьеръ. Породила мама, да не приняла сырая ама. По-секрету, чтобъ было извѣстно всему свѣту. Послѣ скобеля топоромъ. Последнее-ли дождаю. Потерялъ—не тужи, нашелъ—не радуйся. Потому—хлопъ окномъ. Почему?—черезъ потому. Пошла Марья по масло и въ печи погасло. Пошли дурного, а за нимъ другого. Пошло да поѣхало. Пошло ...дѣ на лихо и старцы ...буть. Пошелъ турманомъ. Пошелъ ты къ чертамъ на кулички. Правда, раки лизы въ торбу. Правду казать—дружбу терять. Привелъ узолъ къ гузну. Привязался, какъ цыганъ къ солнцу. Прыгаешь, какъ стоялый жеребецъ. Приде коза до воза. Прилѣпилъ къ стѣнѣ горбатаго. Присохло, какъ на собаки. Приходить въ свинчій завтракъ. Приходитъ ему край (конецъ). Продать, ажъ плакать. Проживемъ—не увидимъ, прослышемъ—не услышимъ. Прольешь—не соберешь. Промѣнялъ кукушку на ястреба. Пропадаетъ безданно, безошлинно. Пропадешь не за царю душу. Про се була балажка. Прошу <sup>1)</sup> честию, а теперь прошу нечестию. Просто, дешево, сердито. Простота хуже воровства. Противъ лита и маленьке нужно. Прошелъ, глянулъ—и квитъ. Прошло—проѣхало. Пустишь—упустишь. Пустяки—вареники, борщъ могоанный, да богацко. Пьемъ и водку, пьемъ и ромъ, завтра по міру пойдемъ. Пьемъ сегодня водку—ромъ, завтра по міру пойдемъ. Пьяница направитца, дуракъ никогда. Пьянъ, да не упрямъ. Пьяный свѣчки не поставитъ, а людей насмѣшить.

Работай до поту, поѣшь въ охоту. Работаетъ отсохлыми руками. Рабъ Божій обшить рогожей. Разъ наклюнулось, такъ и вылупится. Разъ ума нима, такъ не берись писню спивать. Разщедрилась мать до пасанокъ, на заговини наварила борщу. Рано всталъ, да на позднее свелъ. Разсказалъ и сказочку до конца, дайте мнѣ рюмочку вина. Рассказываешь небылицы въ трехъ лицахъ. Распускаешь кабацкое горло. Рветъ и мечетъ. Рехубы не дамъ. Родимичъ тебя взялъ бы. Ротъ до ушей, хотъ завязки пришей. Ротъ разинулъ, хвостъ поднялъ—насквозь видно. Рыбки, становись дыбки.

Свать, свать, голубинныя яйца. Собака собаку займетъ. Самовольно—такъ шкоды наробышь. Сбился съ панталіку. Сволочь—царю помочъ. Свисти Макаръ на всѣ четыре стороны. Своего по горло, оно тащить. Свое хотъ криво, да мило. Свои рѣчи, да чужимъ въ плечи. Свинья не съѣсть, не повалавши. Сдѣлалъ на чертовъ клинъ. Сегодня день не простой, найдется холостой. Се дило треба разживать. Село вижу, никакъ не движу. Семь падей во лбу. Сиди дома, да стружи веретена. Сиди, пиши, да не рыпайся. Сидитъ елопъ на дубу. Сидитъ и молчить, какъ проклятый. Сирота обосрала ворота. Скажи мнѣ, съ какого края солнце свѣтитъ? Скажи своему диду. Скажите пожалуйста. Сказала тирюсь, а оно сѣло на брусъ. Сказано—жулье поповское. Скаснула да звязнула, тоди змельнула, глытнула, да нема. Слеза слезу догоняетъ. Слигались ладно. Смотри въ оба. Сначала спросишь у головы, а затѣмъ лѣзь до сраки. Сова не выведетъ сокола. Сойдетъ дѣвка за парня. Созвалъ пиръ на весь міръ; ставъ гостить, анъ х.. свистить.

<sup>1)</sup> М. 6. проситъ Н. В.

Соли да подсаливай. Сорока на хвостѣ принесла. Со ступеньки на ступеньку. Спасибо Богу, наѣлся ей-Богу, нагодувала Явдошка, а живить, якъ дошка. Спасибо за хлѣбъ за соль.—Не стоитъ, или—незашто. Спасибо твоему батьку. Спитъ праведнымъ сномъ. Сравнялся медвѣдь съ пятіалтыннимъ. Старому, якъ малому—все равно. Старость не радость, а смерть не сладка. Сторублевая голова за три копѣйки не пропадетъ. Сто рублей взять, да на пузо только стать. Стоить расторопша, одна нога дошла, а другая коротка (загадка: цѣпъ). Стоить три огляда. Стѣны то крѣпки, да столбы ветхи. Стыдъ—не дымъ, не выѣстъ глаза. Стыдно говорить, а грѣхъ танти. Суббота—не работа. Судиться—не смѣяться. Сука, брешешь.—Ж..у почешешь. Сухо, по самое ухо. Счастливые часовъ не наблюдаютъ, а за минутами слѣдятъ. Съ дуракомъ сядешь, дуракомъ станешь. Сдуру, какъ съ дубу. Съ каждымъ чертомъ споръ—не хочется робить. Съ малыми, хуже чѣмъ съ дурными. Съ нимъ одинъ на одинъ встрѣтиться страшно. Съ нами крестная сила. Съ пива не богатѣеко дива. Съ позволенія сказать. Съ прохвала дѣлаешь. Съ самого пупышку чужіе работники. Съ свинымъ рыломъ, да въ птичій рядъ. Сѣю-вѣю матовѣю.

Такого заведенія не было и нѣтъ. Такъ воно—такъ, да тришечки не такъ. Такъ дѣло указало. Такъ ему, сукину сыну, и надо. Такъ напугали: иду, а ноги у меня сзади остаются. Такъ не пройдетъ нашему Иванькѣ. Тамъ, гдѣ сорокъ ямъ. Тамъ тебѣ серицу вынуть. Тара-бара рубля полтора. Твоимъ саломъ, да тебя по мусаламъ. Ткнулъ кучему подъ хвостъ. Тогда учи, когда попереки лавки лежить. То ей не минется, якъ бабѣ жнива. Тоже—гуси хорошиѣ. Толкачь ты ясеновый. Толкуй больной съ подлекаремъ. Только и нашего. Только молоньемъ живѣ человекъ. Только собакъ бьеть. Только что кандычетъ (еле не умираетъ). Трясьца тоби. Три денежки въ день, куда хочешь дѣнь. Три дня съ двора, а мужа-нива. Трудно на свѣтѣ стало жить. Турки летятъ, какъ чурки. Тутъ могила. То носъ широкъ, то брови густы, то карманы пусты. Торгуйте безъ лишняго. Ты деревяка хуже осиновой (ясеновой). Ты его крести, онъ говоритъ пуси. Ты за кусокъ, а онъ тебя за горло. Ты не болтайся. Тысячи сучишь. Ты хошь намъ не вози, да дворъ краси. Ты хочешь на гору, а чертъ тебя за ногу. Тюрьмы да сумы не касайся никогда. Тѣмъ же саломъ, да по тѣмъ же мусаламъ.

У васъ душа не изъ прядива, да и у насъ не изъ рогожи. У васъ креста нѣтъ. Удивилъ солдатъ старуху, не пошелъ обѣдать. Удивительно, Марья Андревна, и чай пилъ, а пузо холодное. Удралъ галочки. Уже пальца, короче его. Уже сбрендилъ съ ума. Ужъ была-бъ тебѣ заядла, да заядлѣй всѣхъ. У калмыка подъ сидломъ. У лѣсу не безъ кривули, а въ слободѣ не безъ дури. У лѣсу не безъ пенька, въ слободѣ не безъ дурака. Ума дасть. Ума у тебя палата. Умница, хвалила вся улица, да дрсливая курица. У насъ такой моды нѣту. У него чертова (волчья) думка. Унеси ты мое горе на гороховое поле. Успялась баба на печи, да кричить: ой, батечку, рятуйте! у мори тону. Учился, да ничему не научился.

Фиги-миги.

Хай его грецъ вызьметъ. Хай ему чуръ-пеки. Хай съестъ, да не знама вошь. Хай тоби абыщо. Хвалила вся улица, да дрсливая

курица. Хвали руку товаръ видно. Хватился монахъ, анъ штаны въ годовыхъ. Хенди-менди съ бандурою. Хиба-жъ такъ роблять. Хиба намъ до смаку, лишь бы хляболо. Хиба ни на моихъ воротахъ солнце взыйде. Хлопчику, треба тришки подождаты. Хлѣбъ на хлѣбъ не вреденъ. Ходи съ краю, да не падай въ яму. Ходимъ рындѣ!—Куда пиде?—Тамъ насъ не знали, рындой назвали. Холодно-студено, на комъ платье одно. Хома всего добра не покажить. Хорошо гуртомъ батька битъ. Хорошо-то—хорошо, если... Хорошая славка въ сундукѣ лежитъ, а плохая по дорожкѣ бѣжитъ. Хорошаго никто не дастъ. Хоть побожиться. Хоть волкъ травы не толки (не ѣшь). Хоть въ попелъ кусокъ умочишь, да въ двухъ. Хоть глазъ выколи—темно. Хоть за шутки пріймалы, такъ моли Бога. Хоть кожу мять, абы не гулять. Хоть крикомъ кричи. Хоть къ бабушкѣ не ходи. Хоть лапшу изъ нея покрошу. Хоть лопни, Ваше Благородіе. Хоть нѣтъ барыша, зато слава хороша. Хоть нѣтъ ничего, да зато назади двѣ. Хоть поганый, да я. Хоть подъ хату дурного. Хоть раздѣнусь, а выбалакаю. Хоть разъ, да въ пику. Хоть съ краечку, да въ городочку. Хоть умереть—не знаю. Хоть черту голову оторви, не выходитъ. Хоть шматки, абы бублики. Хотѣлось сдѣлать лучше, а оно сказало—ноги круче. Хочется пирога, да мука дорога. Хочется сладкаго съѣсть, да не знаешь, какъ подлѣзть. Хуже сего дила нима.

Це не батько, да то не матка. Це тотъ халатъ, шо сто латъ, еще бъ латать, да ни за што хватать. Цуги-пуги, нема дуги. Цыцъ, каторжный. Цѣлковой пѣшкеомъ не ходитъ. Цѣлая исторія съ географіей.

Чай, и мы не лыкомъ шиты. Чай—это не хмѣльное. Чего гира хоче?—кисни Kievъ. Чего дурна журилася. Чего молчишь—ай корова языкъ отжевала. Чего не пить, коли наша доля не спитъ. Человѣкъ безъ задней мысли. Человѣкъ Вожей обшитъ рогожей. Чему-нибудь остаться, лучше пузу раздаться. Чепуха, какихъ мало на Божьемъ свѣтѣ. Черезъ себя не сдѣлаешься дуракомъ, а черезъ людей. Черная матушка забыла. Черта рытава. Чертямъ рога вставляю. Чертова пропасть. Чикъ-брикъ вареники. Чиръ да нема. Что ни дѣлается, все къ лучшему. Что потопаешь, то полопаешь. Что съ молоду было, то въ старости отзовется. Что смѣешься съ грибовъ, ихъ ѣдятъ. Что смѣшно, то не опасно. Что ты бѣлены обжѣлся. Что укоротишь, того не воротишь. Чудака! сѣлъ на чурбакъ, да кричитъ: пожаръ. Чудака, а баринъ, безъ портокъ въ халатъ (а пляшетъ). Чудо Тимофеево. Чужая копейка мнѣ спать не даетъ. Чужая жена лебедушка, а своя полынь горькая. Чужая хата дороже своей. Чуже не доженужно. Чужій хлѣбъ пуше, свій суше. Чужому чужое, а своему свое. Чужое горе за сахаръ.

Шарикъ работаетъ (указаніе на лобъ). Шибко дуже, какъ бы не утонуть. Шельма изъ-подъ темной звѣзды. Шо будетъ, то будетъ нашему Иваньки. Шобъ тобі не вкисло. Шобъ ты ему сдохъ. Шо будетъ нашему Иваньки. Шобъ тобі всратся на томъ свити. Шобъ тобі гадушкой подавиться. Шо панъ въ карманѣ носе, то мужикъ на землю бросе. Шо робить?—Разбить да закинуть. Шо ты дурню робишь?—Воду миряю. Шутки до добра не доведуть. Шутки-то шутки, а хвостъ на бокъ (хвостъ держи на бокъ).

Ще дила такого не було. Ще матирино молоко на губахъ не обсохло. Ще тришки подождать.

Їшь не соля, соль не своя. Їшь на здоровье. Їшь пока їстся, придетъ пора, не будешь їсть тогда.

Їй, ребята, рожд не жата, овесъ не поспѣлъ. Это, батеньки, ни фунтъ изюму. Это было въ старину, когда їздили на стригуну. Это было, когда ты подъ столъ пѣшкомъ ходилъ. Это гавно собачее. Это дѣло (дѣльце) подходящее. Это золотое дно. Это какъ слѣдуетъ, по совѣсти. Это Китай моя церемонія. Это каторжная работа. Это намъ не по двору. Это не въ диковину. Это не говорить, а пердѣть. Это не нашей парафин. Это не работа, а Сибирь. Это по семейному. Это сдѣлано, это сдѣлано, а это вотъ не сдѣлано. Это хуже, чѣмъ на каторгѣ. Этому сто лѣтъ въ обѣдъ. Эхъ, забубенная голова. Эхъ ма! кабы денегъ тѣма,—купилъ бы село. да денегъ голо.

Явится—не удавится. Я вступилъ въ хорошую должность—зарубль въ годъ. Я говорю тебѣ русскимъ языкомъ. Я знать ничего не хочу. Я ихъ забью, какъ вошь. Я съ тобой, какъ рыба съ водой—рыба на дно, а ты въ гавно. Яке сробе, таке и буде. Якъ Божій быкъ. Якъ брехать, не выкажешь правды. Якъ коржа, якъ коржа! спичино, такъ два дамо. Якъ ни було снигу, такъ ни було слиду. Якъ ни пъявся, а пердѣть пришлось. Якъ пишло съ ранку, то до самого вичеру. Якъ словечко скажетъ, узольчикъ завяжетъ. Якъ у ступи дуры. Якъ чухну, такъ не знатемешь, гдѣ засвирбе. Якъ хто скаче, то всякъ баче, а хто плаче, никто ни баче. Я на шикъ, а они на пшикъ. Я не знаю, сколько ты въ землѣ. Я не такой дуракъ, чтобы этому повѣрить. Я не боюся ни биса. Я паньского роду, пью горилочку, якъ воду. Я.—Попова свинья. Я по тебѣ соскучился, хоть вѣкъ тебе не будь. Я прошелъ Крымъ и Римъ. Я такъ полагаю: гарненькій советъ и въ постъ мясоидъ. Я ще съ сего выплыгаю.

*Дювалевъ.*

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

## Міросозерцаніе нашихъ простолюдиновъ-малороссовъ.

(Записано въ с. Соловьевкѣ Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи).

### Н е б о.

Простолюдинъ вѣрить, что въ Божьемъ мірѣ существуетъ *семь небесъ*: первое, которое мы видимъ, *голубое небо*, это, такъ сказать, только чехолъ небесъ; далѣе слѣдуетъ *зеленое небо*, какъ бы преддверіе неба, потомъ выше *фіолетовое*, еще выше *желтое*, дальше *бѣлое*, еще дальше *розовое*, и наконецъ самое *настоящее небо*—*красно-огненную цѣптя*, на которомъ стоитъ престолъ Божій. Семь небесъ, это та лѣстница, которую видѣлъ во снѣ праотецъ Іаковъ; ангелы Божіи размѣщены по всѣмъ небесамъ для того, чтобы не допускать дьяволовъ до престола Божія. Настоящее красно-огненное небо можно иногда видѣть ночью, когда *растворяющіяся небо* (это необычайный свѣтъ при паденіи болида). Другія небеса: зеленое, фіолетовое, желтое, бѣлое и розовое можно видѣть во время грозы, тогда тоже *небо растворяется* (это различные цвѣта молніи). Всѣ святые живутъ на небесахъ, на самомъ седмомъ небѣ находится Пресвятая Богородица, престолъ которой стоитъ по правую сторону престола Божія, тамъ же находится и св. Іоаннъ Креститель, а также святители и апостолы; другіе святые пророки, преподобные и мученики размѣщены на другихъ небесахъ. Пророкъ Ілія живетъ на одномъ небѣ съ архангеломъ Гавріиломъ, возлѣ самаго престола Божія.

### Звѣзды („Зірки“).

Звѣзды—это *ангелы-хранители людей*, надзирающіе, какъ живутъ люди на землѣ. Если человекъ умираетъ, такъ его ангелъ-хранитель сейчасъ же летитъ къ Богу докладывать о смерти человека, поэтому мы и видимъ, какъ летитъ звѣзда. У Бога есть такая книга, въ которую вписываютъ живыхъ, которые нарождаются, и другая, въ которую вписываютъ умершихъ. Звѣзды, которыя не падаютъ, такъ это ангелы хранители тѣхъ людей, которые уже умерли. Млечный путь, это *дорога въ небесный Іерусалимъ*. Кометы—это *ангелы-вспышки грядущихъ бѣдъ на землѣ*. Соезвѣдіе Большой Медвѣдицы называютъ *возомъ*; это возъ—на которомъ пророкъ Ілія поѣхалъ на небо и которымъ онъ ѣздитъ по голубому небу во время грозы; стукъ колесъ этого воза и пронзаетъ громъ. Соезвѣдіе



Плеядъ называютъ *кочкою*; кочка эта водить тѣхъ цыплятъ, которые вырастаютъ и дѣлаются большими курицами, несущими *золотыя яйца*, для христосованья ангеловъ со святыми на небѣ во время свѣтлаго праздника. Планету Венеру называютъ *зорница*—это Ангелъ Хранитель Божіей Матери.

## С о л н ц е.

Солнце—это *образъ славы Божіей*, какъ на солнце нельзя смотрѣть, такъ нельзя грѣшному человѣку видѣть славы Божіей. Солнце то „*Божє дзэркало*“, въ которомъ Богъ видитъ, что дѣлается на землѣ днемъ. Для того Богъ и выставляетъ на день это круглое зеркало, чтобы видѣть всѣ дѣла человѣческія, которыя въ теченіе цѣлаго дня отражаются въ этомъ *небесномъ зеркалѣ*. Затменіе солнца бываетъ, когда Господь приказываетъ пообчистить это зеркало, осквернившееся черезъ отраженіе въ немъ скверныхъ дѣлъ человѣческихъ. Про затмѣніе солнца простолудины такъ и выражаются: „*перэчыщэецця сѣнца*“.

## Л у н а („Місяць“).

Луну простолудины называютъ „*місяцомъ*“, который при новолуніи называется „*Молодыкъ*“, первая четверть,—„*Первая кватыра*“, полнолуніе „*Пыдиовна*“, послѣдняя четверть—„*останя кватыра*“. Темныя пятны на лунѣ народъ считаетъ за изображеніе братоубійцы Каина, который закололъ вилами своего брата Авеля въ то время, когда накладывалъ снопы на возъ, поэтому указывая на темныя пятна на лунѣ, крестьяне говорятъ: „отъ братѣ брата на вѣла взявъ“. Місяць это *Божєе зеркало ночи*, въ которомъ отражаются всѣ дѣла человѣческія, которыя совершаются ночью. Затменіе луны—это *перечистка зеркала ночи*, осквернившася черезъ отраженіе блудодѣяній рода человѣческаго, совершаемыхъ по ночамъ. При появленіи „*молодыка*“ крестьяне молятся „*Отче нашъ*“ и „*Вогородице Дѣво*“. Молитву эту они творятъ для того, чтобы Господь не допустилъ ихъ до грѣховъ, которые могли бы отражаться въ *зеркалѣ ночи*. У кого болятъ зубы, тотъ при появленіи „*молодыка*“, обращается къ нему съ такою мольбою: „*Місяцю Адаме, молодыкъ, подывай ты на мѣртвыхъ и живыхъ, якъ у мѣртоваго вѣсти не болять, такъ нхай у мѣна раба Божого, хрищэного, мольтвяного N не болять зѣбы*“ Или же произносить такое заклинаніе: „*Місяць на небі, рыба въ морі, чэрвякъ у дубі, якъ ці тры браты зийдудця до кѣпы, таді въ мѣнэ будуць болять зѣбы*“. Крестьяне вѣрятъ, что послѣ такихъ молитвъ зубы перестаютъ болять.

## О б л а к а („Хмары“).

Крестьяне вѣрятъ, что облака похожи на студень; говорятъ что куски „*хмары*“ находили послѣ дождя. Если „*хмарою*“ „загудувать“ (передъ тѣмъ, когда начинать откармливать) кабана, то будетъ необыкновенно жирный; какъ „*хмара*“ жирна дождемъ, такъ кабанъ будетъ жиренъ саломъ.

## Вѣтеръ.

Простолюдины представляютъ вѣтра человѣкомъ - великаномъ съ огромными толстыми губами; когда этотъ великанъ дуетъ, тогда и вѣтеръ; если дуетъ слегка, то вѣтеръ слабый, а подуетъ сильно, такъ и вѣтеръ сильный, а коли разсердится, да подуетъ очень сильно, тогда дѣлается буря.

## Громъ.

Громъ происходитъ отъ стука колесъ того воза, которымъ Илія ѣздитъ по небу. Онъ обыкновенно ѣздитъ по небу для того, чтобы распорядиться дождемъ. Громъ также происходитъ отъ того, что Архангелъ Михайлъ бросаетъ камнемъ въ діавола, который хочетъ пробраться на небо. Кромѣ камня Михайлъ бросаетъ на діавола и огненные стрѣлы; куда діаволъ спрячется, туда Михайлъ и пуститъ огненную стрѣлу и убьетъ то животное, или человѣка, возлѣ котораго спрячется діаволъ.

## Молнія.

Молнія, это маханіе архангеломъ Гавріиломъ райскою вѣтвію, которая несказанно сіяетъ. Маханіемъ означенною вѣтвію, Гавріилъ ослѣпляетъ діаволовъ, которые хотятъ пробраться на небо.

## Радуга („Всѣлка“).

По мнѣнію простолюдиновъ „Всѣлка“ тянетъ воду изъ рѣчекъ и морей. Это *Божій цмѣкъ* (насосъ), которымъ Господь набираетъ воду изъ моря и рѣчекъ для того, чтобы образовать дождь.

## Метеоры („Зміи огняні“).

Когда пролетаетъ огненный метеоръ, то простолюдины крестятся и произносятъ заклианіе: „аминь, аминь, розсыпся!“ По вѣрованію народа, это летитъ нечистая сила въ видѣ огненнаго змѣя. Когда умереть человѣкъ и жена начнетъ о немъ сильно скорбѣть, то нечистая сила является къ ней во образѣ умершаго ея мужа и входитъ съ нею въ плотскія сношенія, вслѣдствіе чего женщина эта начинаетъ болѣть и чахнуть и затѣмъ умираетъ. Къ такой скучающей женщинѣ нечистая сила всегда летитъ въ образѣ огненнаго змѣя и только въ хатѣ у этой женщины діаволъ является въ видѣ ея мужа съ супружескими ласками. При видѣ метеора, пролетающаго уже на разсвѣтѣ дня, крестьяне восклицаютъ: „Опизнівся пуганый! Аминь, аминь, разсыпся!“

## Земля.

Земля—по вѣрованію крестьянъ, представляетъ громаднхъ размѣровъ тарелку, которую поддерживаютъ двѣ большія рыбы, лежащія крестообразно одна на другой; рыбы эти конечно лежатъ

въ водѣ, такъ что кругомъ земли находится вода. Когда эти рыбы совершаютъ движеніе, тогда земля движется и происходитъ землетрясеніе. Горы на землѣ образовались отъ того, что когда Богъ создавалъ землю, то діаволъ укралъ у Бога немножко земли и спряталъ въ ротъ, тогда Богъ приказалъ архангелу Михаилу, чтобы отнялъ отъ діавола эту землю. Михаилъ не могъ вынуть земли изъ рта у діавола, поэтому началъ бить его кулакомъ въ спину, вслѣдствіе чего діаволъ началъ „блювать“ (рвать) землѣю, гдѣ „блюнеть“ тамъ и образуется гора.

### Первые люди.

Когда Богъ выгнѣпилъ перваго человѣка изъ земли и поставилъ его для просушки, то діаволъ и себѣ выгнѣпилъ человѣка изъ тѣста, сдѣланнаго изъ пшеничной муки, и также выставилъ для просушки. Этого дьявольскаго человѣка схватила собака и съѣла, что видя діаволъ разсердился на собаку, схватилъ ее за хвостъ и началъ ударять ею во что попало: ударилъ объ пень дерева, такъ у собаки изъ подъ хвоста вылетѣлъ панъ Пеньковский, ударилъ объ дубъ, вылетаетъ панъ Дубицкій и такъ дальше; долго діаволъ ударялъ такъ собакою объ различные предметы, поэтому и явилось на землѣ много пановъ: Березницкіе, Каменскіе, Мостицкіе и т. п.

### Животныя.

*Волкъ* (волекъ). Про волка простолюдины рассказываютъ, что онъ не будетъ трогать скотины въ той мѣстности, гдѣ волчица наплодитъ дѣтей. Напротивъ, если забрать волченятъ, то волки отомстятъ за это тѣмъ, что задушатъ много скотины въ той мѣстности, гдѣ находились волченята. Крестьяне вѣрятъ, что колдуны могутъ превратить людей въ волковъ; такіе люди уже называются „вовкулаками“ и также душатъ скотину, какъ и волки.

*Муравішки* (муравьи). Крестьяне рассказываютъ про *муравьиное масло*, которое можно иногда „до сходъ сонця“ найти въ муравьиной кучѣ; отъ солнца же оно таетъ. Масло это желтое, густое, похожее на коровье масло, его покупаютъ въ аптеку на лекарство. Крестьянскіе мальчики обмакиваютъ сиююю палочки и таковыя кладутъ на муравьиную кучу; черезъ нѣсколько минутъ палочки эти берутъ обратно и облизываютъ, такъ какъ на этихъ палочкахъ находится муравьиная кислота.

Со словъ старухи Оксаны Стебчихи записалъ

*Иванъ Савченко.*

С. Соловьевка  
Радомысльскаго уѣзда,  
Кіевской губ.

## Бѣлорусскій нищенскій „Лазарь“.

Помѣщаемый ниже бѣлорусскій „Лазарь“ записанъ нами отъ хромца-„лирника“ Осипа Адамацкаго 52 л., крестьянина дер. Лодвины, Талядовичской волости, Слуцкаго уѣзда, Минской губ., перенявшаго, въ свою очередь, эту пѣсню отъ такого же нищаго слѣпца изъ дер. Васильчицы, Тимковской вол., у котораго въ дѣтствѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ былъ поводыремъ.

Бѣлорусскіе „лирники“ составляютъ особый классъ профессиональных нищихъ—бродячихъ пѣвцовъ, распѣвающихъ подъ аккомпаниментъ своей „лиры“ обыкновенно духовно-религіозныя стихи. Въ большинствѣ случаевъ—это люди, отъ природы страдающіе какимъ-либо органическимъ недостаткомъ (слѣпота, хромота, различные дефекты рукъ и т. п.), который мѣшаетъ имъ быть полезными членами трудовой крестьянской семьи и принуждаетъ ихъ искать себѣ пропитаніе на другомъ поприщѣ. Калѣка-мальчикъ, особенно въ бѣдныхъ бѣлорусскихъ семействахъ, чаще всего, какъ лишній и обременительный ротъ въ хатѣ, отдается на выучку почтенному и опытному нищему пѣвцу въ качествѣ поводыря и помощника въ его странствованіяхъ съ неизмѣнною „лирою“. Изучивъ приблизительно года въ 2 — 3 всю эту несложную пѣвческую науку и, достигнувъ болѣе зрѣлаго возраста, онъ пріобрѣтаетъ на скопленные гроши уже собственную „лиру“ и, обзаведаясь точно такъ же собственнымъ поводыремъ, начинаетъ свое самостоятельное путешествіе убогаго „лирника“ по роднымъ захолустьямъ.

„Лира“—это струнный средняго лада инструментъ, состоящій изъ деревяннаго продолговато-овальнаго корпуса, на подобіе скрипичнаго, пустого внутри, вдоль котораго на верхней децѣ натянута три кишечныя струны, закрѣпленныя въ одномъ концѣ, на широкомъ и короткомъ гриффѣ, колками; на первую струну (скрипичная квинта) сбоку, подъ давленіемъ пальцевъ, непосредственно упадаютъ 4—5 деревянныхъ палочекъ-клавишей, которыя и регулируютъ измѣненіе звуковой ея гаммы, при чемъ остальные двѣ струны постоянно выдерживаютъ неизмѣнный унисонъ. Звукъ производится треніемъ гладкаго плоскаго колесика, установленнаго подлѣ кобылки и касающагося всѣхъ трехъ струнъ снизу при движеніи его желѣзной ручкой. Такимъ образомъ получается нѣкоторая своеобразная гармонія, меланхолически-монотонная и заунывная, придающая грубому и часто гнусавому голосу пѣвца какую-то особую торжественность религіознаго пѣснопѣнія.

Въ темномъ крестьянскомъ быту заброшенной Бѣлоруссіи пѣніе „лирниковъ“ приноситъ деревенскому населенію большое духовное и эстетическое наслажденіе, самое же ремесло этихъ пѣвцовъ

считается почетнымъ занятіемъ и всегда награждается со стороны неприхотливыхъ слушателей глубокимъ уваженіемъ къ его исполнителямъ и щедрыми подачами. Благодаря такому обстоятельству этотъ промыселъ пустилъ въ народѣ глубокіе корни, такъ что даже нѣкоторыя бѣлорусскія селенія съ давнихъ поръ занимаются специальнымъ изготовленіемъ нищенскихъ „лиръ“ (напр., с. Таладовичи, Слуцкаго уѣзда), а другія (какъ м. Ляховичи, того же у.) славятся еще особыми „лирниками“, прекрасными пѣвцами-истолнителями историческихъ и нравоучительно-бытовыхъ пѣсень (нѣкій „лирникъ“ Флѣрикъ).

Приводимаго ниже бѣлорусскаго „Лазаря“ мы старались передать возможно точно фонетически, сохраняя въ неприкосновенности какъ типичныя черты собственно мѣстнаго чистаго произношенія, такъ и замѣтные слѣды постороннихъ историческихъ и церковно-книжныхъ вліяній (полонизмы, славянизмы и др.). Для большого успѣха нашей записи исполнитель „Лазаря“ долженъ былъ воспроизводить пѣсню „на разсказъ“, при чемъ нерѣдко сбивался и принужденъ былъ неоднократно прибѣгать къ обычному пѣнію, чтобы возстановить въ памяти забытое и пропущенное въ ней мѣсто.

Настоящій „Лазарь“, очень любимый и столь популярный во всей Минской губерніи, начинается обыкновенно вступительными пѣснями о тайной вечери и предательствѣ Іуды („Царѣ Хрысьде“...), а также о крестныхъ страданіяхъ, смерти и погребеніи І. Христа („У слаўнамъ градзѣ“...), затѣмъ слѣдуетъ самый „Лазарь“, состоящій изъ двухъ отдѣльныхъ пѣсенныхъ частей,—„про багача“ и „про Лазаря“, а заканчивается чаще всего молитвеннымъ речитативомъ, въ которомъ „лирникъ“ обращается къ домохозяевамъ съ добрыми пожеланіями и съ просьбой о милостынѣ и который вообще ни у одного изъ нихъ не имѣетъ строго опредѣленныхъ словъ.

---

Царѣ Хрысьде, пана<sup>е</sup> млы,  
 Нашъ барана<sup>е</sup> (барашекъ) вазлатлівы!  
 Чацъвартовъ вѣчару быўшу,  
 Се жидомъ савіетъ сатварыўшу,  
 Стали жыдóва<sup>е</sup> ублагáць:  
 — Ягъ бы намъ Хрыста спаймаць?—  
 А Іюда-жихъ працѣча:  
 — Што мніе дасьцѣ — прадамъ Яго,  
 Бо я жесьць вучанъ Яго.—  
 — Да мы вѣле срѣбникаў дамó,  
 Тольки намъ прадай Яго.—  
 Прадаў Юда Хрыста за срѣбники,  
 И, ў дóми ихъ ня<sup>е</sup> быўшы,  
 Сазнаў Хрыстось сваѣ мóцц,

Што Юда жидомъ да памѡцы.  
Хрыстось, хлѣба праламаўшы,  
Ды вўчни даваў,  
Мачыўшы ў субль, Іюдзи даў,—  
Што ёнъ Мяне адъ васъ прадаў.  
Прышло ўрэмя, прышоў часъ,  
Астайца° ся усіе віёрны — идў адъ васъ!

---

У слаўнамъ грядзѣ Іерусалимѣ,  
Тамъ Исусъ Назарански,  
Се то били, слупавали  
За мёръ храсьціански,  
Се то били, слупавали  
Бога нашаго,  
Цярновы вянѣць на главу слажыли,  
А Прасьвятая жа Дзіёва Марыя  
Жъ жалю вамлявала:  
— Ахъ сына° муой, сына°,  
Божа пралюбезны,  
На красьціе паміраешъ,  
Ціёло Сваё прасьвятот°  
Самъ да гробу аддаешъ.—  
Усіе сьвятны апастолы  
Славу яму чынили,  
Зьнялі ціёло съ краста, — ў плащаніцу,  
Ва грубіъ палажыли.  
Жадна (ни одна) віёра таго ня° дазнала,  
Тольки надъ гробамъ камянь...  
Слава Хрысту на ўсяму сьвіёту  
Ва віёви вя°коў. Аминь!

---

Ня адзінъ чалавіекъ багаты быў,  
Каторы ў раскѡши пываў и їадаў,  
У дарагомъ садзьзя°нні заўжды прахаждаў,  
На Губспада Бога ёнъ ниць ня ўпываў,  
На сьвятны° царевы Божыя ня сздаваў,  
Ницыхъ, каліекъ ёнъ ня падараў,  
Брата свайго Лазара за брата не міёў.  
Прыходзьніц сьвятны Лазаръ да багача:  
— Ой, браця° муой, браця°, силны, багаты,

Адна насъ матка съ табаю радзіла,  
Да ня адну долю намъ давала:—  
Табіе, браця°, Бубхъ даў сильне багацтво,  
А мніе Бубхъ даў, браця°, калѣцтва, убубсство,  
Ня прашу, браця°, срэбра ни злота,  
Столько прашу трубхъ рачѣй зямлі,  
Першай зямлі—хлѣба и соли,  
Альбо хѣця, браця°, зымнае вады.—  
— А ни јестъ жа шъ ты мубѣй братъ,  
Јестъ ты гнилы песъ,  
Іесьць у маѣмъ дварыѣ псы—то тваѣ браты,  
А ты мяне братамъ ня° называй  
Да ты мніе стыду ня° задавай.—  
Плюнуўшы сильны багачъ до двору пашоў  
Вяліець чэлядзи браму замкнуць,  
Штопъ сьвятога Лазара гласу ня° чуць.  
Јаъ пашоў, пашоў сьвяты Лазаръ ва гнаю ляжаць,  
Ляжаў Лазаръ ва гнай, трыццаць тры гады,  
Трыццаць тры гады, таъ акъ тры часы,  
Ня было ў багатаго ни аднаѣ души,  
Ни аднаѣ души—сей набуджнае,  
Штопъ сьвятому Лазару хлѣба й соли даць,  
Тольки было ў багача два лютыя° псы,  
Што багачъ казаў на Лазара—то тваѣ браты,  
Заўжды яны ў багача падъ сталомъ жылі,  
Друбныя крубшкі сей пазьбірывали,  
Сьвятому Лазару ва гнубѣй насили,  
Сьвятого Лазара сей васьпѣтывали,  
Смяртэльныя раны зализывали,  
Палагчэння души й цѣла яму давали.  
Јаъ пачаў сильны багачъ тѣя° узнаваць,  
Вяліеў сабаки на ланцухъ браць,  
Штопъ сьвятого Лазара да ня жывілі,  
Палагчэння души й цѣла ня давали.  
Јаъ пачаў сьвяты Лазаръ малитвы тварыць,  
Госпада Бога миласьци прасиць:  
— Ой, Госпадзѣ Божа прамиласьливы,  
Прыми маю душу й цѣло да хвалы Сваѣ,  
Ва ўжэ шъ мая душа й цѣло настрадалася;  
Холаду й голаду нацярпѣлася,  
Смяртэльныхъ ранаў набалѣлася.—  
Отъ саслаў жа Губспадъ два ангялы:

— Ляцієця, ангелы, зъ неба на землю  
Па Лазараву душу й на ціело яго,  
Вазьмієця° Лазара памалюсяньку,  
Насієця° Лазара пацыхусяньку,  
Пасадзіцьця° Лазара у прасьвіётламъ рай,  
У сьвятого Абрагама на правамъ ланіе.

---

Чась, ўрэмя пагадзіўшы,  
Збіраіцца силны багачъ за варота,  
Збіраіцца силны багачъ на палаванна°,  
У чыстае поля на пагулінна°,  
Надзііеу сабіе шапачку, якъ біэль-маціцъ (перламутр),  
Надзііеу сабіе сукеньку, якъ віецяръ шуміць,  
Прыпасэу ёнъ сабіе шабяльку, якъ агубоць гарыць,  
Якъ выходзіць силны багачъ прэдь-за варота,  
За багачомъ—сілна пяхота, праярасна рота.  
— Жаднаго прыпадку (случайность) ніць на° баюся,—  
Адъ лихого чалавіэка войскамъ адабыюся,  
Адъ лютаго звіэра псами аттраўлюся,  
Жаднаго прыпадэка ніць ні баюся,—  
Я атъ сьмерці злотамъ атвуплюся.—  
Якъ ўсхадзілася злая пяхвіля,  
Якъ хваціла багача нагла хвароба,  
Якъ удырыла багача абъ сыру землю,  
Ляжыць багачъ гадзіну, ляжыць другую,  
На трэцюю гадзініні ёнъ Бога познаў  
Ды Госпадамъ Богамъ назваў:  
— Ой, Госпадзі Божа праміласлівы,  
Прымі маю душу й ціело да хвалы Сваё,  
Ба ўжэ мая душа и ціело сыпіло и зьзіэло,  
У дарагомъ садзія°яніи нахадзілася,  
Зъ рубэжныхъ людзей наглумілася,  
Зъ рубэжныхъ людзей насмя°ялася.—  
Отъ, саслаў жа Гаспудь ўсё злыхъ-пакельныхъ:  
— Ляцієця°, пакельныя, зъ неба на землю  
Па багачову душу й на ціело яго,  
Вырваця° душу сь ціела празъ ліэво рабрó  
И ўкыньця° багача ў піёкло на дно!  
Плавай, плавай, силны багачъ на ўвесъ шірокой (?),  
А відзішъ на Бога, якъ Бубóхъ высóкó.—  
Ящэ силны багачъ у піёкли на°многа пабываў,



Брата свайго Лазара у царстві видаў:  
 — Ой, бра́ця° му́бй, бра́ця°, сьвяты Лазарь,  
 Адна насъ матка съ табою радзѣла  
 Да ня адну долю намъ падавала:—  
 Табі́е, бра́ця°, Бубхъ даў калѣцтво,  
 А мні́е Бубхъ даў, бра́ця°, сільне багацтво,  
 Ты прасъ сваё калѣцтво ў прасвѣтлумъ рай,  
 А я прасъ сільне багацтво у пі́еклі ў смалі́е,  
 У старшаго дзявала ў мо́цахъ яго.  
 Ой, бра́ця° му́бй, бра́ця°, сьвяты Лазарь,  
 Што я цябе, бра́ця°, буду прасіць,  
 Ці ня му́бгъ бы, бра́ця°, таго ўчы́нвць:  
 Памачы, бра́ця°, мѣсяны паліць ў Арда́нску воду,  
 Залей жа на мні́е па́кельны агу́бнь,  
 Штобъ гэтакъ мяне ня паліў,  
 Душы й ці́ела гэтакъ ня сма́жыў.—  
 — Ой, бра́ця° му́бй, бра́ця°, сільны, багаты,  
 Радъ бы табі́е, бра́ця°, тоя° учы́нйць,  
 Да баюся Бога, штобъ ня ўгна́вйць,—  
 Хоць я табі́е, бра́ця°, ўсё мора спущу,  
 То па́кельна агню на ві́екъ ня° ўга́шу,  
 Ка́лі ма́яшъ срэ́бро-злото, то атку́пайся,  
 Да Госпада Бога самъ дасту́пайся.—  
 Ня° мно́го сільны багачъ у пі́екля° бываў  
 Ды Госпада Бога—Бога́мъ называў:  
 — Ой, Госпа́дзй Бо́жа пра́миласлівы,  
 Пусьці мяне, Госпа́дзй, съ пі́екла на зямлю,  
 То я буду на зямлі жы́вымъ пра́рокамъ,  
 Тоя буду пра́ро́каваць—гры́шнымъ людзямъ пра́па́вѣдаваць,  
 Нару́бдъ гры́шны буду навуча́ць.—  
 — Нима ў Мяне на зямлі жы́выхъ пра́рокаў,  
 Сто́лько ў Мяне на зямлі пісьмо́ сьвято́я°.—  
 А́мйнъ, а́мйнъ таму́ слову! Такъ намъ, Бо́жа, дай,  
 Ка́лі бъ мы пашлі́ усі́е ў прасвѣ́тлы рай.

Запісаў *С. Малевич*.

## Бурятская сказка о томъ, какъ русскій Өомка надулъ двухъ поповъ <sup>1)</sup>.

Записана изъ устъ бурята Петков-Нахуева, въ улусъ Турапкинскомъ, рода Алагуй, уезда Верхотенскаго, Иркутской губернии).

Однажды въ нѣкоемъ селѣ жилъ бѣдный Өомка-мангадъ <sup>2)</sup>. Онъ имѣлъ одну кобылу и одного бычка двухлѣтка, да одинъ пустой коробъ на телѣжкѣ да волшебную палочку „хаба“ <sup>3)</sup>, гладкую, пре-гладкую.

Какъ-то разъ этотъ Өомка-мангадъ настряпалъ двадцать двѣ ковриги, положилъ ихъ въ свой единственный коробъ, запрягъ свою кобылу въ телѣжку и повезъ ковриги за село; попрыгалъ подѣ каждый пенъ по одной ковригѣ и снѣгомъ засыпалъ: зима была. Вернулся домой. На другой день онъ запрягъ свою кобылу въ телѣжку съ пустымъ коробомъ взявши свою волшебную палочку „хаба“ и лопатку деревянную, поѣхалъ на вчерашнее мѣсто... А въ селѣ томъ жили два попа, двое русскихъ ламъ, хорошіе друзья. Они вышли за село и видятъ: подбѣзжаетъ Өомка къ одному пню, ударяетъ въ него гладенькой палочкой—и достаетъ изъ подѣ пня ковригу, отъ пня къ пню такъ и ходитъ, лопаточкой ковриги подбираетъ, свой коробъ наполняетъ. Удивились два попа, посмотрѣли другъ на друга, подбѣжали къ Өомкѣ и стали спрашивать Өомку, —что онъ дѣлаетъ.

— Да вотъ я хлѣбъ собираю: бѣдный человекъ. Только благодаря вотъ этой палочкѣ и живъ: она достаетъ мнѣ пропитаніе.

Попы стали умолять Өомку, чтобы онъ продалъ имъ свою волшебную палочку. Өомка покуражился немного и уступилъ палочку за двѣсти рублей.

Попы отправились домой, каждый запрягъ свою кобылу въ коробъ, и поѣхали къ пнямъ добывать хлѣбъ. Ударили палочкой по первому пню, ковырнули лопаткой—нѣтъ хлѣба, попробовали другой пенъ—нѣтъ хлѣба. Разсердились попы, хватили палочкой посылнѣе, а она сломалась на кусочки. Разозлились два папа на бѣднаго Өомку и пошли къ нему требовать отвѣта.

А Өомка размѣнялъ двѣсти рублей въ лавочкѣ—на серебро и мѣдь—и разбросалъ монеты по своему двору. А самъ привязалъ на шею мѣшокъ и собираетъ деньги, такъ и наполняетъ мѣшокъ, еле-еле тащить. Какъ увидали это попы, такъ и стали отъ удивленья. Начали спрашивать. А Өомка въ отвѣтъ: „да вотъ у меня кобыла. Она—если стѣсть овса—даритъ серебромъ, если стѣсть зерна—даритъ мѣдью. Вотъ я и собираю“. Приступили попы къ Өомкѣ: „продай, пожалуйста, продай кобылу!“ А о палочкѣ даже не упомянули. Покуражился Өомка, но въ концѣ концовъ уступилъ свою единственную кобылу за триста рублей.

1) вариантъ басни „Балан Сенге“. Прим. собирателя.

2) „мангад“—значить „русскій“.

3) „хаба“—гладкая, прямая палка, служащая для выколачиванія шерсти, обозначаетъ долгій звукъ а.

Обрадовались попы, побѣжали домой, привязали кобылу къ прясламъ, накормили овсомъ, подвѣсѣли мѣшокъ къ хвосту, а сами легли вовлѣ, обнявшись вмѣстѣ: это они отъ радости... Такъ и заснули. Поспавши немного, одинъ изъ нихъ пробудился, всталъ по тихоньку, пошарилъ въ мѣшекъ,—а тамъ одна гуща! Заскрежеталъ попъ отъ досады, но легъ рядомъ съ товарищемъ, не сталъ будить. Притворился спящимъ. Пробудился его товарищъ, тоже всталъ по тихоньку, подошелъ къ кобылѣ и пошарилъ въ мѣшекъ, но, схвативъ одну гущу, разбудилъ спящаго товарища и рассказалъ, какова Ѳомкина кобыла. И товарищъ рассказалъ о своей неудачѣ. Попы озлились уже не на шутку и порѣшили убить Ѳомку. Пошли къ нему.

А Ѳомка, предупреждая такой случай, закололъ своего бычка-двухлѣтка, налилъ крови въ желудокъ (сычугъ), а желудокъ съ кровью положилъ за пазуху своей жены. Потомъ разукрасилъ кнутикъ и ножъ, большой и широкій, и повѣсилъ ихъ на стѣну, словно бурхановъ. Пришли попы. — „А-га! попался теперь, Ѳомка!“ — говорятъ они: „насъ два раза обманулъ, а третій разъ ужъ не обманешь! Убьемъ тебя, мошенника!“... А Ѳомка какъ крикнетъ на нихъ: „Ахъ, вы! попы этакіе! сами не сумѣли, да меня обвинять!“—разобидѣлся Ѳомка, да какъ вскочить, да схватить ножъ со стѣны—и пырнулъ свою жену прямо въ сердце. Та растанулась и, обливаясь кровью, умерла.

Попы перетрусили, стоятъ ни живы ни мертвы, не шевелятся вовсе. Но опомнился Ѳомка, схватилъ со стѣны кнутикъ, ударилъ жену нѣсколько разъ. Она встала, какъ ни въ чемъ не бывало. Попы удивились такому чуду, у нихъ и злость вся прошла.

Пристали они къ Ѳомкѣ: „какъ же ты воскресилъ свою жену? скажи, скажи!“... Ѳомка отвѣчалъ сердито: „Изъ-за васъ чуть не убилъ своей жены. Я ужасно сердитъ: я въ пылу гнѣва убиваю свою жену по три раза въ день... Если бы у меня не этотъ кнутикъ, я давно былъ бы безъ жены!“

— Ну, Ѳомка, не сердись, голубчикъ; продай намъ свой кнутикъ. Забудь прошлое,—говорятъ попы.

— „Да, какъ бы не такъ! я вамъ все продалъ! этотъ кнутикъ мое послѣднее богатство. Не продамъ его ни за что!“—отвѣчалъ Ѳомка.

Но попы настояли на своемъ и купили кнутикъ за триста рублей. Побѣжали они къ себѣ. Одинъ пырнулъ жену другого въ брюхо, и побѣжалъ домой,—прокричавъ товарищу: „воскреси свою да прійди ко мнѣ поскорѣе. А я бѣгу колотъ свою жену!“ Пострадавшій товарищъ приступилъ къ воскрешенію своей жены: бьетъ волшебнымъ кнутикомъ и такъ, и сякъ, но попададя и не думаетъ встать; она даже не шевельнулась. Побѣжалъ попъ за товарищемъ, а тотъ уже закололъ свою супругу и ждетъ его. Попробовали воскресить эту, но ничего не вышло.

Попы уже взбѣсились, побѣжали къ Ѳомкѣ, поклявшись убить его, не входя ни въ какіе переговоры.

А Ѳомка предупредилъ ихъ: вырылъ въ сторонѣ яму, велѣлъ въ нее зарыть себя, да сверху оставилъ щель, а въ рукахъ держитъ желѣзный крюкъ. Пришли два разъяренные попа въ домъ Ѳомки, и спросили: гдѣ Ѳомка? Но жена отвѣтила, что Ѳомка уже умеръ и похороненъ; и могилу показала.

— Вотъ только-то! но осквернимъ могилу злодѣя! — сказали поны и пошли туда, гдѣ Өомка лежалъ. Одинъ попъ спустилъ штаны и сѣлъ на самую щель, а Өомка хватъ попа крикомъ: попъ вскочилъ, какъ мячъ, но промолчалъ. Сѣлъ его товарищъ, и съ нимъ случилось тоже самое.

— Чтожъ ты не сказалъ мнѣ?—говорить второй попъ.

— Да я хотѣлъ, чтобъ мы были одинаковы,—былъ отвѣтъ.

Но попы не отступились, они раскопали яму, вытащили Өомку, связали его калачикомъ и потащили въ прорубь: утопить хотѣли. Но прорубь—оказалось — замерзла, а прорубить нечѣмъ; надо итти за лѣшней.

Никто изъ поповъ не соглашается итти одинъ. Оставили Өомку и пошли вдвоемъ за лѣшней.

Въ это время подѣхалъ къ проруби табунщикъ Хартаганъ Хан'а поить восемь воронныхъ лошадей. Прорубилъ онъ своей лѣшней прорубь и сталъ поить лошадей. Өомка сталъ просить табунщика, чтобъ онъ его развязалъ. Табунщикъ развязалъ Өомку.

Тогда Өомка схватилъ избавителя, связалъ его калачикомъ, руки и ноги скрутилъ и оставилъ, сказавъ ему: „не бойся, когда прійдутъ попы, ты скажи имъ: я не Өомка, а другой,—и расскажи имъ всю исторію; тогда они тебя отпустятъ“. А самъ Өомка сѣлъ на коня табунщика царя Хартаганъ и увелъ восемь воронныхъ лошадей.

Пришли попы и, не обращая никакого вниманія на всѣ увѣренія и крики табунщика, спустили его въ прорубь. Несчастный пофыркалъ и скрылся подъ льдомъ.

Вернулись попы домой и разговариваютъ между собою, какъ Өомку ловко утопили, и чаюють<sup>1)</sup> за столомъ. Вдругъ слышать: на дворѣ кто-то кричитъ. Посмотрѣли въ окно —самъ Өомка, сидитъ на чудо-конѣ, да за собой ведетъ восемь воронныхъ.

— Какъ же ты это изъ подъ воды-то?—спрашиваютъ попы въ удивленіи.

— Да очень просто. Подъ водой у Водяного царя<sup>2)</sup> лошадей безъ счету. Къ сожалѣнію, у меня не хватило уздъ: сколько хватило веревки, которою вы связали меня,—столько и изловилъ лошадей, и вышелъ съ ними изъ воды.

Позарились попы на такое даровое богатство, стали просить Өомку связать ихъ и спустить въ прорубь. Өомка поворчалъ за безпокойство, но согласился.

Поѣхали на прорубь, Өомка связалъ каждого попа калачикомъ и бросилъ сперва одного въ прорубь. Тотъ сталъ бурлить, захлебываться, махать руками, и исчезъ подъ льдомъ. Второй попъ, вида, какъ его товарищъ возился съ лошадьми и какъ тпрукаетъ, —заторопился, дабы побольше лошадей поймать, и самъ скатился въ прорубь.

Такъ погибли два русскихъ попа. Өомка вернулся домой и зажилъ богато

*Ц. Ж. Шарид.*

<sup>1)</sup> Пьютъ чай.

<sup>2)</sup> Лусуд хан.

# ЧАЧАХАН.

## Якутская дятская сказка

Предлагаемая сказка записана въ переводѣ на русскій языкъ (безъ якутскаго текста), судя по почерку и стертой кѣмъ то подписи, инородцемъ Дюсюнскаго улуса Якутскаго округа, якутомъ Иннокентіемъ Степановичемъ *Говоровымъ*, еще 4 ноября 1890 г., какъ это помѣчено имъ самимъ. По словамъ г. Говорова, „эта сказка—самая извѣстная въ средѣ якутовъ: нѣтъ того якута, который бы ея не зналъ“. Вариантъ настоящей сказки помѣщенъ подъ заглавіемъ „Чарчаханъ“ въ извѣстномъ „Верхоянскомъ Сборникѣ“ *И. А. Худякова* (Иркутскъ. 1890, стр. 234—239). Оригиналъ попалъ ко мнѣ въ числѣ другого фольклорнаго матеріала, который грамотные инородцы охотно предоставляли въ мое распоряженіе какъ члена Якутской Экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова и дѣйствовавшей три года (1894—1896 гг.). Приводя здѣсь записанную г. Говоровымъ сказку безъ всякихъ измѣненій, я долженъ оговориться, что мною сдѣланы нѣкоторые исправленія лишь со стороны слога.

Эд. Пенарскій.

Въ которомъ-то году—давно минувшемъ, на какомъ-то мѣстѣ—забытомъ, жилъ - былъ, говорятъ, *Чачахан* съ женою *Чабычахан*. У нихъ было семеро дѣтей: четыре сына и три дочери. Ихъ звали: одного—Соломенная Ножка, другого—Длинное Бедро, третьяго—Листья Грудь, четвертаго — Пузыреголовъ; старшую дочь звали — Длинная Коса, другую—Нѣжная Глотка и третью—Жирная Паха<sup>1)</sup>. У Чачахан'а былъ пѣгій быкъ — „непомѣщающійся въ елани“<sup>2)</sup>. Въ одну прекрасную осень *Чачахан* порѣшилъ всей семьей зарѣзать этого быка. Всякій знаетъ, какое это важное событіе въ семьѣ... И вотъ семья *Чачахан*'а встрепетулась, и пошла бѣготня по всей

<sup>1)</sup> Было бы вѣрнѣе сказать „Жирный Пахъ“, во я оставляю безъ измѣненія стоящее въ оригиналѣ „Жирная Паха“ въ виду наличности въ западномъ (сиоленскомъ) нарѣчій русскаго слова *пахъ*—мышка, подмышка (Даль, I, 19, 1-ое изд.).

<sup>2)</sup> Для сравненія позволяю себѣ привести здѣсь начало сказки, какъ оно записано Худяковымъ: „Есть, говорятъ, *Чарчахан*; у него человѣкъ Волосяное Горло, да человѣкъ Древесно-листовая Грудь, да Вонючій Бокъ, да Пузырь Голова. И нѣтъ онъ вшиваго быка, достигающаго до облака, блеклаго быка, достигающаго до неба; а сосѣдями у него три Ыдуна (*Маньы*)!“ Далѣе въ сказкѣ Худякова фигурируютъ еще „люди“: человѣкъ Травяная Нога, соответствующій Соломенной Ножкѣ нашего варианта, и человѣкъ Травяные Штаны, аналога которому въ нашей сказкѣ нѣтъ.

путь. Соломенная Ножа бѣгомъ пошелъ доставать воды изъ озера для предстоящаго случая — убоя быка. Придя къ озеру, онъ прорубилъ ледъ, начерпалъ въ берестяныя ведра воды, поставилъ ихъ на лѣду, а самъ пошелъ скакать по лѣду: первый пушистый снѣгъ на гладкой поверхности льда манилъ его своею прелестью, а предстоящее радостное событіе еще болѣе подстрекало къ тому... Наскакавшись вдоволь, Соломенная Ножа подошелъ къ ведрамъ, хотѣлъ поднять ихъ, но ведра примерзали. Онъ дернулъ ведра изъ всей силы и — сломалъ руки, хватилъ ногами — переломилъ чогги, бацъ головою и — растаянулъ. Домашніе, не дождавшись его, послали за нимъ Длинную Косу, а она, въ поискахъ брата, забрела въ рошу, зацѣпилась тамъ за деревья косою и — умерла. Ихъ едва нашли остальные дѣти и принесли домой уже мертвыхъ...

*Чачахан* не смутился этимъ — рѣжетъ быка. Начали быка потрошить. Тогда Нѣжная Глотка и Жирная Паха, доставъ жиру-рубашки, изжарили на рожнахъ у камелька и обожглись до-смерти горячимъ жиромъ. *Чачахан* велѣлъ дочерей убрать на лавку, а самъ продолжаетъ потрошить быка и даетъ женѣ *Чабычакан* желудокъ (книгу) — вынести на дворъ и вытрясти. *Чабычакан*, собравъ всѣ свои силы, поднимаетъ и, подойдя къ порогу юрты, падаетъ, а желудокъ своею тяжестью раздавливаетъ ее до-смерти. *Чачахан* велѣлъ присоединить жену къ дѣтямъ, а мясо быка вынести въ амбаръ. Тогда сыновья *Чачахан*'а стали поднимать мясо быка: Длинное Бедро беретъ стегно, а Лытва Грудь — грудину, пыхтя и кряхтя несутъ... У порога — лужа бычьей крови и пролитой воды... Они падаютъ и ушибаются до-смерти. Тогда Пузыреголовъ съ горя сталъ отчаянно царапать себѣ голову и острыми ногтями процарапалъ свой черепъ до того, что тутъ же умеръ.

*Чачахан* остался одинокимъ. Сталъ онъ думать, какъ быть, куда покойниковъ дѣвать. Вотъ онъ, наконецъ, додумался. По собѣдству съ нимъ, въ дремучихъ лѣсахъ, жили три брата *Моіус*'ы <sup>1)</sup>, — авось они ему помогутъ... Идетъ *Чачахан* къ старшему *Моіус*'у и, рассказавъ о случившемся, говорить:

— Дѣдушка, иди ко мнѣ покушать!

— Я не могу итти — гнусить *Моіус*. У меня животъ давно изсохъ. Ступай къ среднему брату *Моіус*'у.

*Чачахан* приходитъ къ среднему *Моіус*'у, рассказываетъ про случившееся и говорить:

— Дѣдушка, иди ко мнѣ покушать!

— Я не могу итти, у меня желудокъ изсохъ... Ступай къ младшему брату! — прогнулъ *Моіус*.

*Чачахан* идетъ къ младшему *Моіус*'у, рассказываетъ все о томъ же и говорить:

— Дѣдушка, иди ко мнѣ покушать!

*Моіус* отвѣчаетъ:

— Ладно, *Чачахан*, пойду!

*Моіус* былъ роста исполинскаго, на видъ страшный, какъ уголь

---

<sup>1)</sup> *Моіус* (*моіус*) = *маіус* (*маіус*) значить по-якутски обжорливый, ненасытный, ѣдунъ, обжора.

черный... У него были: жена, девять плѣшивыхъ мальчиговъ-сыновей и девять плѣшивыхъ дочерей. *Моіус* говоритъ женѣ:

— Подавай, жена, мою одежду!

А жена ему изъ сырого подвала выбрасываетъ: шаровары, спитые изъ тридцати воловьихъ черевинъ, торбаса—изъ тридцати воловьихъ заднихъ лапъ (ножныхъ шкурокъ), рукавицы—изъ тридцати переднихъ лапъ, поясъ—изъ тридцати воловьихъ хвостовъ, шапку—изъ тридцати воловьихъ головныхъ шкуръ и шубу—изъ тридцати воловьихъ шкуръ. *Моіус* принарядился въ эту одежду, взялъ свою неразлучную сумку и пошелъ съ *Чачахан*’омъ.

Приходятъ они къ *Чачахан*’у. *Моіус* сперва убралъ покойниковъ, потомъ убитаго быка, затѣмъ проглотилъ сколько было скота—пять дойныхъ коровъ, пять телокъ, пять телятъ—и лищи—пять ушатовъ гнилой рыбы <sup>1)</sup>, пять ушатовъ кислаго молока, пять ушатовъ травы и кореньевъ и пять ушатовъ лиственничной заболони. Послѣ того, обратившись къ *Чачахан*’у, и говоритъ:

— Парень, еще нѣтъ ли у тебя чего?

— Дѣдушка, даже ни куска, ни капельки не осталось!—едва могъ выговорить *Чачахан*.

— Ахъ, ты, бездѣльникъ! — прогремѣлъ *Моіус*. По такимъ то пустякамъ ты меня беспокоилъ?!.. А что я унесу домой женѣ и дѣткамъ въ гостинцы?

И кинулся на *Чачахан*’а. Тотъ, давай Богъ ноги, бѣжать прочь отъ него, кругомъ комелька, а *Моіус* за нимъ. Обошли они комелькъ нѣсколько разъ да у *Чачахан*’а, на бѣду, развязались ремни у торбасовъ <sup>2)</sup>: запутавшись, онъ упалъ, а *Моіус* цапъ *Чачахан*’а въ сумку.

*Чачахан* не шевелится и не дышитъ, лежитъ въ сумкѣ, а *Моіус* идетъ себѣ домой. Вдругъ—о счастье!—*Чачахан* нащупалъ у себя за голенищами ножъ — благо, что онъ самъ такъ возился съ быкомъ—досталъ ножъ и, прорѣзавъ сумку, тихо упалъ и скатился, какъ жукъ, подъ валежину...

*Моіус*, прійдя домой, сумку оставилъ въ сѣняхъ. Войдя въ домъ говоритъ женѣ и дѣткамъ:

— У бѣдняка *Чачахан*’а ничего не было... Только его самого цѣликомъ принесъ для васъ.

Жена его что-то вышивала. При этихъ словахъ она ахнула отъ радости, проглотила иглоку и наперстокъ, выбѣжала на дворъ, заглянула въ пустую сумку, воротилась въ избу и, дрожа какъ осиновый листъ, объявила мужу, что въ сумкѣ ничего нѣтъ. *Моіус* вскипѣлъ, топнулъ ногой, ругательски обругалъ жену, говоря:

— Ты сама одна съѣла!—и, выхвативъ свой мечъ, разрубилъ ее пополамъ. При этомъ изъ нея выпали (только) иглока и напер-

---

<sup>1)</sup> Мелкую рыбу *мунду* (*Phoxinus phoxinus*, наз. въ Якутской области по-русски *мундушка*) якуты квасятъ въ ушатахъ, гдѣ она пріобрѣтаетъ противный гнилостный запахъ отъ разложенія; такая рыба называется по-якутски *сыма* (ср. у *Маака*, *Приклонскаго* и *Шманскаго*).

<sup>2)</sup> *Торбасы*, *торбаса* (по-якут. *дѣтѣрбас*)—обувь верхняя, мужская и женская, зимняя и лѣтняя, кожаная.

стокъ и, ударившись о желѣзный полъ, зазвенѣли. *Моіус* заомерячилъ <sup>1)</sup>:

— О, бабат <sup>2)</sup>!—и истопталъ ее.

Затѣмъ *Моіус*, увидавъ, что *Чачахан* убѣжалъ отъ него, пошелъ и даже шагу лишняго не сдѣлалъ—притащилъ его домой и приготовился дѣлить между дѣтьми.

— Дѣдушка!—говоритъ *Чачахан*.—Во мнѣ теперь нѣтъ ни жиру, ни мяса—однѣ кости да кожа... Повремени немножко, я пожирѣю, а теперь ребятамъ нечего будетъ и поѣсть.

— И то правда!—прогнулъ *Моіус* гробовымъ голосомъ и, связавъ, поставилъ *Чачахан*'а на грядкахъ <sup>3)</sup>, а самъ пошелъ песокъ толочь <sup>4)</sup>.

*Чачахан* лежитъ связанный на грядкахъ, слезы и слюни текутъ у него обильно... *Моіус*'овы дѣти подходятъ и говорятъ:

— Ай, ай! У *Чачахан*'а течетъ уже жиръ!

И отнимаются <sup>5)</sup>, кому стать поближе къ нему. Тогда *Чачахан* говоритъ:

— Ой, вы, милые ребятушки! Я вамъ надѣлаю невиданныхъ игрушекъ—спустите меня!

Ребятамъ, хоть какимъ, дороже игрушекъ нѣтъ ничего, и *Моіус*'овы дѣти спустили *Чачахан*'а. Тотъ имъ говоритъ:

— Друзья! У меня нѣтъ ножа. Дайте отцовскій мечъ!

Ребята даютъ ему длинный мечъ. *Чачахан* сдѣлалъ изъ дерева узорчатую ложечку и говоритъ дѣтямъ:

— Ребята! Рядышкомъ садитесь: я самому красивому изъ васъ дамъ мою ложечку.

Девять плѣшивыхъ сыновей и девять плѣшивыхъ дочерей, *Моіус*'овы исчадія, садятся рядышкомъ. *Чачахан* хватилъ по ихъ шеямъ длиннымъ острымъ мечемъ и отрубилъ всѣмъ головы. Головы дѣтей, собравъ, завернулъ въ одѣяло, а самихъ сварилъ въ горшкахъ.

Затѣмъ *Чачахан* вырылъ подъ крѣпкими стѣнами *Моіус*'ова жилища проходную норку и притаился.

Входитъ въ домъ *Моіус*, пыхтя и крихтя. Озирается кругомъ: дѣти спятъ, горшки варятся... *Моіус*, ухмыляясь, говоритъ:

---

<sup>1)</sup> „Омерячить“ (=якут. *бмур*)—слово употребительное въ литературѣ (см. „Герон и толпа“ *Н. К. Михайловскаго*), произведенное отъ слова омерякъ (=якут. *бмурда*)—человѣкъ, подверженный нервной болѣзни *chorea imitatoria*, „при которой онъ, будучи приведенъ въ испугъ какимъ нибудь внезапнымъ крикомъ, звукомъ, даже быстрымъ движеніемъ руками, начинаетъ кривляться и подражать всѣмъ движеніямъ находящихся передъ его глазами людей и животныхъ, хотя бы эти движенія были непріятны, и повторяетъ слова даже скабрзнаго содержанія“ (*Приклонскій* и *Маакъ*).

<sup>2)</sup> При неожиданномъ стукѣ *бмурда* всегда непроизвольно вскрикиваетъ: *бобат!* ой! охъ!

<sup>3)</sup> Рѣшетчатая полка подъ потолкомъ, называемая у якутовъ *хрѣкка* (рус. *грядка*)=*хырада* (рус. *гряда*), а также *чѣс мас*.

<sup>4)</sup> Въ оригиналѣ: „а самъ пошелъ песку толочь“—выраженіе непонятное; у *Худякова* (стр. 237) въ этомъ мѣстѣ сказки *Чарчата* говоритъ: „Ужо, принесу я на синій сухой мелкой (какъ песокъ) рыбы“.

<sup>5)</sup> Буквальной переводъ якутскаго слова *былас*=отнимать другъ у друга. „Отниматься“—общеупотребительное у якутанъ-русскихъ слово.



— Орлята мои успѣли уже *Чачахан*'а спотрошить!

И, подойдя къ горшкамъ, пьютъ супъ, фыркаютъ:

— Фи, родною кровью отзывается... Ужъ какая мнѣ родня *Чачахан*!...

Затѣмъ, *Моіус*, подойдя къ лавкѣ дѣтей, сдернулъ одѣяло, а изъ-подъ него съ шумомъ скатились плѣшивыя головы дѣтей и разбились о желѣзный полъ. *Моіус* замерячнлъ: „о, бабат“!... и истопталъ ихъ. Онъ догадался, что это пакости *Чачахан*'а и давай звать его:

— *Чачахан*! *Чачахан*!..

*Чачахан* на дворѣ откликается:

— *Опн*!...

*Моіус* выскакиваетъ и кричитъ:

— *Чачахан*! *Чачахан*!..

А тотъ въ избѣ:

— *Опн*!...

*Моіус*—въ избу, а *Чачахан*, черезъ норку, —на дворъ!

*Моіус*, промаявшись такъ довольно долго, едва нашелъ норку *Чачахан*'а; полѣзъ онъ по ней, да тамъ и застрялъ... *Моіус* крикитъ и пыхтитъ—ни туда, ни сюда...

Тѣмъ временемъ *Чачахан* поползъ за нимъ, пронзилъ его мечемъ, убилъ. Тутъ прилетѣла пташечка и чирикаетъ:

— Мизинчикъ, мизинчикъ!

Тогда *Чачахан* разрѣзалъ у *Моіус*'а лѣвый мизинецъ, а оттуда вышли живы и здоровы вся его семья, скотъ и даже пища!

Вотъ *Чачахан* сталъ жить да поживать и другого такого случая съ нимъ до самой его смерти не было. Конечъ.

Э. П.

Сиб.  
28 января  
1906 г.

---

## ОТДѢЛЪ III.

### Библиографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины“ (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензій“), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензій.

#### Научные труды А. А. Спицына.

(По поводу 25-лѣтія его научной дѣятельности).

Мы ничуть не принадлежимъ къ числу любителей ученыхъ юбилеевъ, многочисленность и пышность которыхъ служатъ иной разъ только рѣзкою антитезою убогой бѣдности нашей, русской, науки. Если научная дѣятельность ученаго протекла въ центрахъ, на виду у всѣхъ, а рядъ многочисленныхъ учениковъ юбиляра принадлежитъ къ числу присяжныхъ ученыхъ. то въ такомъ случаѣ, по нашему крайнему разумѣнію, празднованіе юбилеевъ—роскошь. Тутъ нѣтъ особенной надобности подводить итоги, когда они и безъ того ясны <sup>1)</sup>.

Другое совсѣмъ дѣло, когда рѣчь идетъ объ ученомъ, такъ сказать, провинціальномъ, если не всѣ, то добрая половина трудовъ котораго напечатана въ малодоступныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, въ различныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Памятныхъ книжкахъ“, изданіяхъ, которыя часто совсѣмъ игнорируются нашими присяжными учеными. Въ такомъ случаѣ подвести итоги, хотя бы только библиографическіе, всегда и всегда встаетъ.

Такъ рассуждая, мы и намѣрены сдѣлать библиографическій

<sup>1)</sup> Безъ того ясны—для специалистовъ, а не для образованной публики и даже не для ученыхъ другихъ специальностей. При такой точкѣ зрѣнія, всѣ труды о великихъ писателяхъ, художникахъ, ученыхъ и вообще крупныхъ историческихъ дѣятеляхъ должны считаться бесполезными, излишнею роскошью, и нужно-де только изучать прошлое однихъ дѣятелей, мало извѣстныхъ современникамъ. *Ред.*

обзоръ трудовъ А. А. Спицына, воспользовавшись, въ качествѣ предлога, 25-лѣтнимъ „юбилеемъ“ его научной дѣятельности, „юбилеемъ“, конечно никѣмъ не замѣченнымъ, а менѣе всего, вѣроятно, самимъ „юбиларомъ“.

Научные труды *Александра Андреевича Спицына* можно подраздѣлять на два большихъ отдѣла. Одни относятся къ вятскому краю и напечатаны въ мѣстныхъ, вятскихъ, изданіяхъ. Другіе касаются археологіи самыхъ различныхъ мѣстностей Россіи и напечатаны въ специальныхъ археологическихъ изданіяхъ, главнымъ образомъ въ „Запискахъ Русскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“. На первыхъ, какъ менѣе доступныхъ и менѣе извѣстныхъ, мы остановимся подробнѣе.

Въ № 69-мъ (отъ 27 августа) „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1880 г. напечатана была, за подписью: „Студентъ А. Спицынъ“, статья подъ заглавіемъ: „По поводу доказательства новгородскомъ происхожденіи вятчанъ“. Это, насколько намъ извѣстно, первый печатный трудъ А. А. Спицына. Статья эта заслуживаетъ особаго вниманія въ виду того, что здѣсь было впервые высказано сомнѣніе въ исторической достовѣрности вятскаго лѣтописца, которому вполнѣ довѣряли Карамзинъ, Костомаровъ и другіе наши ученые историки. Честь критики этого лѣтописца приписывается обычно А. С. Верещагину, по трудъ послѣдняго относится къ 1887 г. (Календарь Вятской губ. на 1888 г.), т. е. на 7 лѣтъ позднѣе статьи А. Спицына. Кромѣ того, въ статьѣ А. А. Спицына вопросъ ставится шире: не только выражено сомнѣніе въ достовѣрности лѣтописца, но также и сомнѣніе въ общеприпятомъ мнѣніи о новгородскомъ происхожденіи вятчанъ, чего совсѣмъ не касается А. С. Верещагинъ. Этотъ послѣдній вопросъ о прародинѣ вятчанъ до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ, однако рѣшеніе его все болѣе и болѣе назрѣваетъ, и именно въ смыслѣ, высказанномъ А. Спицынымъ: на Вяткѣ преобладала не новгородская колонизація, а владимірская.

Вслѣдъ затѣмъ въ „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатанъ цѣлый рядъ (до 50) статей А. А. Спицына, относящихся до археологіи, исторіи и этнографіи вятскаго края. Назовемъ лишь нѣкоторые изъ нихъ: 1) Краткій очеркъ кустарной промышленности Вятской губ. (В. Г. В. 1890 г. №№ 39—52); 2) Преданія о разбойникахъ и владахъ въ Зюздинскомъ краѣ (1890 г. № 3); 3) Какъ вотяки представляли себѣ бога грома (1886 г. № 80); 4) Чудскія древности въ Зюздинскомъ краѣ

(1889 г. №№ 60—62); 5) Археологическія находки (рядъ замѣтокъ за разные годы); 6) Когда явилось русское населеніе на Вяткѣ и были-ли вятчане независимы? (1882 г. № 85); 7) Первый трудъ по исторіи Вятскаго края (1888 г. №№ 83—87); 8) Присоединеніе Вятки къ Московскому государству (1889 г. № 71); 9) Воеводы на Вяткѣ въ началѣ XVII в. (1889 г. №№ 101—103); 10) Исторія рода Рязанцевыхъ (1884 г. №№ 53—55); 11) Древніе акты изъ архивовъ мѣстныхъ церквей (за разные годы).

Полный перечень статей А. А. Спицына можно найти въ составленномъ имъ-же „Систематическомъ указателѣ статей мѣстнаго отдѣла неофициальной части Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“—(см. алфавитъ авторовъ). Указатель этотъ напечатанъ въ „Календарѣ Вятской губ.“ на 1891 и 1892 годы. Въ томъ-же „Календарѣ“ напечатанъ и рядъ (болѣе 20) другихъ крупныхъ трудовъ нашего автора. Назовемъ изъ нихъ болѣе интересныя для этнографа: 1) Каталогъ древностей Вятскаго края (календарь на 1882 г.), съ дополненіемъ къ нему (1885 г.). Этотъ „каталогъ“ является кандидатскою диссертациею автора; въ немъ описаны всѣ городища, инородческія пепелища, побоища, старыя дороги, древнія церкви, часовни и иконы, и т. п., черемисская святыня „Камень чымбулатъ“ и т. д.; 2) Вятская старина (1885 г.); здѣсь, между прочимъ, описаны старинныя суевѣрія вятчанъ (почитаніе воды и троецпылтиница); 3) Постройка старинныхъ вятскихъ деревянныхъ церквей (1892 г.); 4) Вотчины Успенскаго Трифопова монастыря (1886 г.); 5) Земля и люди на Вяткѣ въ XVII столѣтіи (1887 г.); 6) Къ исторіи вятскихъ инородцевъ (1889 г.), и др.

Хотя большая часть трудовъ А. А. Спицына посвящена археологіи и исторіи, по они, какъ можно видѣть уже изъ однихъ заглавій ихъ, далеко небезынтересны и для этнографа. Это послѣднее еще съ большимъ правомъ можно сказать о другой группѣ трудовъ нашего автора, напечатанныхъ въ специальныхъ археологическихъ изданіяхъ. Вопросы древнѣйшей колонизаціи Россіи—излюбленные вопросы А. А. Спицына, а вопросы эти одинаково относятся какъ къ археологіи, такъ и къ этнографіи. Для иллюстраціи, мы приведемъ нѣсколько общихъ выводовъ изъ различныхъ археологическихъ статей нашего автора.

„Имѣющимися археологическими данными намѣчается положеніе, что въ основѣ великорусской народности лежитъ великое *кривичское* племя, единое, несмотря на нѣкоторыя мѣстныя

отличія, съ которыми въ Московскій періодъ слились *вятичи*; примѣсь финской крови къ великорусской, по всей видимости, незначительна“ (Къ исторіи заселенія верхняго Поволжья русскими. Изъ трудовъ Тверского Областного Археологическаго Съѣзда. Тверь 1905. стр. 8).

„Въ X вѣкѣ *Ростовская область* была заселена значительными массами смоленскихъ кривичей, занимавшихъ не только Ростовъ, но также Ярославль, Суздаль, Юрьевъ и Переяславль. Въ XI—XII в. этотъ край, кромѣ естественнаго прироста населенія, усиливается ассимиляціей инородцевъ и новымъ притокомъ населенія, главнымъ образомъ изъ области тѣхъ же кривичей, какъ смоленскихъ, такъ и двинскихъ. Изъ остальныхъ русскихъ племенъ вятичи, радимичи и сѣверяне не имѣли никакого отношенія къ Владимірской области; поляне, древляне, дреговичи если и высылали на сѣверъ избытокъ населенія, то въ очень ограниченномъ количествѣ; колонизація со стороны Новгорода если и была, то вѣтъ никакихъ основаній считать ее сколько-нибудь значительною. Въ XI—XII в. Ростово-Суздальская область имѣетъ, быть можетъ, довольно пестрое населеніе, но преобладаютъ въ немъ самыя рѣшительнымъ образомъ кривичи (да и сами новгородцы—въ сущности тѣ-же кривичи). Слѣдующіе вѣка Владимірской области пока скрыты отъ глазъ археолога“. (Владимірскіе курганы. стр. 90).

Отмѣтимъ еще объясненіе, которое эпизодически даетъ нашъ археологъ сказочной избушкѣ на курьихъ ножкахъ, въ которой живетъ сжигающая людей Баба Яга. А. А. Спицынъ предполагаетъ, что отмѣченный у Нестора древнѣйшій русскій обрядъ погребенія „на столбѣхъ на путѣхъ“ есть не что иное, какъ погребеніе въ небольшихъ домикахъ или домовищахъ, поставленныхъ на сваяхъ, и высказываетъ предположеніе, что отъ такого именно домика и ведетъ свое начало „избушка на курьихъ ножкахъ“. (Удлиненные и длинные русскіе курганы, стр. 7).

По принятому обычаю, мы должны были бы еще изложить главные черты біографіи юбиляра, но, къ сожалѣнію, лишены возможности сдѣлать это, такъ какъ въ энциклопедическихъ словаряхъ имени его не нашли. Можемъ лишь указать, что А. А. Спицынъ—уроженецъ Вятской губерніи, питомецъ Вятской классической гимназіи и Петербургскаго университета; въ послѣднемъ А. А. Спицынъ слушалъ лекціи извѣстнаго историка Бестужева-Рюмина.

Д. Зеленинъ.

**Русскій Филологическій Вѣстникъ** Учено-педагогическій журналъ, издаваемый подъ редакціей проф. Е. Θ. Карскаго LIII т. (1905 г.), 8<sup>о</sup>, 358 стр.

Съ нынѣшняго года этотъ журналъ выходитъ подъ новой редакціей проф. Варшавскаго университета Е. Θ. Карскаго. Его прежній кормчій, недавно скончавшійся проф. А. И. Смирновъ, точно предчувствуя свою близкую смерть, во-время передалъ ему журналъ, который съ рѣдкимъ безкорыстіемъ, упорствомъ и настойчивостью онъ издавалъ втеченіи 25 лѣтъ, вокругъ котораго онъ съумѣлъ сплотить русскія и многія иностранныя ученныя силы и который завоевалъ себѣ почетную извѣстность въ ученomъ мѣрѣ. Такого успѣха покойный А. И. Смирновъ могъ достигнуть благодаря своей терпимости къ научнымъ мнѣніямъ и благожелательности ко всѣмъ и каждому и въ особенности благодаря программѣ своего журнала, которая была гораздо шире его заглавія: не только статьи по русской филологіи, но и работы по славистикѣ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова всегда находили въ журналѣ самый радушный пріютъ.

Новый редакторъ журнала, одинъ изъ заслуженнѣйшихъ русскихъ филологовъ, проф. Е. Θ. Карскій успѣлъ ввести рядъ вышнихъ улучшеній уже въ первомъ томѣ новой серіи „Р. Ф. В.“: увеличенъ форматъ изданія, улучшена бумага и шрифтъ, для редакцій и библиографическихъ замѣтокъ систематически употребляется только мелкій шрифтъ. Желательно было бы также, чтобы редакторъ ввелъ въ журналъ новые отдѣлы „Мелкихъ сообщений“ и „Научной хроники“. Кромѣ того, было бы въ высшей степени отрадно видѣть участіе польскихъ ученыхъ въ „Р. Ф. В.“ и вообще болѣе частое появленіе статей изъ области „Polonica“.

Въ LIII т. „Р. Ф. В.“ непосредственное отношеніе къ славистикѣ, кромѣ многочисленныхъ рецензій на славянскія книги, имѣютъ только „Замѣтки по славянскимъ древностямъ“ А. Л. Погодина. Авторъ полемизируетъ здѣсь съ мнѣніемъ проф. Нидерле (изъ „Славянскихъ древностей“), будто подъ именемъ скивовъ Геродотъ разумѣлъ не одну опредѣленную народность, а цѣлый рядъ варварскихъ народовъ, этнографически неродственныхъ другъ другу.

*Г. Ильинскій.*

**Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго Общества** при Имп. Спб-скомъ Университетѣ, издаваемый подъ редакціей секретаря общества Б. Ф. Адлеръ. Т. I. Спб. 1905 г.

Русское Антропологическое Общество съ 1904 г. приступило къ изданію своихъ трудовъ въ видѣ „Ежегодника“. Лежащая передъ нами первая книжка „Ежегодника“ за 1904 г., составленная изъ разныхъ статей и замѣтокъ: Коропчевскаго, Клеменца, Могилянскаго, Чепурковскаго, Бодуэнъ-де-Куртенэ, Штернберга, Адлера, Бялынецкаго-Бирули, Руссова, Ларіонова и др., не носитъ исключительно характера соматической антропологии; здѣсь помѣщены также статьи по фольклору и работы этнологическаго и этнографическаго характера. Главной работой сборника является магистерская дис-

сертация покойнаго предсѣдателя Общества, приватъ-доцента Спб. университета, Д. А. Коропчевскаго. Къ сожалѣнію, покойный ученый не успѣлъ вполне закончить свою цѣнную работу,—диссертация, занимающая 1—255 стр., доведена только до 9-го листа, вторая часть напечатана безъ окончательной отдѣлки и переработки согласно повѣйшимъ изслѣдованіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что выпущенный антропологическимъ обществомъ первый сборникъ встрѣтитъ поддержку и симпатію всѣхъ интересующихся антропологіей и этнографіей и вызоветъ самыя лучшія пожеланія.

Въ „Ежегодникѣ“ между прочимъ помѣщено: „Значеніе „географическихъ“ провинцій въ этногенетическомъ процессѣ“ Д. А. Коропчевскаго; „Д. А. Коропчевскій“ (Некрологъ) Д. А. Клеменца; „Научные взгляды Д. А. Коропчевскаго“. Н. М. Могилянскаго; „Къ вопросу о наслѣдованіи и варіаціи у различныхъ антропологическихъ типовъ“ Е. М. Чепурковскаго; „Объ одной изъ сторонъ постепеннаго человѣченія языка въ области произношенія въ связи съ антропологіей“ проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртензъ; „Культь Инау у племени Айну“ Л. Я. Штернберга; „Фридрихъ Ратцель“ (некрологъ) Б. Ф. Адлера; „Головной указатель славянъ“ д-ра Бялынецкаго-Бирули; „Изъ Карпатскихъ долинъ“ М. И. Руссова; „Зырянская и русская свадьба въ Обдорскѣ“ М. Ларіонова.

*Ив. Абрамовъ.*

**Изборникъ Кіевскій**, посвященный Т. Д. Флоринскому. Кіевъ, 1905, IV + 118 + 356.

Въ русской академической жизни все болѣе и болѣе упрочивается обычай ознаменовывать юбилей наиболѣе выдающихся дѣятелей науки особыми посвященными ихъ имени сборниками. Наглядно показывая кругъ и степень духовнаго вліянія чествуемаго лица, доказывая наиболѣе неопровержимымъ образомъ торжество ихъ любимыхъ идей, такіе сборники приносятъ тѣмъ болѣе глубокое нравственное удовлетвореніе „виновникамъ торжества“, чѣмъ новѣе и цѣннѣе вливаемые ими въ океанъ научной литературы факты, наблюденія и выводы. А какая награда можетъ быть для научнаго и университетскаго дѣятеля выше, чѣмъ возможность наблюдать еще при жизни буйный ростъ посѣянныхъ имъ сѣмянъ?

Настоящій сборникъ носитъ имя извѣстнаго слависта, профессора Кіевскаго университета, Т. Д. Флоринскаго, отпраздновавшаго въ прошломъ году двадцатипятилѣтіе своей научной и литературной дѣятельности. „Какъ научные и педагогическіе, такъ и другіе труды уважаемаго ученаго,—говорится въ „посвященіи“,—были постоянно согрѣваемы однимъ горячимъ чувствомъ любви къ славянству во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, въ его настоящемъ и прошломъ, включая и Византійскій міръ, которому такъ много обязаны южные и восточные славяне. Всѣ труды Т. Д. Флоринскаго одушевлялись вмѣстѣ съ тѣмъ одною возвышенною мыслью служенія наукѣ, посвященной изученію славянства, и преуспѣванію послѣдняго“. Вообще Т. Д. Флоринскій принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ, въ трудахъ которыхъ довольно большую роль играетъ субъективный элементъ, но этотъ элементъ (если оставить въ сторонѣ такіе крайне запутан-

ные и сложные вопросы, какъ малорусскій или словацкій) никогда не вступаетъ въ конфликтъ съ научнымъ методомъ и безпристрастіемъ изложенія, а лишь сообщаетъ особенную прелесть стилю и композиціи его работъ. Любовь къ славянству, какъ къ одному великому культурному цѣлому, бьетъ ключемъ даже въ такихъ капитальныхъ специальныхъ трудахъ, какъ его магистерская диссертация „Южные славяне и Византія во второй четверти XIV в.“ (Кіевъ 1888), до сихъ поръ незамѣненная въ наукѣ, или какъ его „Лекціи по славянскому языкознанію“, представляющія первую въ русской литературѣ попытку сравнительнаго обзора *всѣхъ* славянскихъ языковъ, или даже какъ многочисленныя рецензіи на книги по славяновѣдѣнію, которыя Флоринскій систематически даетъ на страницахъ „Кіевскихъ университетскихъ Извѣстій“, не безъ нѣкотораго самоотверженія относительно своихъ специальныхъ изслѣдованій...

Въ „Изборникѣ“ приняли участіе двадцать четыре, преимущественно кіевскіе ученые, давшихъ работы по всѣмъ областямъ славистики. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ не одинъ только узко-спеціальный, но и общій интересъ. Такова прежде всего статья проф. Н. П. Дашкевича: „Нѣсколько слѣдовъ общенія южной Руси съ югославянами въ литовско-польскій періодъ ея исторіи, между прочимъ, въ думахъ“, гдѣ проводится оригинальная мысль, что малорусская дума создавалась въ XV в. не безъ вліянія со стороны болгарскихъ и сербскихъ пѣсенъ; даже самое слово „дума“ проф. Дашкевичъ готовъ объяснить изъ болгарскаго „дума“ („слово“). „Малороссійскія думы—это пѣсни тихой, но глубокой печали, которою онѣ рождаются съ юго-славянскими... Эта печаль—не навѣянный пріемъ вдохновенія: она выливалась непосредственно изъ самой глубины народнаго сердца какъ югославянъ, такъ и южно-русовъ въ вѣка народнаго горя среди страшныхъ бѣдъ ставшаго обычнымъ изъ года въ годъ увода въ неволю и постоянной борьбы для отстаиванія самой личности человѣка“. Весьма интересна также статья А. М. Лободы „Польско-русскіе параллели“, гдѣ авторъ указываетъ на сходство нѣкоторыхъ мотивовъ русской народной поэзіи, напр. о невѣрной женѣ, принимающей въ отсутствіе мужа любовника, съ соотвѣтствующими польской: варианты послѣдней нерѣдко связываютъ русскіе мотивы съ западно-европейскими. Проф. Радченко въ этюдѣ „Къ вопросу объ отношеніи апокрифовъ къ богомилству“ приводитъ нѣсколько вѣскихъ возраженій противъ того и теперь еще очень распространеннаго взгляда, будто богомилы для пропаганды своихъ воззрѣній составляли апокрифы и переводили ихъ съ греческаго. Но не вѣря въ ихъ творческую дѣятельность въ этомъ отношеніи, проф. Радченко не отрицаетъ ихъ участія въ апокрифической литературѣ, какъ тенденціозныхъ комментаторовъ. Трудный вопросъ о происхожденіи византійскихъ „темъ“ (нѣчто въ родѣ военныхъ округовъ) рѣшаетъ проф. Ю. А. Кулаковскій. По его мнѣнію, „темный строй, какъ организція военныхъ силъ византійскаго государства, не былъ созданіемъ политической мудрости того или иного императора, не имѣетъ опредѣленной хронологической даты, а былъ въ самомъ своемъ существѣ наслѣдіемъ давняго прошлаго, когда вмѣсто регулярной арміи, основанной на системѣ набора изъ всего населенія государства, въ имперіи оказалось *сословіе военныхъ людей* и притомъ какъ на границахъ,



такъ и внутри государства". И. П. Каманинъ сообщаетъ „Письмо черногорскаго владыки Василя Петровича 1757 г.", посланное, повидимому, оренбургскому генералъ-губернатору И. И. Неплюеву по поводу предполагавшагося тогда переселенія черногорцевъ въ Оренбургскій край. Интересующіеся вопросомъ о славянской взаимности съ удовольствіемъ прочтутъ статью В. А. Францева „Казиміръ Бродзинскій и чехи“, гдѣ приведено нѣсколько подробностей о пребываніи знаменитаго польскаго романтика въ Прагѣ и Карлсбадѣ и напечатано два его стихотворенія. Наконецъ, А. И. Степовичъ помѣстилъ весьма удачный переводъ стихотвореній „чешскаго Гете“ Верхлицкаго „Requiescat“ и „Пѣснь о звѣздахъ“.

*Г. Ильинскій.*

Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Спб. 1905.

Наконецъ русская наука и русское общество имѣютъ два доступныхъ изданія „Путешествія“ Радищева: одно двухрублевое, съ біографіей „врага рабства“, написанной Н. П. Сильванскимъ, изслѣдованіемъ П. Е. Щеголева о рукописи „Путешествія“ (имѣющей отличія отъ печатнаго текста книги) и многими полезными примѣчаніями; другое изданіе — шестидесятикопеечное А. С. Суворина. Оба изданія совершенно точно передаютъ текстъ перваго изданія книги Радищева и годятся не только для простаго чтенія, но и для научнаго изслѣдованія.

Въ ожиданіи такихъ изслѣдованій сдѣлаемъ лишь нѣсколько замѣтокъ о томъ, что даетъ „Путешествіе“ читателю, интересующемуся этнографическими данными. Ссылаться будемъ на первое изъ названныхъ нами изданій.

Въ главѣ „Софія“ на стр. 6—7 дается указаніе на заумность напѣвовъ народной пѣсни и переходъ народныхъ настроеній отъ задумчивости къ бурному веселю и буйству. Эти замѣчанія глубоки, вѣрны и признаны теперь всѣми.

Въ главѣ „Спасская Полѣсть“ на стр. 27 есть нѣсколько замѣчаній о русскихъ сказкахъ.

Въ главѣ „Подберезье“ упоминается о народномъ средствѣ лѣченія отъ головной боли питьею кофе (стр. 50).

Въ главѣ „Новгородъ“ на стр. 60 и дальше до 63 немало этнографическихъ данныхъ о бытѣ и свадебныхъ обычаяхъ купцовъ.

На стр. 65 въ главѣ „Бронницы“ сообщено преданіе о языческомъ храмѣ, бывшемъ въ древности близъ этого села.

На стр. 74 въ главѣ „Зайцево“ сдѣлано замѣчаніе о безконечной терпѣливости русскаго народа, которая прорвавшись обращается въ необузданную жестокость; она проявилась въ самосудъ крестьянъ надъ помѣщикомъ, описаннымъ въ этой главѣ.

Глава „Валдай“ знакомитъ съ развратными нравами города, жители котораго пользуются щедростью путешественниковъ „на щетъ своего цѣломудрія“ (стр. 115).

Въ главѣ „Едрово“ описаны скромныя сельскія красавицы, живущія на лонѣ природы, въ просторѣ сельской жизни, веселыя и здоровыя. Разсужденія о ихъ жизни, сопоставленной съ жизнью

горожанокъ, ясно указываютъ на увлеченіе идеями Руссо.—Здѣсь же на стр. 124 указывается на снохачество, имѣющее мѣсто при бракахъ малолѣтнихъ, напр. десятилѣтнихъ мальчиковъ съ взрослыми дѣвушками. И на стр. 130 говорится, что такіе браки бывають „часто“ у крестьянъ.

Глава „Мѣдное“ только начинается съ народной пѣсни и упоминанія о бабахъ и дѣвкахъ, пляшущихъ въ хороводѣ, но далѣе не даетъ ничего этнографическаго.

Въ главѣ „Городня“ на стр. 208—209 находимъ два причитанія по рекрутѣ: матери и невѣсты. Это не настоящія народныя причитанія, но лирическія рѣчи самого автора, впрочемъ напоминающія нѣсколько народныя произведенія этого рода, особенно причитаніе матери.

Въ концѣ главы „Завидово“ въ стр. 223 есть указаніе на деревенскихъ колдуновъ.

Въ главѣ „Клинь“ находятся данныя о слѣпомъ нищемъ, пѣвцѣ духовныхъ стиховъ, и объ отношеніи къ такимъ пѣвцамъ народа.

Въ главѣ „Пешки“ дано описаніе крестьянской избы, съ ея убогой обстановкою,—„замѣчательное“ по отзыву Пушкина.

Наконецъ, въ примѣчаніяхъ къ страницамъ 216 и 222 находимъ замѣчанія „о духѣ Россіянина“ и обычаяхъ при пріѣздѣ въ Москву посѣщать церкви (стр. 277—278).

Въ Радищевѣ политическій мыслитель подавляетъ наблюдателя; его книга не есть изложеніе фактовъ, но идей и настроеній. Вотъ почему описательная ея часть не богата подробностями. Въ обширномъ сочиненіи, большая часть котораго посвящена народу, о народѣ этнографъ узнаетъ не очень много. Но и то немалое, что есть, носитъ на себѣ слѣды литературной обработки.

Другое дѣло—объясненіе этнографическихъ фактовъ. Въ этомъ отношеніи книга Радищева можетъ дать цѣнныя указанія. Тому, кто прочитаетъ „Путешествіе“, станетъ болѣе понятно происхожденіе нѣкоторыхъ особенностей положенія и характера русскаго народа: ужасающей крестьянской бѣдности, юридической безпомощности, недостаточной энергіи къ улучшенію своего благосостоянія и др.

Не рѣшаемся также—вопреки нѣкоторымъ повѣйшимъ изслѣдователямъ—признать въ Радищевѣ замѣчательнаго знатока народнаго быта, тѣмъ болѣе не признаемъ его знатокомъ народнаго языка. Бытъ народа, конечно, онъ зналъ, но подробностями его, повидимому, не интересовался, а образцомъ языка служили для него, какъ онъ самъ указываетъ и какъ еще лучше указываетъ „Путешествіе“, церковныя книги.

*В. Чернышевъ.*

Ермоловъ, А. Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. II. Всенародная агрономія. XII+528. Спб. 1905 г. III. Животный міръ въ возрѣніяхъ народа. VII+555. Спб. 1905 г. IV. Народное погодовѣдѣніе. XIII+468. Спб. 1905 г.

Первый томъ обширнаго сборника г. А. Ермолова вышелъ въ 1901 г. Спустя значительный промежутокъ времени, почти одновременно, вышли сразу три тома, заканчивающіе все изданіе.

Въ послѣднихъ трехъ томахъ излагаются—почерпнутыя исключительно въ области народной мудрости,—понятія крестьянъ о сельскомъ хозяйствѣ—всенародная агрономія,—съ добавленіемъ нѣкоторыхъ чертъ, касающихся и бытовой стороны народной жизни, сельскохозяйственнаго года въ его совокупности, трудового дня и праздника, рабочей поры и времени отдохновенія и т. п. Послѣдовательною чередою проходятъ взгляды народа на землю, мать-кормилицу, на земледѣліе, какъ основной промыселъ, на разные періоды хозяйствованія: обработку почвы, посѣвъ, уборку хлѣбовъ, на условія урожая и неурожая, на лѣсъ и лѣсные промыслы, на садоводство и виноградарство. Сюда же авторъ присоединяетъ и воззрѣнія народа на окружающій его животный міръ,—на животныхъ, какъ имѣющихъ прикосновеніе къ хозяйству, такъ и тѣхъ, съ которыми сельскій хозяинъ лишь такъ или иначе сталкивается. Заключается вся работа изложеніемъ воззрѣній народа на различныя явленія физическаго міра, т. е. своего рода метеорологіей и космографіей.

Какъ и въ первомъ томѣ, авторъ старается вездѣ пареміологическій матеріалъ сопоставлять съ нѣкоторыми чертами быта и жизни народной, съ народными суевѣріями, легендами и пр. Такимъ образомъ, до нѣкоторой степени дается характеристика воззрѣній народа на разные стороны его хозяйственной жизни, быта и дѣятельности, и на тѣ условія, среди которыхъ протекаетъ народная жизнь. Этимъ и должно быть ограничено все значеніе сборника. Впрочемъ и самъ г. А. Ермоловъ пишетъ, что онъ „въ своей работѣ совершенно не касался лингвистической стороны дѣла, а равно не задавался вопросами о происхожденіи народныхъ изреченій, позаимствованій ихъ однимъ народомъ у другого, распространеніи ихъ изъ одного общаго источника и т. п.“

Трудъ г. А. Ермолова уже нѣсколько разъ подвергался разбору на страницахъ разныхъ журналовъ. Были и очень сочувственные <sup>1)</sup> и очень рѣзкіе <sup>2)</sup> отзывы. Содержаніе его было изложено очень подробно и пространно проф. А. Погодинымъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ <sup>3)</sup>.

Поэтому здѣсь я не буду входить въ подробную оцѣнку этой работы. Скажу лишь, что такого рода сборники однороднаго по содержанію матеріала являются очень желательными и полезными. Ежегодно появляются цѣлыя массы историко-литературнаго сырья, разобраться въ которомъ одному человѣку прямо таки невозможно. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію той или иной области народной словесности, необходимо произвести цѣлый рядъ подготовительныхъ работъ. А такъ какъ у насъ, къ большому стыду нашему, до сихъ поръ еще нѣтъ полного собранія хотя бы, напр., русскихъ пословицъ, то въ первую голову и приходится дѣлать выборку ихъ изъ разныхъ, часто мало доступныхъ изданій,—и группировку по содержанію. Въ этомъ смыслѣ и желательно появленіе сборниковъ, подобныхъ сборникамъ гг. Иллустрова и Ермо-

<sup>1)</sup> Вл. Б.—„Этнографическое обозрѣніе“, 1905, № 2 и 3 (двойной). М. 1906.

<sup>2)</sup> „Русское богатство“. 1905, № 6, стр. 69—72.

<sup>3)</sup> „Ж. М. Н. П.“ 1905, № X,

лова. И, по моему мнѣнію, совсѣмъ не имѣютъ смысла придирки, что тотъ или иной сборникъ захватываетъ матеріалъ шире, чѣмъ общаетъ его заглавіе. Чѣмъ болѣе сгруппировано по отдѣламъ матеріаловъ, тѣмъ легче будетъ работать позднѣйшимъ изслѣдователямъ.

Къ указаніямъ другихъ критиковъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ прибавить и то, что авторъ повидимому очень мало знакомъ и поэтому мало пользовался славянскими, литовской литературой и литературой финскихъ племенъ.

*Н. Виноградовъ.*

Кондаковъ, Н. П. Изображеніе русской княжеской семьи въ миниатюрахъ XI вѣка. Съ 6 табл. и 13 рис. въ текстѣ. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1906 г. 123+II ненум. стр.

Работа Н. П. Кондакова представляетъ собою изслѣдованіе о пяти византійскихъ миниатюрахъ, найденныхъ въ самое послѣднее время въ, такъ называемомъ, *кодексъ Гертруды*, или рукописи Латинской Псалтири, писанной по заказу Трирскаго архіепископа Эгберта (977—993), и находящейся въ капитульномъ архивѣ (нынѣ королевскомъ) города Чивидале въ Ломбардіи; составила она частью изъ замѣтокъ, сдѣланныхъ авторомъ по самой рукописи, частью изъ различныхъ историко-археологическихъ справокъ, привлеченныхъ для задачъ сравнительнаго изслѣдованія памятника.

Авторъ раздѣлилъ свою „записку“ на четыре главы съ заключеніемъ. Въ I гл. изложена исторія кодекса, вмѣстѣ съ его палеографическимъ описаніемъ, и приведены лѣтописные отрывки, подтверждающіе, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ изображеніями князя Ярополка Изяславовича съ женой Ириной и матерью. Во II главѣ подробно разбирается каждая отдѣльная миниатюра. Въ III главѣ, предварительно анализа самихъ изображеній русскихъ князей, авторъ вкратцѣ обобщаетъ 1) прочія подобныя изображенія, ставшія доселѣ извѣстными и 2) данныя (по нѣкоторымъ бытовымъ пунктамъ) византійскихъ источниковъ, которыя могутъ способствовать истинно научной постановкѣ археологическихъ вопросовъ. Въ IV главѣ изслѣдуются тѣ облаченія и регалии, которыми надѣлили миниатюристъ князя и его семью, и дѣлается попытка рѣшить любопытную задачу, обратившуюся въ послѣднее время въ своего рода загадку,—о шапкѣ Мономаха. Въ заключеніи Н. П. Кондаковъ, рѣшая вопросъ: „насколько... всѣ эти матеріалы могутъ считаться обязательными или, какъ принято нынче выражаться, авторитетными въ вопросѣ о русскихъ древностяхъ кievскаго періода“, говоритъ: „...указанія стильнаго характера въ миниатюрахъ Трирской Псалтири слишкомъ неопредѣленны и требуютъ совершенно особаго детальнаго сличенія съ современными памятниками, которое, однако, тоже можетъ оказаться безрезультатнымъ“.

*Н. Виноградовъ.*

Памяти профессора Ивана Николаевича Смирнова. Подъ редакціей проф. А. С. Архангельскаго. Казань. 1904. 44 + II стр.

Небольшая брошюра посвящена памяти ординарнаго профессора Казанскаго Университета по кафедрѣ всеобщей исторіи Ивана Николаевича Смирнова.

Въ рѣчахъ, посвященныхъ памяти почившаго, обрисовывается обликъ не только выдающагося ученаго, но и глубоко симпатичнаго, идеально честнаго и скромнаго человѣка.

Иванъ Николаевичъ создалъ себѣ прочное имя въ русской и заграничной наукѣ. Историкъ-соціологъ, историкъ-этнографъ, шедшій по стопамъ Спенсера, — онъ не былъ чуждъ и новѣйшей системы философіи исторіи, системы, построенной Марксомъ и Энгельсомъ. И всѣ эти системы и направленія не были лишь механически связаны въ умѣ покойнаго ученаго, — они были составными элементами самостоятельнаго цѣльнаго міросозерцанія. Его труды по исторіи и этнографіи славянъ и инородцевъ финскаго племени, необширные по объему, но глубокіе и съ широкимъ размахомъ мысли, говорятъ о большомъ умѣ и выдающейся эрудиціи. Всѣ крупныя работы отпечатаны на западѣ и переведены на иностранные языки.

Брошюру составляютъ: рѣчи проф. Архангельскаго, Александрова, Андерсона, прив.-доц. Хвостова и Люперсольскаго, освѣщающія личность и дѣятельность покойнаго; некрологъ, составленный проф. Д. Корсаковымъ; замѣтки о трудахъ И. Н. Смирнова по славистикѣ (Н. Петровскаго) и по этнографіи инородцевъ Восточной Россіи (Н. Катанова); „Памяти И. Н. Смирнова“ (статьи проф. Ойрсона, Будде и Хвостова); библиографическій указатель трудовъ покойнаго и др.

Н. В—въ.

Виноградовъ, Н. И. П. Сахаровъ и его „Русскія народныя загадки и притчи“. (Отд. отт. изъ Ж. М. Н. Пр. 1905 г. № 6.).

Этнографическіе матеріалы И. П. Сахарова уже давно потеряли въ научной литературѣ почти всякій кредитъ, такъ какъ ихъ обработка лишена не только всякаго научнаго метода, но даже элементарной добросовѣстности: изъ мотивовъ-ли ріае fraudis, или изъ какихъ-то спекулятивныхъ цѣлей И. П. Сахаровъ не останавливался въ своихъ изданіяхъ до сознательныхъ поддѣлокъ и даже сочиненія мнимыхъ произведеній народной словесности. Нѣкоторымъ счастливымъ исключеніемъ въ ряду другихъ этнографическихъ матеріаловъ Сахарова считались лишь немногіе отдѣлы I т. „Сказаній русскаго народа“, въ томъ числѣ „Загадки и притчи“. Въ настоящей статьѣ г. Н. И. Виноградовъ уничтожаетъ и эту иллюзію. На основаніи тщательнаго анализа собраннаго И. П. Сахаровымъ матеріала, авторъ показалъ, что этотъ этнографъ не только произвольно мѣнялъ размѣры и риемы русскихъ народныхъ загадокъ, поддѣлываясь подъ народный говоръ, но и видоизмѣнялъ самый текстъ ихъ иногда до полной почти неузнаваемости.

Г. И.

Марковъ, А. В. Что такое Овсень? („Этнографическое Обзорѣ-  
ніе, 1904, IV.).

Въ четвертой книжкѣ московскаго журнала „Этнографическое  
Обзорѣніе“ (стр. 50—65) помѣщена статья А. В. Маркова, посвя-  
щенная загадочному „Овсеню“ (онъ же: усень, баусень, таусень и  
т. п.) русскихъ народныхъ пѣсень.

Авторъ излагаетъ взгляды на „овсена“ Веселовскаго, Потемни,  
Владимірова и Аничкова, привлекаетъ новыя данныя и приходитъ  
къ выводу: „слово „усинь“—славянское, и перешло вмѣстѣ съ обря-  
домъ къ латышамъ, не имѣя опредѣленнаго мифологическаго смысла“. Слово „усинь“ г. Марковъ роднитъ съ прилагательнымъ синій и  
переводитъ его „синеватый“ (Стр. 59).

Какъ сожалѣнію, въ статьѣ мы не находимъ указаній на то, съ  
какимъ удареніемъ произносится слово *овсень*. (Отмѣчено только  
уменьшит. Таусенько). Насколько намъ извѣстно, удареніе большею  
частію звучитъ на конечномъ слогѣ: усень. За древность такого  
ударенія говоритъ и неустойчивость начальнаго слога: у-, ав-, ов-  
сень. А если такъ, то усинь и усень—разныя слова, и связь послѣд-  
няго изъ нихъ со словомъ синій сомнительна.

Неустойчивость внѣшней формы интересующаго насъ слова,  
вмѣстѣ съ сравнительно очень ограниченнымъ распространеніемъ  
его, могутъ говорить въ пользу того, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ  
заимствованнымъ словомъ. Источникъ заимствованія нужно искать  
или въ латышскомъ *usinš* „богъ пчелъ“ или же въ языкахъ восточ-  
ныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ можно указать на турецкое названіе  
рѣки Уфимской губерніи *Усѣнь*, а также на башкирскія слова: *ус*  
„рости“, *ус* „обрѣзать“.

Д. Зеленинъ.

Карскій, Е. Θ. Малорусскій Луцидарій по рукописи XVII в.  
Текстъ, составъ памятника и языкъ. Варшава, 1903, 8°, 57 стр.

Изданный и подробно описанный проф. Е. Θ. Карскимъ новый  
списокъ Луцидарія (по рукописи покойнаго проф. Варшавскаго  
университета А. И. Смирнова) представляетъ unicum въ ряду другихъ  
его русскихъ списковъ, такъ какъ восходитъ не къ нѣмецкому, а  
къ чешскому оригиналу. Впрочемъ, по изслѣдованію проф. Карскаго  
оказывается, что текстъ XVII в. представляетъ не непосредственный  
переводъ съ чешскаго оригинала, а лишь малорусскую копію не-  
дошедшаго до насъ Луцидарія, переведеннаго съ чешскаго какимъ-  
то бѣлоруссомъ. Хотя чешское происхожденіе перевода доказывается  
не только дословною близостью текстовъ малорусскаго и чешскаго  
Луцидаріевъ,—послѣдній изданъ недавно въ Прагѣ г. Зибртомъ <sup>1)</sup>,—  
но и множествомъ чехизмовъ въ нашей рукописи, однако все же въ  
ней встрѣчаются и отступленія отъ чешскаго оригинала, которые  
заставляютъ даже полагать, что оригиналомъ малорусскаго (точнѣе:  
бѣлорусскаго) перевода послужилъ чешскій текстъ, не совсѣмъ со-  
впадавшій съ Фюрстенбергскимъ сп.

Г. Ильинскій.

<sup>1)</sup> Staročeský Lucidář. Text rukopisu Fürstenberského a prvotisku z roku  
1498. v Praze. 1903.

**Карскій, Е. Θ.** Отчетъ о поѣздѣ въ Бѣлоруссію въ 1903. Спб. 1905, 1—32 стр. (Отд. отд. изъ „Изв. Импер. Русск. Археол. Общ.“, т. ХLI, вып. 4).

Въ 1903 г. проф. Е. Θ. Карскій, по порученію тогдашняго виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора, кн. Святопольск-Мирскаго, совершилъ этнографическую экскурсію въ сѣверо-западный край. Главною цѣлью этой поѣздки было опредѣленіе границъ этнографическаго распространенія бѣлоруссовъ не только относительно великороссовъ и малороссовъ, но и въ отношеніи литовцевъ и латышей. Главные результаты своихъ наблюденій авторъ уже успѣлъ изложить въ своемъ извѣстномъ капитальномъ трудѣ „Бѣлоруссы. Томъ I. Введеніе въ изученіе языка и пародной словесности, Варшава 1903“, и настоящая брошюра является только дополненіемъ къ нему, — и дополненіемъ, весьма нелишнимъ, такъ какъ она основывается на новомъ матеріалѣ.

*Г. Ильминскій.*

**Карскій, Е. Θ.** Къ вопросу о разграниченіи русскихъ нарѣчій (Изъ „Трудовъ Археологич. Съѣзда въ Харьковѣ“), стр. 1—7.

Статья представляетъ попытку географическаго разграниченія бѣлорусскаго нар. отъ великорусскаго и малорусскаго.

*Г. Ильминскій.*

**Чичерина, С. У** приволжскихъ инородцевъ. Путевыя замѣтки. Спб. 1905. 427+210 стр.

Книга г-жи С. Чичериной даетъ въ сущности гораздо болѣе, чѣмъ можно судить по ея заглавію. Это не просто бѣглыя путевыя замѣтки, — результатъ поѣздки отъ скуки, отъ нечего дѣлать, безъ опредѣленныхъ цѣлей, безъ яснаго плана. Здѣсь поѣздка является заключительнымъ актомъ внимательнаго и подробнаго изученія соответствующаго вопроса. Эта книга является блестящей и вполне доказательной апологіей системы Н. И. Ильминскаго, — системы обученія инородцевъ при помощи ихъ родного языка и учителей соответствующей національности.

Такимъ образомъ работа г-жи С. Чичериной, собственно говоря, не имѣетъ специально этнографическаго характера. Но, не смотря на это, въ ней содержится очень много цѣнныхъ свѣдѣній, любопытныхъ для этнографовъ и, кромѣ того, дается общаа характеристика и рисуется культурный обликъ цѣлыхъ народностей. Для этнографовъ большой интересъ представляютъ главы: 2) Крещено-татарскій міръ. 3) Отступники. 4) Вотскій міръ и 5) Чувашскій міръ. Въ каждой изъ этихъ главъ имѣются данныя относительно матеріальной культуры, быта, правовъ, обычаевъ, религиозныхъ вѣрованій и обрядовъ соответствующей національности.

Слѣдуетъ отмѣтить также живое литературное изложеніе автора, благодаря чему книга читается съ неослабвающимъ интересомъ отъ начала до конца.

Въ книгѣ шестнадцать рисунковъ, значительная часть которыхъ представляется интересными и для этнографа.

*Н. Виноградовъ.*

**Кузнецовъ, С. К.** Общинные порядки у вотяковъ Мамадышскаго уѣзда Казанской губерніи. („Этнографическое Обзорѣніе“, 1904, IV, стр. 24—49).

Въ началѣ своей интересной статьи г. Кузнецовъ, извѣстный знатокъ нашихъ восточныхъ финновъ, посвящаетъ нѣсколько строкъ исторіи изученія инородческой общины въ Россіи. Первый обратилъ вниманіе на эту общину нѣмецъ Гакстаузенъ.

Въ общинныхъ порядкахъ вотяковъ особенно замѣчательно ихъ оригинальное землемѣрное искусство. „Даже у русскихъ не встрѣчалъ я — пишетъ С. К. Кузнецовъ — стремленія къ такой точности, а математикъ навѣрное причислилъ бы такой способъ къ самымъ архаическимъ агримензорнымъ приемамъ, которые когда-либо существовали“. (Стр. 36). Этому землемѣрному искусству вотяковъ и посвящена большая часть статьи г. Кузнецова.

Кромѣ того, въ статьѣ находимъ интересныя свѣдѣнія о ходѣ русскихъ поселеній на потяцкихъ земляхъ, объ общинномъ пользованіи водой и мельницами.

Къ сожалѣнію, автору, видимо, осталась неизвѣстною весьма обстоятельная статья *Г. Верещанина*, посвященная тому же самому предмету. Статья эта, подъ заглавіемъ: „Общинное землевладѣніе у вотяковъ Сарапульскаго уѣзда“, напечатана въ „Памятной книжкѣ Вятской губ.“ на 1896 г. (Изданіе Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета). Общинное землевладѣніе описано здѣсь весьма сходными, если только не тождественными чертами. И это сходство обычаевъ у камскихъ и вятскихъ вотяковъ могло бы дать основаніе къ нѣкоторымъ общимъ заключеніямъ.

Д. З.

**Бушъ, Н. А.** По горамъ и ущельямъ Хевсуріи и Тушетіи. Спб. 1905.

Посвященная въ большей своей части ботаническимъ изысканіямъ и напечатанная въ „Трудахъ Императорскаго Ботаническаго Сада“, названная статья Н. А. Буша легко можетъ пройти мимо вниманія этнографовъ. Между тѣмъ, цѣлая глава (VII-ая; стр. 57—70) этой статьи посвящена „описанію нравовъ и быта“ кавказскихъ племенъ — хевсуровъ и тушиновъ.

Хевсурамъ, этому крайне интересному для этнографа племени, посвящена, какъ извѣстно, книга *Г. И. Радде* „Хевсурія и хевсуры“ (Записки Кавк. Отд. И. Р. Г. О. XI, вып. 2<sup>1</sup>).

Но сообщенія г. Буша во многихъ случаяхъ дополняютъ описаніе Радде, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вносятъ поправки. Напримѣръ, увѣреніе Радде, что „хевсуръ питается отвращеніемъ ко всякой домашней птицѣ“, оказывается невѣрнымъ. Хевсуры не держатъ обычно домашней птицы только вслѣдствіе скученности своихъ построекъ и вѣсть — своей бѣдности. У болѣе зажиточныхъ хевсуровъ имѣются и куры и утки.

Въ другихъ случаяхъ обычаи успѣли уже измѣниться со времени посѣщенія Хевсуріи Радде (въ 1876 г.). Такъ, прежде двѣушект.

<sup>1</sup> См. также книгу графини *Уваровой* „Кавказъ. Рача, Горійскій уѣздъ, горы Осетіи, Пшавія, Хевсуретія и Сванетія. Путевыя замѣтки“. М. 1904.



выдавали замужъ только съ 20 лѣтъ, теперь же нерѣдко выходятъ замужъ и 16-лѣтнія.

О Тушинахъ и Пшавахъ авторъ сообщаетъ весьма немного данныхъ (стр. 68—70), но и онѣ не безинтересны для этнографа.

Д. Зеленинъ.

**Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.** Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа. Выпускъ XXXV. Тифлисъ, 1905. III + 269 + IX + 136 + 248 стр.

Первый отдѣлъ XXXV выпуска „Сборника“ открывается цѣлымъ рядомъ статей *Е. С. Такайшвили*, посвященныхъ археологіи края. Наиболѣе важное значеніе имѣетъ первая—„Зарзасмскій монастырь, его реставрація и фрески“. Здѣсь авторъ даетъ весьма обстоятельное описаніе этого замѣчательнаго памятника церковной грузинской архитектуры, со снимками надписей и нѣкоторыхъ фресковыхъ изображеній, приводитъ подробное описаніе стѣнной росписи, остатковъ церковной утвари, вообще даетъ массу самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній. Такого же характера и слѣдующія статьи: „Сафарскій монастырь, его надписи и остатки стѣнной росписи“ и „Монастырь Дчулеби и остатки его стѣнной росписи“. Наконецъ рядъ мелкихъ замѣтокъ того же автора дополняетъ свѣдѣнія объ архитектурныхъ и эпиграфическихъ памятникахъ Коблѣанскаго края.

Статья *М. Г. Джанашивили* „Картлисъ-Цховреба—Жизнь Грузіи“ посвящена изслѣдованію замѣчательнаго труда Вахтанга VI. Сначала авторъ сообщаетъ общія свѣдѣнія, затѣмъ разсматриваетъ источники обѣихъ его частей. Къ источникамъ отнесены также легенды и преданія, вошедшія въ Картлисъ-Цховреба; разсмотрѣнъ также и вопросъ объ языкѣ Картлисъ-Цховреба.

*К. Ѡ. Ганъ* въ своей статьѣ „Поѣздка къ верховьямъ Большой Лѣхвы и Ксанки (лѣтомъ 1903 г.)“ даетъ рядъ свѣдѣній о малоизслѣдованномъ уголкѣ Кавказа, причемъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается надъ родствомъ осетинъ съ индоевропейцами, въ частности съ германцами. Близость осетинскаго языка съ нѣмецкимъ авторъ подтверждаетъ нѣкоторыми новыми данными. Въ первомъ же отдѣлѣ помѣщена статья *В. И. Дзвизикаш* „Древности Посхопскаго участка“ съ замѣткой *Е. С. Такайшвили*, выясняющей археологическое значеніе этой статьи.

Наиболѣе цѣннымъ и интереснымъ для этнографа является второй отдѣлъ „Сборника“, содержащій матеріалы по народной словесности различныхъ племенъ Кавказа. Первое мѣсто по справедливости занимаютъ четыре сказки, записанныя *В. Васильковымъ* въ Темиргоевскомъ аулѣ. Въ этихъ сказкахъ, крайне любопытныхъ съ этнографической точки зрѣнія, ярко отразились давно минувшія бытовья особенности края, въ которомъ онѣ записаны: пастушескій бытъ, коневодство, какъ главное занятіе жителей, аталычество, джигитовка, охота, набѣги для угона скота, рабство и работорговля, кровавая родовая месть, увозъ или взятіе силою невѣсты, гостепріимство, вѣрность данному слову, паломничество въ Мекку и др. Каждая сказка оригинальна въ своей главной фабулѣ и бытовой обстановкѣ, хотя, конечно, сюда приводятся и нѣкоторые частные мотивы лавпо-

и хорошо всѣмъ извѣстныя. Сказки носятъ заглавія: „о Темирбекѣ“, „о Кочербекѣ“, „объ Анзаурѣ“ и „о черепѣ“.

Совсѣмъ иной интересъ представляютъ „Татарскія дѣтскія сказки“, записанныя *С. Абдурахманомъ* въ г. Нухѣ. Всѣхъ ихъ семь: „Царевичъ“, „Благородный и низкій“, „Приключенія мальчика“, „Лиса и Армуданбекъ“, „Сонъ“, „Неспособный сынъ“ и „Кого Богъ держитъ, тотъ не погибнетъ“. Оригинальностью и новизною содержанія эти сказки не отличаются <sup>1)</sup> и представляютъ собою лишь варианты уже извѣстныхъ сказокъ, обнародованныхъ въ томъ же сборникѣ, хотя съ нѣкоторыми новыми подробностями и съ инымъ сочетаніемъ частныхъ мотивовъ. Главный интересъ этихъ сказокъ въ томъ, что онѣ дѣтскія, и по нимъ можно судить о томъ, что считается пригоднымъ и полезнымъ для воспитанія дѣтей та среда, которая породила эти сказки.

Далѣе слѣдуетъ грузинская легенда „Значеніе хлѣба-соли и безсердечіе архангеловъ Михаила и Гавріила“ и двѣ грузинскія сказки: „Горе царя Джумджума“ и „Солочъ“ <sup>2)</sup>. Легенда является вариантомъ (съ нѣскольکو иной окраской мотива) къ армянской легендѣ („Сборн. матеріаловъ“, XXVIII, отд. II, 18) на тему, разработанную гр. Л. Толстымъ въ „Чѣмъ люди живы“. Первая изъ сказокъ есть вариантъ къ напечатанному уже ранѣе въ „Сборникѣ“ сказкамъ; напр. „О Хагорѣ“ (в. XII, 78), „Гюль и Синейвизъ“ (в. IX, 101); въ общемъ сказка эта захватываетъ многіе сказочные мотивы. Такимъ же сборнымъ характеромъ отличается и заключительная сказка „Солочъ“.

Къ II отдѣлу приложены: „Предисловіе“ А. Богоявленскаго и Указатели предметовъ (мотивовъ) и собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ памятникахъ народнаго творчества, напечатанныхъ во второмъ отдѣлѣ.

Третій отдѣлъ занятъ трудомъ *А. М. Дирра* „Грамматическій очеркъ табассаранскаго языка“. Табассаранцы — маленькое племя, числомъ до 27.000 душъ, живущее въ восточномъ Дагестанѣ, въ бассейнѣ Рубасъ-чая. Въ этнологическомъ и лингвистическомъ отношеніи они принадлежатъ къ числу племенъ кюринской группы. Грамматика языка, несомнѣнно, дагестанская, но лексикологическій матеріалъ значительно обдѣнѣлъ; говоромъ этотъ языкъ не имѣетъ. Въ видѣ приложений помѣщены табассаранскіе тексты (сказокъ и стиха) съ переводомъ на русскій языкъ и табассаранско-русскій и русско-табассаранскій словари.

*Н. Виноградовъ.*

<sup>1)</sup> Напр., „Приключенія мальчика“, срви.: Сборн. в. VII, 141; в. XXVI, 44; Аванасевъ №№ 119 и 165.

<sup>2)</sup> Легенда и первая сказка записаны *И. Степановымъ*, а „Солочъ“ *М. Гамискии*.

**Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго  
Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.**

Томъ VII. Вып. I. Спб. 1905. 99 стр.

Въ лежащемъ предъ нами 1-омъ выпускѣ „Трудовъ Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О.“ за 1904 г., вышедшемъ въ свѣтъ въ Петербургѣ лишь въ концѣ минувшаго 1905 г., обращаетъ на себя вниманіе статья г-жи *А. Д. Корнаковой*: „Похороны Ханцзинъ-ламы-гелюна“ (стр. 6—31)—единственная, имѣющая этнографическій интересъ. Статья заключаетъ въ себѣ четыре главы, въ которыхъ авторъ, съ чисто женскою наблюдательностью и аккуратностью, сообщаетъ мельчайшія подробности торжественныхъ похоронъ монгольскаго жреца—„гелюна“, описываетъ молебствія на другой и десятый день послѣ похоронъ и даетъ интересное описаніе обширной коллекціи разныхъ предметовъ, относящихся къ похоронамъ. Статья снабжена рисунками, поясняющими текстъ, и, кромѣ того, въ особомъ приложеніи, при каждой изъ трехъ группъ, на которыя распредѣлены предметы коллекціи, нарисованы планы. Отсылая интересующихся вопросомъ читателей къ самой статьѣ, здѣсь отмѣтимъ только, что слово „гелюнтъ“ въ значеніи „калмыцкій и монгольскій жрецъ“ встречается не только въ „Толковомъ Словарѣ“ *Далъ*, но и въ академическомъ „Словарѣ русскаго языка“ (т. I, 1249), но это еще не значитъ, чтобы оно приобрѣло, какъ думаетъ авторъ, право гражданства въ русскомъ языкѣ: этому противорѣчитъ хотя бы тройное начертаніе слова—*гелюнтъ, гелюнтъ и гелюнтъ*, указывающее на то, что терминъ этотъ употребляется каждымъ пишущимъ такъ, какъ онъ имъ слышится, и г-жа Корнакова могла бы съ полнымъ правомъ употреблять въ своей статьѣ слышанное ею произношеніе *гилунъ*.

Въ этомъ же выпускѣ „Трудовъ“ помѣщена небольшая (73—77 стр.) замѣтка *М. И. Моллесонъ*: „Къ пятидесятилѣтію смерти о. Іакинфа Бичурина“, въ которой сообщаются любопытныя біографическія данныя о знаменитомъ изслѣдователѣ Востока и синологѣ, перечень его многолѣтнихъ трудовъ и переводовъ и указатель важнѣйшихъ работъ, касающихся жизни и трудовъ о. Іакинфа. Почти всѣ его работы были удостоены Императорскою Академіею Наукъ Демидовскою преміею, но еще болѣе достойно заслуги о. Іакинфа въ научномъ мірѣ были опѣнены—говоритъ г. Моллесонъ—иностранными учеными, изъ которыхъ со многими онъ находился въ перепискѣ, а съ нѣкоторыми (напр., съ Клапротомъ) вступалъ даже въ научные споры.

Такія сочиненія о. Бичурина, какъ „Записки о Монголіи“ (1828 г.), „Описаніе Чжунъгаріи и Восточнаго Туркистана“ (1828 г.), „Описаніе Пекина“ (1828 г.), „Китай, его жители, нравы, просвѣщеніе“ (1840 г.), „Китай въ гражданскомъ и нравственномъ отношеніи“ (1848 г.), „Полная система китайскихъ законодательствъ“, „Описаніе религиозныхъ ученій въ Китаѣ“, „Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнѣйшія времена“ (1851 г.) и другія не потеряли и до сихъ поръ своего значенія для изслѣдователей, посвятившихъ себя изученію Востока. Между прочимъ, интересно отмѣтить, что книга „Китай въ гражданскомъ

и нравственномъ отношеніи“, въ свое время, обратила на себя вниманіе нашего знаменитаго критика В. Г. Бѣлинскаго, помѣстившаго въ „Современникѣ“ 1848 г. (т. VII) критическій разборъ этого сочиненія.

Объ остальныхъ статьяхъ, какъ не представляющихъ спеціально-этнографическаго интереса, мы здѣсь не упоминаемъ.

*Эд. Пекарскій.*

**Науковий Збірник, присвячений професорови Михайлови Грушевському учениками й прихильниками з нагоди його десятилітньої наукової праці в Галичині (1894—1904). Виданне Комітету. У Львові. 1906.**

Еще въ 1904 г. среди бывшихъ учениковъ почтеннаго профессора М. Грушевскаго зародилась мысль издать научный сборникъ, посвященный его десятилѣтней плодотворной научной работѣ въ австрійской украинѣ. Образовался комитетъ, въ составъ котораго вошли: В. Гнатюкъ, Д. Коренець, И. Кревецкій, д-ръ С. Томашевскій и д-ръ Ив. Франко. Въ результатъ дѣятельности комитета и другихъ видныхъ украинскихъ ученыхъ получился огромный, превосходно изданный сборникъ въ 560 стр., украшенный портретомъ проф. Грушевскаго. Сборникъ начинается перечнемъ трудовъ проф. Грушевскаго, обстоятельно составленнымъ И. Левицкимъ. Затѣмъ идутъ статьи слѣдующихъ авторовъ: В. Лесевича, И. Франко, проф. А. Крымскаго, Ю. Жатковича, д-ра М. Кордуба, Ив. Крипаневича, В. Доманицкаго, О. Чайковскаго, Д. Коренца, В. Герасимчука, д-ра С. Томашевскаго, Ф. Голіичука, И. Джиджоры, В. Гнатюка, М. Зубрицкаго, М. Тершаковца, И. Кревецкаго, М. Лозинскаго, С. Ефремова, Б. Гринченка, М. Мочульскаго, З. Кузели, В. Гнатюка и д-ра Хв. Вовка. Мы не имѣемъ возможности привести здѣсь названій многочисленныхъ статей, названныхъ авторовъ и отсылаемъ читателя къ подлиннику.

Изъ спеціально-этнографическихъ работъ отмѣтимъ статьи В. Гнатюка: „Народня пожива на Бойківщині“ и Хв. Вовка: „Кавказъ и Карпаты. Деякі проби етнологічнихъ зближень“. Въ послѣдней статьѣ авторъ, изучавшій на мѣстѣ кавказскія племена, а также карпатскихъ гуцуловъ и бойковъ, находитъ чрезвычайно любопытныя аналогіи въ бытѣ и одеждѣ названныхъ племенъ. Авторъ остерегается произвольныхъ сближеній, онъ хорошо сознаетъ, что „на Суматрі размальовують тканину точнісенько такимъ же робом, як писанки на Україні“, онъ далекъ отъ „mirages orientaux“, и тѣмъ не менше факты, представляемые авторомъ говорятъ сами за себя. Московскій приватъ-доцентъ А. А. Ивановскій въ своей работѣ, изданной въ 1904 г. „Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи“ находитъ, что украинцы имѣютъ наибольшее сходство съ осетинами. Наблюденія автора статьи „Кавказъ и Карпаты“ не противорѣчаютъ заключенію г. Иванова. Заимѣтимъ отъ себя, что намеки подобныхъ сближеній можно найти въ трудахъ извѣстнаго украинскаго этнографа М. Максимовича: „Отвага въ набѣгахъ, буйная забывчивость въ весельѣ и безпечная лѣнь въ мирѣ: это черты дикихъ Азіатцевъ—жителей Кавказа, которыхъ невольно вспомните и те-

перъ, глядя на малороссіянина въ его костюмѣ, съ его привычками“.  
(„Малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичемъ“ М. 1827).

*Ив. Абрамовъ.*

Ровинскій, П. А. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ.  
Спб. 1905. 8°, XIV + 693. (Сборникъ отдѣленія русск. яз. и слов.  
И. А. Н. Т. LXXX, № 2).

Этотъ томъ представляетъ вторую часть второго тома капитальнаго труда П. А. Ровинскаго о Черногоріи и посвященъ „Пѣснямъ“ (глава XIX) и „языку“ (глава XX). Первымъ предпослано довольно обширное введение, въ которомъ авторъ характеризуетъ сербскую пѣсню вообще, знакомитъ съ способомъ ея пѣнія и стихотворной формой, отмѣчаетъ турецкое вліяніе въ пѣсняхъ черногорцевъ-магометанъ и затѣмъ характеризуетъ особо черногорскія лирическія пѣсни и эпическія. Попутно авторъ дѣлаетъ не мало существенныхъ поправокъ къ послѣднему по времени систематическому изслѣдованію сербскаго героическаго эпоса Асмуса Серензена „Beitrag zur Geschichte der Entwicklung der serbischen Heldendichtung“ (Arch. für slav. Phil. В. XVI, XVII, XIX, XX). Весьма обстоятельно описанъ авторомъ и языкъ черногорцевъ, котораго фонетическія и морфологическія особенности до сихъ поръ были еще такъ мало извѣстны. Особенно цѣнна лексическая часть этого описанія, которая, кромѣ цѣлаго словаря, включаетъ въ себѣ интереснѣйшіе систематическіе перечни специальныхъ выраженій относительно „явленій природы“, „ѣды и питья“, „привѣтствій“, „войны“, „животныхъ“ и т. д.

*Г. Ильинскій.*

Беличъ, А. Діалектологическая карта сербскаго языка (Отд. отт. изъ „Сборника по славяновѣдѣнію“. II). Спб. 1905. 59 стр.

Статья подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ служитъ приложеніемъ къ діалектологической картѣ сербскаго языка. Здѣсь авторъ даетъ короткое и сжатое объясненіе всего, что по его мнѣнію заслуживаетъ объясненія, и мотивированное обоснованіе той точки зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на группировку сербскихъ говоровъ и на ихъ внутреннія отношенія вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчается общій ходъ историческаго развитія сербскихъ діалектовъ, „ибо безъ этого трудно понять ихъ настоящее состояніе, какъ оно представлено на картѣ“.

При наличности очень скуднаго матеріала, какой представляетъ во многихъ случаяхъ сербская діалектологія, автору приходилось часто руководствоваться исключительно своими собственными (еще не опубликованными) матеріалами. Конечно, присра внимательной скудости матеріала, невозможно было освѣтить всѣ темные пункты сербской діалектологіи, но даже и въ такихъ случаяхъ видно стараніе поставить вопросъ надлежащимъ образомъ и, по возможности, освѣтить его тѣмъ матеріаломъ, который имѣлся въ наличности.

На карту занесено все то, что г. А. Беличу казалось существеннымъ и важнымъ для установленія границъ сербскихъ говоровъ. Все, что представлено на картѣ, освѣщено въ статьѣ, а все, что упоминается въ статьѣ, главнымъ образомъ, представлено и на картѣ.

Грюнведель, А., проф. Bibliotheca Buddhica. VI. Собрание буддйскихъ текстовъ, издаваемыхъ Императорской Академіей Наукъ. Т. VI. Обзоръ собранія ламайскаго культа кн. Э. Э. Ухтомскаго. Ч. 1-я. Текстъ. Стр. II+138. Ч. 2-я. Рисунки. Стр. 33. Спб. 1905.

Во введеніи къ своему труду авторъ указываетъ, что „хотя уже въ теченіе полустолѣтія буддизмъ изучается учеными и возбуждаетъ интересъ среди любителей“, но до сихъ поръ „изданъ лишь Палійскій канонъ священныя книгъ и рядъ филологическихъ и философскихъ обработокъ отдѣльныхъ его частей“. Что же касается археологической стороны буддизма, въ которой именно и заключается „главное его значеніе для исторіи человѣческой культуры“, то эта сторона въ литературѣ почти совершенно не затронута (стр. 3). „Ни одна религіозная литература—говоритъ авторъ далѣе (стр. 5)—не нуждается для полнаго ея пониманія въ такой мѣрѣ въ археологін, міеологін и въ собраніяхъ предметовъ культа, какъ тибетско-монгольскій буддизмъ, т. е. ламаизмъ“. Настоящій трудъ имѣетъ свою цѣлю сдѣлать „попытку общаго обзорѣнія наиболѣе существеннаго“ въ замѣчательной коллекціи предметовъ ламайскаго культа кн. Э. Э. Ухтомскаго и тѣмъ отчасти пополнить указанный пробѣлъ въ религіозной литературѣ ламаизма.

Первая часть „обзора“, кромѣ коротенькаго предисловія и введенія (стр. 3—16), заключаетъ въ себѣ: алфавитный списокъ изображеній, два списка изображеній по номерамъ собранія (статуэтки, литыя изъ металла и рѣзанныя изъ дерева или другого матеріала, терракоты, т. е. изображенія изъ обожженной глины, писанные образа) и „списокъ алтарныхъ принадлежностей, музыкальныхъ инструментовъ и т. д., книгъ“. Вторая часть занята исключительно рисунками (всего 130 рисунковъ).

Эд. Пекарскій.

Handbuch des Deutschtums im Auslande. Einleitung von Prof. Dr. Fr. Paulsen. Statistische, geschichtliche und wirtschaftliche Uebersicht von F. Henoeh.—Adressbuch der deutschen Auslandsschulen von Prof. W. Dibelius und Prof. Dr. G. Lenz. Herausgegeben vom Allgemeinen Deutschen Schulverein zur Erhaltung des Deutschtums im Auslande. Berlin 1904. 8°, IX+260.

Перевести по-русски заглавіе этой книги правильнѣе всего было бы „Учебникъ зарубежнаго германства“. Какъ ни странно звучитъ оно для нашего уха, оно весьма точно, такъ какъ книга содержитъ въ себѣ краткія, но очень отчетливыя свѣдѣнія о статистическомъ распространеніи, историческихъ судьбахъ и экономическомъ положеніи нѣмцевъ во всѣхъ странахъ міра, кромѣ Германской имперіи. Задачи этой книги (изданной Всенѣмецкимъ Школьнымъ Союзомъ) кратко изложены въ небольшомъ „Введеніи“, подписанномъ громкимъ именемъ профессора философіи въ Берлинскомъ университетѣ Фридриха Паульсена. Авторъ доказываетъ здѣсь, что задачи Всенѣмецкаго Школьнаго Союза нисколько не угрожаютъ политическому и національному существованію другихъ народовъ, такъ какъ онѣ носятъ исключительно оборонительный, а не агрессивный характеръ. Мало того, проф. Паульсенъ увѣренъ даже въ томъ, что сохраненіе

нѣмецкаго элемента въ нѣмецкихъ странахъ и государствахъ соотвѣтствуетъ интересамъ ихъ самихъ, такъ какъ „служить германству значитъ служить человечеству, а *нѣмецкая образованность* есть *человѣческая образованность*“ (S. 1). Насколько шовинистично это положеніе, настолько нелогично умозаключеніе, посредствомъ котораго дошелъ до него берлинскій профессоръ. Прежде всего онъ указываетъ, что германскій народъ уже однимъ срединнымъ положеніемъ своей географической территоріи предназначенъ служить какъ-бы посредникомъ между культурами Запада и Востока. И дѣйствительно, вся исторія нѣмецкаго народа доказываетъ, по его мнѣнію, его необыкновенную воспримчивость ко всему чужому. Такъ, въ эпоху Возрожденія, произведенія италіянскаго духа нигдѣ такъ охотно не потреблялись и такъ органически не срастались съ нѣмецкою сущностью, какъ по Германіи. А съ XVII в. начинается свое побѣдное шествіе въ Германіи французская цивилизація, и „французскій языкъ и литература достигли въ нѣмецкомъ обществѣ почти безусловнаго господства“. Въ концѣ XVIII в. могущественное вліяніе на нѣмецкую духовную жизнь начала оказывать англійская литература и философія, отъ прикосновенія съ которыми родились такіе величайшіе гении нѣмецкаго народа, какъ Лессингъ, Гердеръ, Кантъ, Гёте. Въ настоящее время такое же вліяніе получаетъ скандинавская литература и т. д. Это постоянное чужебствіе не только, однако, не послужило во вредъ германской цивилизаціи, но, наоборотъ, способствовало ея самобытности и разнообразію ея творчества, вслѣдствіе чего германскій народъ сталъ *универсальнымъ* поставщикомъ культуры для всѣхъ почти странъ и народовъ міра, а германская наука получила значеніе образца для всѣхъ культурныхъ народовъ, которые жадно стараются усвоить ея методы и результаты. Въ частности, Германія стала наиболѣе совершенной лабораторіей исторической науки. А такъ какъ послѣдняя есть не что иное, какъ самосознаніе человечества въ его наукообразной формѣ, то отсюда и слѣдуетъ, что нѣмецкая образованность есть образованность человечества, — „*Deutsche Bildung — Menschheitsbildung*“. Этотъ эффектный выводъ, однако, очень поспѣшенъ, такъ какъ проф. Паульсенъ не обратилъ вниманія на два важныхъ обстоятельства: 1) кромѣ нѣмцевъ, исторія знаетъ не мало другихъ народовъ, отличавшихся необыкновенной воспримчивостью къ чужестранному, напр., древнихъ римлянъ или славянъ, и 2) нѣмецкая историческая наука совсѣмъ не составляетъ идеала объективности и безпристрастія и уже во многихъ отдѣлахъ (напр. славянскихъ) значительно уступаетъ туземнымъ литературамъ.

Вслѣдъ за „Введеніемъ“ начинается самый „Учебникъ“. Нѣкоторые его главы (напр. посвященныя австрійскимъ, турецкимъ и русскимъ нѣмцамъ) имѣютъ немаловажный интересъ для славянскаго читателя, не смотря на несомнѣнную тенденціозность иныхъ ихъ данныхъ. Вторую часть книги составляетъ адресная книга всѣхъ зарубежныхъ (съ точки зрѣнія Германіи) нѣмецкихъ школъ, ихъ преподавателей и директоровъ. Обѣимъ частямъ предшествуетъ сводная таблица численнаго распространенія нѣмцевъ по земному шару, которую, какъ послѣднее слово статистики, мы позволяемъ себѣ привести здѣсь цѣликомъ:

*Число нѣмцевъ на землѣ.*

Германская Имперія . . . . .	53.000.000	Испанія . . . . .	3.000
Австрія . . . . .	9.400.000	Португалія . . . . .	1.000
Венгрія . . . . .	2.150.000	Франція . . . . .	100.000
Россія . . . . .	2.000.000	Бельгія . . . . .	100.000
Боснія . . . . .	30.000	Голландія . . . . .	50.000
Румынія . . . . .	50.000	Люксембургъ . . . . .	225.000
Сербія . . . . .	7.000	Великобританія . . . . .	100.000
Болгарія . . . . .	4.000	Данія . . . . .	50.000
Греція . . . . .	1.000	Швеція . . . . .	5.000
Турція . . . . .	15.000	Норвегія . . . . .	2.000
Швейцарія . . . . .	2.320.000		
Италія . . . . .	50.000	Европа . . . . .	69.663.000

Европа круглымъ счетомъ . . . . .	70.000.000
Азія менѣе, чѣмъ . . . . .	100.000
Африка . . . . .	100.000
Сѣв. Америка . . . . .	11.000.000
Ср. Америка } . . . . .	600.000
Южная Америка }	
Австралія и Океанія болѣе, чѣмъ . . . . .	100.000

Итого круглымъ счетомъ . . . . . 82.000.000

*Г. Ильинскій.*

**«Алфавитный и систематическій**

**== УКАЗАТЕЛЬ ЖИВОЙ СТАРИНЫ ==**

за 15 лѣтъ (60 книжекъ) ея существованія»,

составленный Н. Виноградовымъ.

**Указатель будетъ состоятъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:**

I. Алфавитный указатель авторовъ и ихъ статей. II. Алфавитный указатель рецензированныхъ изданій (журналовъ, книгъ и брошюръ). III. Систематическая сводка напечатаннаго матеріала: а) по народностямъ, б) по мѣстностямъ (губерніямъ, областямъ и т. д.) и в) по отдѣламъ. IV. Алфавитный указатель собственныхъ именъ.



# Журналы 1905 г.<sup>1)</sup>

**Вѣстникъ Европы.** 1905. *Э. В. Эрикссонъ*, „Китайцы, какъ самостоятельная раса“. № 1. (Некрологъ *А. Н. Пытина*). № 1. *А. Н. Пытинъ*, „Мои замѣтки“. № 2 и 3. *Евг. Л.* („Изъ украинской старины“ *Проф. Н. О. Сумцова*, Харьковъ. 1905). № 8. (*С. К. Буличъ*, „Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи“, т. I (XVIII—1825 г.) съ приложеніемъ вмѣсто вступленія „Введеніе въ изученіе языка“, *В. Дельбюка*, Спб. 1904). № 1.

**Русская Старина.** 1905. *И. С. Бяляевъ*, „Икотники и кликуши“. № 4.

**Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія.** 1905. *Академикъ А. И. Соболевскій*, „Какъ живетъ языкъ“. № 2. *А. Ефименко*, „Біографія В. Б. Антоновича“. № 2. (Своеобразныя формы погребенія мертвыхъ на Соломоновыхъ островахъ). № 3. *В. Рудаковъ*, „Біографія И. Е. Забѣлина“. № 5. (Земское изслѣдованіе о мѣстныхъ народныхъ праздникахъ). № 5. *А. Е.* „Что замѣняло въ древности личность“. № 7. (Ростъ карликовыхъ народовъ). № 12. *П. Ю. Шмидтъ*, „Островъ Сахалинъ“. № 18. *П. Берлингъ*, „Дѣтубійство у дикихъ и древнихъ народовъ“. № 19. *А. Б.* „Колесо какъ религіонный символъ“. № 32. *Г. III*. (Пигмеи изъ лѣсовъ Конго). № 50.

**Жестовознаніе и Географія.** 1905. (Происхожденіе и возрастъ языка). № 2. *Поль Брокъ*, „Антропология“. Пер. *А. Н. Никитина*. №№ 5 и 6. Некрологъ *Адольфа Бастіанъ*. Пер. *Е. С.* № 5. (Уганда и ее населеніе. Африка). № 7.

**Историческій Вѣстникъ.** 1905. № 1. *М. С—скій*. (*П. Мартыновъ*, Селенія Симбирскаго уѣзда).

*А. X—въ*. (Eine Sommerfahrt in dem hohen Kaukasus. Zwei Vorträge gehalten in der Sektion des D. u. Oe. Alpenvereins, von *H. Wagner*. 1904).

№ 2. *А. Я.* (*Проф. М. Грушевскій*, Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1904).

*А. В. С.* (*А. Е. Алекторовъ*, Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ. Казань. 1900).

*А. Хахановъ*, (Семитическіе народы и языки. *Теодора Нѣльдеке*. Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскимъ инстит. восточн. языковъ. Вып. V. 1903).

*Я. Ав—въ*. (*А. Е. Крымскій*, Филологія и Погодинская гипотеза. Кіевъ. 1904).

№ 4. *А. Я.* (*И. Абрамовъ*, „Царь Максимиліанъ“, святочная кумедія. Спб. 1904).

*II. Д.* (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. управ. Кавказ. учебн. округа. Тифлисъ. 1904).

*А. Хахановъ*, (Кавказъ. Роча, Горійскій уѣздъ, горы Осетіи. Пшаветія, Хевсуретія и Сванетія. Путевыя замѣтки *граф. Уваровой*. Часть III. М. 1904).

*И. Александровъ*, (Архим. *Месропъ теръ-Маюссянъ*, Раскопки развалинъ церкви св. Григорія близъ Эчмиадына. Спб. 1904).

№ 5. *С. Непейма*, Изъ сѣверныхъ преданій.

*А. И. Яцимирскій*, (Орнаменты на памятникахъ древне-русскаго искусства. Изд. Н. П. Сырейщикова и Д. К. Тренева. Вып. I. Москва. 1904).

№ 7. *А. Хах—овъ*. (*Ө. С. Красныиыковъ*, „Кавказъ и его обитатели“. Вып. I. Осетины. М. 1905).

*И. Александровъ*, (Соч. *Чокана Чингисовича Валиханова*, Изд. подъ ред. *Н. И. Веселовскаго*. Спб. 1904).

№ 8. *П. Д.* (*Д. Зеленинъ*, Народныя присловья и анекдоты о русскихъ жителяхъ Вятской губерніи. (Этнограф. и историческо-литературный очеркъ). Вятка. 1904).

*А. Хах—овъ*, (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изъ управ. Кавказ. учеб. округа. Вып. XXXV. Тифлисъ. 1905 г.).

*А. Б.*

<sup>1)</sup> Въ скобки взяты мелкія замѣтки и рецензіи на книги.

## Списокъ книгъ, присланныхъ въ редакцію.

*Абрамовъ, Ив.* По Военно-Грузинской дорогѣ. (Путевой очеркъ). Отд. отт. изъ—„Всходы“. 1906 г., янв.

*Бодуэн-де-Куртене, И.* Kwestya polska w Rosyi w związku z innemi kwestyami krasowemi i „innoptemieniem“. Kraków. 1905. (ze Sw. słow.)

*Ею-же.* Нѣсколько случаевъ психически-морфологическаго уподобленія или удноображенія въ терско-славянскихъ говорахъ сѣверо-восточной Италіи. Спб. 1905. (Изъ „Извѣст. Отд. р. яз. и слов. И. А. Н. 1905 г.“).

*Ею-же.* О транскрипціи польскихъ иѣстныхъ названій. (Имп. Русск. Геогр. О-во. Картограф. Комиссія. 1905 г. Въ проток. подком. № 4) 26 стр. 7.

*Виноградовъ, Н.* О народномъ говорѣ Шунгенской волости, Костромского уѣзда. Спб. 1905.

*Ею-же.* Великорусскій вертепъ. Предисловіе. Текстъ вертепной драмы. Библиографическій указатель литературы по вопросу о „Вертепномъ дѣйствѣ“. Спб. 1905.

*Грунскій, Н. К.* Пражскіе глаголическіе отрывки. Памятники старославянскаго языка. Т. I, вып. 4-й. Изд. Отд. Русск. яз. и слов. И. А. Н. Спб. 1905. 27 стр.+4 табл.

*Зеленикъ, Дмитрій.* Троещепляница. (Этнографическое изслѣдованіе). Вятка. 1906. 54 стр.

*Кондаковъ, Н. П.* Изображенія русской княжеской семьи въ миниатюрахъ XI вѣка. Съ 6 таблицами и 13 рис. въ текстѣ. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1906. 123+11 ненум. стр.

*Корончевскій, Д. А.* Значеніе „географическихъ провинцій“ въ этногеническомъ процессѣ. Диссертация на степень магистра. Спб. 1905. 225 стр.

*Лауровъ, П. А.* (редакц.) Палеографическіе снимки съ юго-славянскихъ рукописей болгарскаго и сербскаго письма. Выпускъ I. XI—XIV в. Изд. Спб. Археологическаго Института. (Спб. 1906 г.) 64 табл.+2+4 стр.

*Отчетъ* Алтайскаго Подотдѣла Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. О-ва. За 1904 годъ. Барнаулъ. 1905. 36+28 ненумерован. стр.

*Отчетъ* о дѣятельности Западно-

Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. За 1903 г. Омскъ. 1905. 26 стр.

*Отчетъ* о дѣятельности историко-филологическаго общества при Имп. Новороссійскомъ Университетѣ, за 1903—1904 г. Одесса. 1905. 9 стр.

*Отчетъ* о дѣятельности Императорской Академіи Наукъ по физикомат. и историко-филологическому отдѣленіямъ, за 1905 г., составленный акад. С. Θ. Ольденбургомъ. Спб. 1905. 168+3 стр.

*Отчетъ* о дѣятельности Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Имп. Акад. Наукъ, за 1905 г., составленный акад. Н. П. Кондаковымъ. Спб. 1905. 72 стр.

*Отчетъ* по Кавказскому музею и Тифлисской публичной библиотекѣ, за 1904 годъ. Тифлисъ. 1905. 59 стр.

*Паткановъ, С.* Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири на основаніи данныхъ переписи населенія 1897 г. и другихъ источниковъ. Ч. I. Тунгусы собственно. В. 2-я. Спб. 1906. стр. 283+IV ненум. (Записки И. Р. Г. О-ва по отд. Этнографіи, т. XXXI, ч. I, в. 2).

*Пермскій.* Научно-Промышленный Музей. Отчетъ Пермскаго Музея за 1904 г., съ біографіею и портретомъ Ф. А. Теплоухова. Пермь. 1905.

*Русскія повѣсти XVII—XVIII вв.* Подъ редакціей и съ предисловіемъ В. В. Сиповскаго—I. Спб. 1905.

*Смирновъ, Н. А.* Раскопки... въ Кливскомъ уѣздѣ. Спб. 1903. (Отт. изъ V тома Русск. Отд. „Записокъ И. Р. Г. О-ва“).

*Стишныъ, А.* Новыя свѣдѣнія о мѣдномъ вѣкѣ въ средней и сѣверной Россіи. (Изъ „Зап. Русск. Отд. И. Р. Арх. О-ва“, т. II). 10 стр.

*Троицскій, В. Ф.* Опытъ систематической программы для собиранія свѣдѣній о дохристианскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. Казань. VII+63 стр.

*Успенскій, А. И.* Древнія иконы изъ разныхъ церквей и частныхъ собораній. М. 1905. 7 стр.+V табл. (Изъ сборн. „Московск. церк. старина“, т. III).

*Чернышевъ, В.* Одно старинное любовное письмо. Спб. 1906. (Оттискъ изъ „Сборника въ честь В. И. Ламанскаго“). 3 стр.

## ОТДѢЛЪ V.

### Смѣсь.

#### Два слова къ вопросу о курскихъ и тульскихъ говорахъ.

Въ послѣдней книжкѣ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ (1905 г. № 3, стр. 38) академикъ А. И. Соболевскій, разсматривая новую книгу проф. М. Г. Халанскаго о „народныхъ говорахъ Курской губ.“ (Спб. 1904), отмѣтилъ въ этой книгѣ „наводящую на размышленіе“ фразу, записанную проф. Халанскимъ отъ кого-то изъ „горюновъ“ Путивльскаго уѣзда: „мы—одиндворцы, дворянскаго рода *сцакуны*“. А. И. Соболевскій высказываетъ предположеніе: „можетъ быть, сцакуны—то же, что цуканѣ?“

Гораздо проще будетъ, на нашъ взглядъ, думать, что *сцакуны*—якающее произношеніе слова *щекунѣ*. Подъ этимъ послѣднимъ прозвищемъ извѣстны одиндворцы (они же „талаганѣ“) Воронежской губ. (Воронежск. Бесѣда, стр. 266; Воронеж. Юбилейн. Сборн. II, 269; срв. „Опытъ русской діалектологіи“ проф. А. И. Соболевскаго, 22, прим. 4).

*Щекунѣ*, женск. *щекунѣха* означаетъ „произносящій *що* вмѣсто „что““ (см. *ibidem*). Такимъ произношеніемъ этого мѣстоименія и дѣйствительно характеризуются одиндворцы—соціальная группа, имѣвшая свой особенный говоръ (и при томъ сыгравшій немалую роль въ исторіи южно-великорусскихъ говоровъ, какъ то мы пытаемся доказать въ особомъ своемъ трудѣ). И въ Рязанской губ. жители „вольныхъ селъ“ (respect. бывшіе одиндворцы), въ виду той-же самой черты своего говора извѣстны у „барскихъ“ (помѣщичьихъ) крестьянъ подъ равнозначущимъ прозвищемъ „щобкалки“ (Р. Ф. Вѣстн. т. XXVII, стр. 171, ст. Будде).

Правда, горюны, судя по записямъ Халанскаго (стр. 114), говорятъ не *що*, а *што*. Мало того, самый звукъ *щ* имъ неизвѣстенъ: онъ замѣненъ двойнымъ *шш* (шпука, шше „еще“). Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ нужно объяснять и то, почему горюны не произнесетъ *щякуны*, а *сцакуны* (какъ-бы цокая), и притомъ съ какимъ-то неяснымъ звукомъ *ц* (въ записи Халанскаго надъ этимъ *ц* стоитъ еще буква *к*).

Но „горюны“, безспорно, не настоящіе одиндворцы. Возможно, конечно, что нѣкоторые изъ нихъ поступали въ число „служилыхъ людей“ Московскаго государства или, скорѣе, бывшіе служилые люди, обѣднѣвъ, селились на монастырскихъ земляхъ. Но это не

было сколько-нибудь общимъ явленіемъ. Исторія знаетъ „горюновъ“ въ качествѣ монастырскихъ крестьянъ. Костюмъ ихъ (равно какъ и говоръ) также не однодворческій.

---

Заговоривъ о книгѣ проф. Халанскаго, попутно укажу, что подѣ „*Волимемъ*“, съ котораго переведены въ началѣ XIX в. помѣщикомъ „цуканы“ дер. Анненковой, Щигровскаго уѣзда (стр. 30), нужно разумѣть рѣку Алымъ или Олымъ, протекающую по Воронежской и Орловской губерніямъ и впадающую въ Сосну. Рѣка эта упоминается, съ тѣмъ-же именемъ, еще въ „Книгѣ Большаго Чертежа“. Произношеніе „Волынъ“ говоритъ въ пользу предположенія Халанскаго, что анненковскіе цуканы „прежде очень слабо акали“ (стр. 32).—Предположеніе А. И. Соболевскаго (стр. 40), что цуканы эти вышли „изъ мѣстности педалекой отъ Москвы (къ югу отъ нея)“, всѣмъ сказаннымъ еще не устраняется, такъ какъ передвиженія помѣщичьихъ крестьянъ происходили иногда очень часто, и „цуканы“ могли жить на Олымѣ очень короткое время.

---

Еще по поводу книги проф. Халанскаго можно было бы замѣтить, что *И. Н. Миклашевскій*, книгу котораго не разъ цитируетъ нашъ авторъ (стр. 37, 41), говоря о первыхъ насельникахъ гор. Карпова, видитъ этотъ городъ не на мѣстѣ нынѣшней Карповки, Бѣлгородскаго у., а на мѣстѣ слободы Пушкарной, Грайворонскаго у. („Къ исторіи хозяйств. быта Москов. государства“, стр. 74). Но въ данномъ случаѣ ошибочнымъ нужно признать едва-ли не мнѣніе г. Миклашевскаго. Проф. *Багалъ* (Очерки изъ исторіи колонизаціи степей окраины Моск. госуд., 198 прим.) видитъ гор. Карповъ также въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ.

---

По вопросу о говорахъ *Тульской губ.* мнѣ хотѣлось-бы сдѣлать нѣсколько подобныхъ-же замѣчаній по поводу статьи проф. *Е. Θ. Будде* „О нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ въ Тульской и Калужской губ.“, напечатанной въ т. III-мъ „Извѣстій Отдѣл. русск. яз. и слов. И. А. Н.“, кн. 3 и 4.

Въ юго-западномъ углу Богородицкаго у. проф. Будде встрѣтилъ акающій говоръ, характеризующійся присутствіемъ элементовъ сѣверо-великорусскихъ, каковы: смычное *и*, твердое *-тѣ* въ 3-мъ лицѣ глаголовъ, звукъ *ѣ*. Мѣстное ажанье „сильнѣе московскаго“, но „не такое выдержанное и полное, какъ въ говорахъ Рязанской губ.“ (стр. 902 и 1328). Говоръ этотъ наблюдается въ пунктахъ: с. Ростово, дер. Богоявленка, с. Новгородское, и нѣк. друг.

О названныхъ селеніяхъ мы имѣемъ свидѣтельства мѣстныхъ авторовъ. И свидѣтельства эти могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на исторію разсматриваемаго говора.

Въ книгѣ „Приходы и церкви Тульской Епархіи. Извлеченіе изъ церковно-приходскихъ лѣтописей“ (Тула. 1895) читаемъ: „крестьяне д. Богоявленки были переселенцами изъ Ярославской губ.

и принадлежали къ вѣдомству монастырскихъ крестьянъ. Это видно изъ того, что крестьяне этой деревни до послѣдняго времени, а нѣкоторые и теперь, *юворятъ съ Ярославскимъ акцентомъ на о и* празднуютъ, какъ храмовой праздникъ, 29 октября, день преп. Авраамія *Ростовскаго* чудотворца" (стр. 126). Относительно села Ростова, въ приходѣ котораго состоитъ и дер. Богоявленка, сообщается: „По устному преданію, село Ростово образовалось будто-бы изъ переселенныхъ сюда крестьянъ изъ Ростовскаго уѣзда, Ярославск. губ., принадлежавшихъ монастырю“. Соглашаясь съ этимъ преданіемъ, мѣстный авторъ, въ подтвержденіе его, указываетъ на сходство имени села съ именемъ гор. Ростова, а также на церковь Преображенія Господня въ Спасскомъ монастырѣ, что на Пескахъ, близъ Ростова: храмъ въ селѣ Ростовѣ также во имя Преображенія. (Стр. 126). Наводящее на размышленія названіе села „Новгородское“ объясняется тѣмъ, что мѣстный храмъ посвященъ памяти свв. Никиты и Иоанна *Новгородскихъ* чудотворцевъ. Народное преданіе—читаемъ въ той-же книгѣ (стр. 124)—объясняетъ, почему храмъ въ селѣ устроенъ во имя Новгородскихъ святыхъ. Говорятъ, что первые жители этого села были переселенцами изъ Новгородской губерніи и будто предки ихъ были крестьянами Новгородскихъ владыкъ“. (Стр. 124).

Что до времени основанія упомянутыхъ селъ, то оно относится ко второй половинѣ XVIII вѣка. Въ с. Ростовѣ храмъ построенъ въ 1784 г., въ с. Новгородскомъ—не позднѣе 1767 г. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшими переселенцами изъ сѣверныхъ губерній. Большая часть ихъ переселилась, вѣроятно, послѣ освобожденія монастырскихъ крестьянъ. „Для рѣшенія вопроса о древнѣйшихъ границахъ сѣверно-великорусскаго племени“ разсматриваемый говоръ врядъ-ли можетъ дать хоть какія-либо данныя.

Окающіе говоры спорадически встрѣчаются и въ Епифанскомъ уѣздѣ, гдѣ появленіе ихъ также объясняется позднѣйшими переселеніями. Относительно села *Березовки* (что на р. Непрядвѣ) „среди народа до сихъ поръ твердо держится преданіе, что одинъ изъ Ляпуновыхъ (мѣстныхъ помѣщиковъ) переселилъ сюда своихъ крестьянъ-крѣпостныхъ изъ Тверской губ. Это подтверждается отчасти тѣмъ, что крестьяне с. Березовки до сихъ поръ удержали окающее нарѣчіе“. (Opus citat. 287) Приходъ села *Черемухова*, „по преданію, составилъ изъ переселенцевъ, вышедшихъ изъ Ярославской губ. Это подтверждается преобладаніемъ окающаго нарѣчія мѣстныхъ жителей предъ акающимъ нарѣчіемъ жителей сосѣднихъ и другихъ приходовъ Тульской епархіи“. (Стр. 311). Храмъ въ этомъ селѣ существуетъ съ 1734 года.

Д. Зеленинъ.

## Существуютъ-ли въ русскомъ языкѣ слова: кагора и кагорщикъ?

Въ лучшемъ изъ существующихъ словарей русскаго языка, въ словарь В. И. Даля, мы находимъ, между прочимъ, слова: 1) *каюра*, ж. или мн. *каюры* „почтовые собаки, олени, либо лошади“. *Вхатъ на каюратъ* „вхатъ на почтовыхъ, на перемѣнныхъ“ и 2) *каюрщикъ*, м. „проводникъ, погонщикъ, почтовый ящикъ, особенно при вѣздѣ на собакахъ“. Цитирую по третьему, критическому, изданію словаря (т. II, столб. 172), гдѣ эти слова остались безъ всякихъ отмѣтокъ со стороны редакціи. Оба слова помѣчены камчатскими.

Нѣсколько ниже (II<sup>3</sup>, столб. 252) въ томъ-же словарѣ видимъ камчатскія-же (и вѣдѣтъ вообще сибирскія) слова: *каюра*, *каюрщикъ*, м. „вошикъ, ящикъ, проводникъ, вучеръ при вѣздѣ на собакахъ“; *каюрить* „править собаками въ упряжи“; *каюрный* „относящійся къ вѣздѣ на собакахъ“; *каюрство*.

Точныя (по губерніямъ) отмѣтки географическаго распространенія областныхъ словъ мы встрѣчаемъ въ словарѣ Даля почти исключительно при словахъ, взятыхъ лексикографомъ изъ письменныхъ или печатныхъ источниковъ. Что касается, въ частности, до словъ камчатскихъ, то, какъ извѣстно изъ біографіи В. И. Даля, послѣдній самъ на Камчаткѣ не былъ и, слѣдовательно, о его личныхъ запискахъ въ данномъ случаѣ думать нельзя.

Камчатское слово *каюра* и всѣ, приведенныя въ словарѣ Даля, производныя отъ него извѣстны намъ и изъ другихъ источниковъ, которыми и могъ воспользоваться нашъ словарникъ, а именно, ихъ мы находимъ въ „Москвитянинѣ“ 1842 г. (ч. II, кн. III, стр. 243) и въ „Опытѣ областного словаря“ (взято изъ „Москвитянина“). Въ недавнее время слова эти (*каюрить*, *каюрщикъ* и *каюра*) отмѣчены г. Богоразомъ на Колымѣ (Сборникъ Отд. русс. яз. и слов. И. А. Наукъ). Ясно, что и никакого сомнѣнія въ существованіи этихъ словъ быть не можетъ.

Иначе совсѣмъ обстоитъ дѣло съ словами: *кагора* и *кагорщикъ*. Этихъ словъ мы рѣшительно нигдѣ, кромѣ словаря Даля, не находимъ. А между тѣмъ полное соотвѣтствіе ихъ значенія и географическаго распространенія къ столь близкимъ по формѣ (на письмѣ) *каюра* и *каюрщикъ* невольно вызываетъ сомнѣніе. Откуда же взяты эти слова лексикографомъ?

Наши разысканія въ этомъ отношеніи привели насъ къ выводу, что источникомъ для Даля въ данномъ случаѣ послужили записки небезызвѣстнаго путешественника начала XIX столѣтія, Вас. Мих. Головнина. Послѣдній былъ на Камчаткѣ въ 1809—1811 годахъ. Въ его запискахъ имѣется и „Собраніе словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ жителями Камчатки“. Мы не знаемъ, когда именно эти записки написаны, но во всякомъ случаѣ не позднѣе 1831 года. (годъ смерти В. М. Головнина). Что Даль пользовался словарикомъ Головнина, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Камчатскія слова: *ко!* „ай!“, *лача* „лодя“, *мандара* „оленья кожа“ и нѣкоторыя другія имѣются только у Головнина и у Даля.

Словарикъ Головнина напечатанъ былъ въ 1861 году, въ книгѣ

„Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго Океана“ (Приложеніе къ „Морскому Сборнику“ 1861 г.), вып. II. Здѣсь мы находимъ интересующія насъ слова въ такомъ видѣ (стр. 125): *каюра*, *каюры* „почтовые подводы на собакахъ или верхомъ на лошадахъ“; *кахатъ на каюрахъ* „ѣхать на почтовыхъ“; *каюричикъ* „проводникъ“. Все это до буквальности сходно съ тѣмъ, что мы читаемъ у Даля подъ словами: *каюра* и *каюричикъ*; ничтожная разниа лишь въ внесенныхъ Далемъ комментаріяхъ къ краткимъ поясненіямъ Головинина. Подобные комментаріи въ словарѣ Даля очень обычны.

В. И. Даль, очевидно, пользовался словарикомъ Головинина въ рукописи, причемъ и прочиталъ, ошибочно, вмѣсто *каюра* и *каюричикъ*—*каюра* и *каюричикъ*, что такъ естественно, особенно при неразборчивости рукописи. Характерно, однако-же, что издатели записокъ Головинина разобрали злополучныя слова правильно. (Быть можетъ, Даль пользовался какой-нибудь копіей?).

Ясно, что словамъ „кагора“ и „кагорщикъ“, какъ явившимся путемъ простаго недоразумѣнія, въ словарѣ русскаго языка мѣста не должно быть.

Предоставляемъ знатокамъ сибирскихъ инородческихъ языковъ указать источникъ заимствованія слова *каюра*. Этимологія слова должна будетъ упрочить наши выводы, добытые инымъ путемъ.

Д. З.

## Бурлаки на Днѣпрѣ.

Тяжелый бурлацкій трудъ все еще имѣетъ примѣненіе и въ наше время.

Правда, въ нашъ вѣкъ пара и электричества этотъ трудъ значительно сократился, но кое гдѣ по прежнему бурлаки тянутъ свою тяжелую лямку и оглашаютъ бурлацкими пѣснями, похожими на стонъ, глухія прибрежныя мѣста.

Минувшимъ лѣтомъ я видѣлъ бурлаковъ на верхнемъ теченіи Днѣпра, совершавшихъ свою путину отъ станціи Гусино (близъ Орши) до Смоленска.

Рядъ барокъ или лайбъ, нагруженныхъ камнемъ, тихонько подвигался противъ теченія; каждую барку тянули четыре бурлака за длинную и крѣпкую бичеву:

Почти пригнувшись головой  
Къ ногамъ, обвитымъ бичевой,  
Обутымъ въ лапти, вдоль рѣки  
Ползли гурьбою бурлаки...

И въ ихъ числѣ была одна женщина, трудившаяся также усердно Бурлаки получаютъ отъ хозяина 16 рублей въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ. Отъ Гусина до Смоленска они совершаютъ свой путь, обыкновенно, въ четыре дня. На одной изъ лайбъ устроена будка и приспособленія для приготовленія пищи. Иногда нѣсколько крестьянъ (бѣлоруссовъ) складываются вмѣстѣ, изготовляютъ на общій счетъ барку и сами вмѣстѣ со всѣми взрослыми членами сво-

ихъ семей перевозятъ на баркѣ въ города дрова, фрукты, овощи и т. д.; еще чаще перевозятъ камень въ Смоленскъ для мостовыхъ и построекъ, камня при этомъ кладутъ „по два куба“ на каждую лайбу, и за каждый доставленный кубъ получаютъ по 30 руб.

Такъ каждое лѣто и таскаютъ бурлаки лайбы по верхнему теченію Днѣпра.

*Ив. Абрамовъ.*

## Почему въ Россіи умираетъ много дѣтей?

(Народная легенда).

Отъ одной старухи въ Тульской губерніи я слышалъ слѣдующую легенду:

... „У нѣкоторой женщины умерло подрядъ трое дѣтей. Схоронила мать третьяго ребенка и пошла обливаясь слезами въ Божью церковь. Покрыла она чистымъ полотенцемъ, разноцвѣтными узорами изукрашеннымъ, образъ Матери Божьей, упала передъ нимъ на колѣни и стала слезно умолять Заступницу, чтобы не отбирала она на будущее время ея малыхъ дѣтей. Вотъ родился четвертый ребенокъ. Радуетса мать, не паглядится на него, не налюбуетса. Исполнился годикъ мальчику; и стало дитя хирѣть, и какъ свѣча таять. И умерло дитя... Тогда возроптала женщина. Снова пришла она въ храмъ; стала передъ образомъ Богоматери и такъ говорила:

— Я твой образъ покрывать приходила! Какъ я умоляла, упрашивала тебя! Ты же, Пречистая, снова отняла моего ребеночка... Даромъ отдала я тебѣ свое полотенце!..

Пришла та женщина домой, дождалась вечера и спать легла. Встаетъ она по-утру,—глядить, лежитъ у нея подъ бокомъ то самое полотенце, которымъ она Матерь Божію покрывала...

Опечалилась тогда женщина и испугалась.

Взяла она то полотенце и явилась къ священнику:

— Отслужите, батюшка, молебенъ Божьей Матери и примите обратно мое полотенце на украшеніе храма...

Помолилась женщина на молебнѣ, пришла домой, дождалась вечера и легла спать.

И видитъ женщина во снѣ чудесное видѣніе: спустилась къ ея изголовью Божья Матерь, окруженная ангелами, архангелами, херувимами и серафимами. Исходили отъ нея лучи, на подобіе солнечныхъ, и золотымъ сіяніемъ наполнили всю комнату.

— Не ропщи и не сѣтуй, бѣдная женщина!—сказала Божья Матерь,—велико твое материнское горе. Вѣдь и я горько рыдала, когда распинали Моего Сына... Только все же никакъ нельзя было оставить въ живыхъ малыхъ твоихъ ребенковъ... А почему ихъ нельзя оставить въ живыхъ—ты увидишь сейчасъ.

И вотъ предстали предъ женщиной всѣ ея дѣти, уже пришедшія въ возрастъ.

— Вотъ,—говоритъ Божья Матерь,—это старшій твой сынъ, онъ разбойникъ и убійца. Вотъ твоя дочь, она блудница, живетъ по большимъ городамъ и торгуетъ своимъ тѣломъ. Вотъ второй



сынъ,—онъ поджигатель. Вотъ послѣдній,—онъ богоотступникъ. Жалѣючи тебя и ближнихъ твоихъ, я забрала ихъ отъ тебя въ молодыхъ лѣтахъ. Такъ и хозяинъ хорошей не всѣхъ домашнихъ животныхъ оставляетъ на племя, а только тѣхъ, которые стоящіе“...

Такъ утѣшаютъ себя бѣдныя матери, теряющія у насъ, какъ извѣстно, 300 дѣтей на тысячу ежегодно.

*Иванъ Абрамовъ.*

## М о л о ч и

историко-литературныя и этнографическія <sup>1)</sup>).

V. Народныя любовныя письма. А. Н. Островскій въ своихъ произведеніяхъ очень часто пользовался народною словесностью, влагая въ уста дѣйствующихъ лицъ соотвѣтствующія ихъ званію и положенію мѣткія словечки, пословицы, поговорки и т. п. Было бы, конечно, очень интересно опредѣлить и выяснить, въ какой мѣрѣ вообще и какимъ матеріаломъ въ данномъ отношеніи пользовался великій драматургъ. Это тѣмъ болѣе любопытно, что онъ, вводя иногда въ свои драмы обширныя, сравнительно, произведенія народнаго творчества, по большей части пользовался лишь незначительными отрывками, часто однимъ—двумя стихами. Но это—работа для одного человѣка непосильная; она можетъ быть произведена только цѣлымъ рядомъ лицъ, въ своихъ трудахъ взаимно дополняющихъ другъ друга.

Въ „Сборникѣ въ честь В. И. Ламанскаго“ (Спб. 1905 г.) г. В. Чернышевъ дѣлаетъ такого рода попытку. Приведа слова свахи Красавиной (изъ комедіи „Свои собаки грызутся, чужая не приставай“) о Бальзаминовѣ: „А онъ еще въ концѣ-то стихъ прибавилъ: „Взвейся, вихорь, вѣтерочекъ, отнеси ты сей листочекъ—въ объятія тому, кто милъ сердцу моему“. А на пакетѣ-то написалъ: „Лети туда, гдѣ примутъ безъ труда“. Стихомъ-то ужъ онъ ее больше и убѣдилъ“ <sup>2)</sup>—онъ даетъ цѣлое письмо „одного изъ Бальзаминовыхъ нашего времени“...

Но въ этомъ письмѣ, во-первыхъ, смѣшаны въ одно цѣлое и текстъ письма, и надпись на „пакетѣ“, а во-вторыхъ, какъ создается и самъ авторъ письма, текстъ далеко не полонъ. „Дорогая N“, пишетъ онъ „можно было бы написать и еще больше, но, вѣдь, все это напрасный трудъ, а поэтому пока ограничимся этимъ“.

Въ моемъ собраніи матеріаловъ по народной словесности и пр. имѣется цѣлый рядъ такого рода любовныхъ писемъ, писанныхъ грамотными и неграмотными (подъ ихъ диктовку) крестьянами, а также мѣщанами и лицами изъ числа, такъ называемой, сельской интеллигенціи. Большая часть подобныхъ писемъ значительно полнѣе приводимаго г. В. Чернышевымъ письма. Поэтому въ дальнѣйшемъ я и приведу два наиболѣе полныхъ и типичныхъ письма:

<sup>1)</sup> См. вып. I. Смѣсь, стр. 3.

<sup>2)</sup> Островскій, А. Н. Собраніе сочиненій, т. III, стр. 17. Спб. 1874

**I Письмо неграмотной дѣвушки-крестьянки къ милому.**

1. Беру я перо въ руки,  
Начинаю писать отъ скуки;  
Перо мое золотое,  
Пишу письмо дорогое:
5. Сахару медовому,  
Яблочку садовому,  
Меду сычѣному,  
Винограду зеленому,  
Свѣту—пересвѣту,
10. Тайному совѣту,—  
Имени тебѣ нѣту;  
Про имя твое  
Знаетъ сердце мое:  
По тебѣ мое сердце вздыхаетъ,
15. Давно къ себѣ дожидаетъ.  
Не сокрушался бы милъ за-  
очно обо мнѣ,  
Побывалъ бы милъ, какъ мож-  
но скорѣе ко мнѣ.  
Какъ корабличекъ на морѣ,—  
Остаюсь такъ я въ горѣ;
20. Какъ корабликъ на пескѣ,—  
Остаюсь по вамъ въ тоскѣ.  
Цѣлую васъ
23. Несчетно разъ.

**Надпись на оберткѣ:**

Лети, мое письмо, взвивайся,  
Никому въ руки не давайся;  
Лети, мое письмо, выше лѣсу,  
выше горъ,—

Прямо къ NN на дворъ.

Идѣть сіе письмо отъ NN къ  
другу сердечному NN прямо въ  
собственныя руки. Никому его

не читать и въ руки не отда-  
вать <sup>1)</sup>).

**II. Письмо грамотной мѣщаники къ милому.**

1. Во первыхъ строкахъ беру я  
перо въ руки  
И пишу я сіе письмо отъ  
скуки;  
Лети, мое письмо, къ тому,  
Кто милъ сердцу моему,—
5. На чуждадную сторону  
Къ расхорошему миленку:  
Какъ во дальней сторонѣ  
Спомни, милый, обо мнѣ;  
Спомни, спомни ты меня,
10. Какъ любила я тебя.  
Какъ розовъ цвѣтъ въ лѣтѣ,  
Такъ ты милъ мнѣ на свѣтѣ.  
Два голубя, одинъ духъ,—  
Два голоса, одинъ слухъ,
15. Подѣлуй, любезный другъ.  
Какъ бы я была богата,—  
Подарила бы златомъ;  
А нонича бѣдна,—
19. Только ленточка одна.

**Надпись на оберткѣ:**

Взвейся, вѣтеръ-вѣтерочекъ,  
Подними ты сей листочекъ.

Лети, письмо, туда,  
Гдѣ примутъ безъ труда;  
Лети, письмо, къ тому,  
Кто милъ сердцу моему,  
Упади на бѣлу грудь  
И скажи: „не позабуду!“  
Если-жъ будешь непріятно,—  
Возвратись ко мнѣ обратно.

Письма мужичинъ короче, болѣе путаны и нескладны и страда-  
ютъ нѣкоторой сочиненностью.

Здѣсь же я долженъ замѣтить, что среди крестьянъ Костром-  
ской и сосѣднихъ губерній имѣется сильное влеченіе къ писанью  
такого рода писемъ. Даже въ письмахъ къ солдатамъ и отъ нихъ  
на родину, на ряду съ формулой „Прошу (или посылаемъ мы  
свое) а вашего родительскаго благословенія, навѣки нерушимаго,

<sup>1)</sup> Ошибки противъ правописанія исправлены и знаки препинанія раз-  
ставлены.

которое по гробъ жисти сосуществовать можетъ“, — жена мужу  
пишетъ:

Свѣтику бѣлому,  
Яблочку свѣлому,

Меду сыченому,  
Колечку позлаченому...

А мужъ, въ свою очередь, отвѣчаетъ:

Солнышку ясному,  
Яблочку красному,

Сахару толченому,  
Винограду зеленому...

А въ концѣ письма обычна приписка: „Цѣлую васъ несчетно  
разъ“.

Даже въ письмахъ учениковъ къ учащимъ встрѣчаются такого  
рода попытки риемованной рѣчи: „Жаворонку полевому—учителю  
дорогому“... или „Еще ласточкѣ полевой, учительницѣ дорогой“...  
и т. под.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Костромской губ. стихи, подобные  
вышеприведеннымъ, настолько извѣстны всѣмъ, что отрывки ихъ  
вставляются въ разговоръ, какъ пословицы, вышиваются на плат-  
кахъ и вытыкаются на поясахъ, предназначенныхъ въ подарокъ  
„шестуну“, „прихехенькѣ“.

Что же касается заключительныхъ словъ замѣтки г. В. Черны-  
шева: „Самое письмо написано изящнымъ, оригинальнымъ размѣ-  
ромъ произведеній старинной народной поэзіи. Стихи въ немъ рие-  
мованы, что рѣдко бываетъ въ народныхъ произведеніяхъ“, — то,  
вполнѣ соглашаясь съ второй половиной этой цитаты, относительно  
первой фразы я долженъ замѣтить, что размѣръ подобныхъ стиховъ  
мнѣ напоминаетъ риемованную прозу лубочныхъ картинъ. И при-  
томъ едва ли это размѣръ произведеній старинной народной поэзіи.

*Н. Виноградовъ.*

### Стихъ о страшномъ судѣ.

Съ западной сторонушки въ подвосточную  
Идутъ грѣшныя христіане на престрашный судъ.  
Встрѣчаетъ ихъ Небесный Царь:

„Подите, питающіе, подите, труждающіе,  
Во мой прекрасный рай и въ царство небесное!  
Отведите проклятыхъ въ огонь и муки вѣчныя,  
И всѣмъ вамъ грѣшнымъ будутъ муки разныя:  
Пьяницамъ и бражникамъ—чады горькіе и смрады великіе;  
Ворамъ и разбойникамъ—огни горячіе и смолы кипячія;  
Старицамъ и блудницамъ—печи мѣдныя и затворы желѣзные;  
Ростовщикамъ и процентщикамъ—мѣсто адово и пропасть глубокая;  
Дѣтей душегубницамъ—змѣи изсыхающія<sup>1)</sup> и кости растирающія;  
Плосунамъ и гудовщикамъ, и веселымъ волынщикамъ—  
Плачь неутѣшимый, огонь неугасимый, зубное скрипѣніе и слезное  
рыданіе.

Записалъ *К. Е. Охотинъ* въ Ничижмѣ, Пудожскаго уѣзда.

<sup>1)</sup> М. 6. „изсыхающія“? *Н. В.*

### Мордовская историческая пѣсня.

Ахъ, гдѣ горящій огонь горитъ?  
Ахъ, гдѣ палящій огонь палитъ?  
Въ дальней степи огонь пылаетъ...  
Зачѣмъ въ дальней степи огонь пылаетъ?  
Должность себѣ Петръ Великій проситъ,  
Престолъ отцовскій онъ себѣ желаетъ...  
„Вотъ, на службѣ отцовской тебѣ не служить,  
„Вотъ, въ чинѣ отцовскомъ тебѣ не быть!“  
— Почему не быть?!

— Я три года оброка не буду брать,  
— Три года солдатъ не буду собирать,  
— Буду на бояръ кошачій моръ я напускать;  
— Я совью три веревки  
— И веревки пошлю,  
— Я пошлю ихъ на три стороны:  
— Какъ одну я пошлю на востокъ,  
— На западъ другую,  
— А третью?  
— А третью—туда, гдѣ самъ служить думаю...

Записана и переведена *К. Афанасьевымъ* въ д. Мурзы, Ардатовскаго у., Симбирской г., въ 1903 г.; доставлена *Н. В—вымъ*.

## Х р о н и к а.

**М. С. Дриновъ** (+28 февр. 1906 г.), по происхожденію болгаринъ, родился въ то время, когда его родинѣ были нужны именно такіе люди. На зарѣ свободы балканскихъ славянъ, когда только что начинала воскресать изъ мертвыхъ угнетенная Болгарія, появляется М. Дриновъ съ яркимъ факеломъ науки, освѣщаетъ и оживотворяетъ прошлое своего народа, чѣмъ полагаетъ краеугольный камень культурнаго развитія своихъ братьевъ.

Прежде всего его взоръ остановился на самомъ отдаленномъ прошломъ Балканскаго полуострова. Первымъ его научнымъ трудомъ былъ „Прегледъ врѣхъ происхожданьето на българскій народъ и началото на българската история“ (Вѣна. 1869). И сейчасъ же послѣ этого онъ занялся разсмотрѣніемъ одного изъ самыхъ главныхъ современныхъ вопросовъ въ Болгаріи—вопросомъ объ исторіи болгарской церкви: „Исторически прѣгледъ на българската църква отъ самото ѝ начало и до днесъ“. (Вѣна. 1869). Оба труда имѣли неоспоримое значеніе для культурнаго развитія болгарскаго народа. Остальные его труды по исторіи и филологіи въ настоящее время отчасти потеряли свое значеніе, но нужно признать серьезность и добросовѣстность его научной работы.

Свою научную подготовку М. С. Дриновъ получилъ въ Кіевѣ и въ Москвѣ, гдѣ въ 1873 г. имъ была защищена магистерская диссертация—„Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами“ („Чт. въ О-вѣ Ист. и Древн. рос.“ 1872, кн. 4, и отд. М. 1873). Послѣ защиты диссертации онъ былъ назначенъ проф. Славяновѣдѣнія въ Харьковскомъ Университетѣ. Капитальнымъ трудомъ въ области славяновѣдѣнія является его докторская диссертация:—„Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ“. („Чт. въ О-вѣ Ист. и Древн. рос.“ 1875, кн. 3; отд.—М. 1876).

Хотя М. С. Дриновъ все время находился внѣ предѣловъ Болгаріи, но онъ никогда не порывалъ связи съ своей родиной и все время принималъ участіе въ жизни своихъ братьевъ. Его благотворная работа была оцѣнена и теперь признана всѣми въ Болгаріи. М. С. Дриновъ былъ основателемъ болгарскаго книжного дружества въ Брайлѣ. Во время русско-турецкой войны, состоя членомъ временнаго правительства, онъ занималъ постъ министра народнаго просвѣщенія. Въ Дриновѣ Болгарія потеряла одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ <sup>1)</sup>).

И. III.

<sup>1)</sup> Подробнѣе о Дриновѣ—Прѣгледъ на 30-годишната научно-книжовна дѣятельность на професора М. С. Дринова отъ В. Н. Златарски. Софія. 1900. (Отг. изъ „Сборн. за юбилея на проф. М. С. Дриновъ“).

† Л. Х. Симонова. Въ Ташкентѣ, 12 марта, скончалась на 68 году жизни писательница Л. Х. Симонова. Она известна въ литературѣ этнографическими произведеніями изъ жизни сибиряковъ и инородцевъ, написанныхъ ею въ видѣ романовъ и очерковъ („Чертовое яблоко“, „Варнакъ“, „Голодъ“, „На Уралѣ“, „Баской“, „Бѣглые“, „На Окрайнѣ“, „Лааче“, „Эзе“, „Ортикъ“ и т. д.), а также и цѣлымъ рядомъ произведеній изъ жизни культурныхъ классовъ, русскаго купечества и крестьянства.

Помѣщала она свои произведенія въ „Еженедѣльномъ Обзорѣніи“, „Живописномъ Обзорѣніи“, „Восточномъ Обзорѣніи“, „Дѣлѣ“, „Русскомъ Богатствѣ“, „Родникѣ“ и „Историческомъ Вѣстникѣ“.

**Дѣятельность И. Р. Г. О-ва по Отдѣленію Этнографіи.** Во второй половинѣ 1905 г. Отдѣленіе Этнографіи имѣло два засѣданія—4 ноября и 23 декабря. Предметомъ перваго засѣданія служили: 1) Текущая дѣла и 2) Сообщение *Н. Н. Виноградова*: „Смерть и погребеніе обитателя Ветлужскихъ лѣсовъ“.

**Программа:** Болѣзнь. Предвѣщанія смерти. Гаданіе на жизнь и на смерть. Смерть. Погребеніе. Суевѣрные обычаи, обряды и примѣты. Причѣты. Смерть колдуна.

На второмъ засѣданіи обсуждались: 1) Текущая дѣла. 2) Избраніе членовъ медальной коммисіи. 3) Избраніе 3-хъ кандидатовъ въ коммисію по обревизованію отчета за 1905-й годъ.

Кромѣ того были заслушаны сообщенія:

1) *Ц. Жамцаранова*: Слѣды шаманства у Агинскихъ бурятъ Забайкальской области. Программа сообщенія: Состояніе религіознаго просвѣщенія въ низшихъ слояхъ бурятско-тунгусскаго народа. Причины, способствующія возрожденію шаманства: недоступность тибетскаго языка, непониманіе основъ буддѣйскаго мировоззрѣнія, экономическія условія, суевѣрія. Борьба ламатовъ противъ кровавыхъ жертвъ и прочихъ проявленій шаманства. Недѣйствительность мѣръ принимаемыхъ противниками шаманства. Необходимость образованія и религіознаго просвѣщенія на народномъ языкѣ. „Путевыя впечатлѣнія“. (Была демонстрирована коллекція предметовъ шаманскаго культа, собранная докладчикомъ въ Забайкальѣ) и 2) Члена-сотруд. *Н. Н. Виноградова*: Поддѣлка этнографической и книжной старины на сѣверѣ Россіи. (Были показаны рисунки и предметы обихода, поддѣланные въ Вологодской губерніи).

Въ первой половинѣ 1906 г. Отдѣленіе Этнографіи имѣло засѣданіе 17 февраля, на которомъ членъ-сотр. *Ө. К. Волковъ* сдѣлалъ сообщеніе: „Карпатскіе русины-Гуцулы“.

**Программа сообщенія:** Изслѣдованія украинскаго населенія Австро-Венгріи вообще. Экспедиціи 1903, 1904 и 1905 годовъ. Украинское населеніе Карпатъ—Гуцулы, Бойки и Лемки. Результаты экспедиціи относящія къ антропологии и этнографіи Гуцуловъ—галицкихъ, буковинскихъ и угорскихъ: а) Физическая характеристика Гуцуловъ: антропологическій типъ, соотношеніе его съ типомъ сосѣднихъ населеній и положеніе среди другихъ славянскихъ народовъ; в) Нѣкоторыя лингвистическія особенности; с) Этнографическія особенности: Характеръ мѣстности. Экономическія условія. Земледѣліе, скотоводство, лѣсные промыслы. Пища, жилища и ихъ особенности, одежда, украшенія. Керамика, рѣзные изъ дерева и металлическія украшенія. Орнаментація вообще. Религіозныя представленія, обряды свадьбы, похороны. (Были показаны діапозитивы).

На засѣданіи 3 марта, тотъ же докладчикъ продолжилъ свой докладъ о Карпато-руссахъ, сдѣлавъ сообщеніе: „Карпатскіе русины-Бойки“.

Программа сообщенія: Общая характеристика и географическое распространение Бойковъ; Бойки въ Галиціи и въ Венгріи. Ихъ физическія особенности и антропологическій типъ. Соотношеніе послѣдняго съ типомъ сосѣднихъ народностей. Этнографическія особенности: характеръ мѣстности. Экономическія условія. Земледѣліе, скотоводство, торговля. Особенности пищи и жилищъ. Церковная архитектура. Домашняя утварь. Одежда. Украшенія. Нѣкоторыя особенности общественнаго быта: нравственность, свадебные и похоронные обряды. Торговые обычаи. Эмиграція въ Америку и ея вліяніе. (Были показаны діапозитивы).

Во время засѣданія 21 апр. были выслушаны:

1) Сообщеніе г. *Н. Н. Мартиновича*: „О поѣздкѣ въ Бруссу въ 1905 г.“ и 2) Сообщеніе г. *В. А. Шанина*. „По восточной Монголіи: отъ ст. Фанъ-цзунъ до г. Синъ-минъ-тинъ, лѣтомъ 1905 г.“ (Были показаны діапозитивы).

5 мая выслушаны были сообщенія:

1) Члена-сотр. *А. А. Макаренко*: „Сибирско-русская народная пѣсенная старина“ (въ Енисейской губерніи). Программа. Общія замѣчанія о характерѣ сибирско-русской народной пѣсенной поэзіи. Отношеніе къ пѣснямъ сибиряковъ—русскихъ. Существованіе пѣсенной „старины“ въ Енисейской губерніи. Фактическая сторона сбора проголосныхъ пѣсенныхъ „старинъ“. Заключеніе. Тексты пѣсенъ. (Были показаны діапозитивы). 2) Сообщеніе *И. С. Абрамова*: „О Курскихъ саянахъ“. Литература о саянахъ. Поѣздка къ саянамъ и личныя наблюденія надъ ними. Нарѣчіе. Пѣсни. Одежда. Вопросъ о происхожденіи саяновъ.

Кромѣ того изъ докладовъ, прочитанныхъ въ Отд. Географіи Математ. и Геогр. Физич., представляли нѣкоторый (иногда и очень значительный) интересъ для этнографа, слѣдующіе:

1) *Н. Я. Новомбергскаго*: „Обозрѣніе картографическихъ матеріаловъ Сибири, находящихся въ Геттингенской университетской библіотекѣ“ (7 февр.).

2) *В. А. Дубянского*—о поѣздкѣ лѣтомъ 1904 г. въ Тургайскую и Уральскую области для геоботаническихъ изслѣдованій. (7 марта. Свѣдѣнія о киргизахъ).

3) *А. В. Журавскаго*: „О центральной части Большеземельской тундры въ естественно-историческомъ отношеніи. Матеріалы Большеземельской Экспедиціи 1904 и 1905 годовъ“. (21 марта). Свѣдѣнія о Самоѣдахъ: Вымирающія черты быта и культа. Идолопоклонство и православіе. Родовыя пары и орбиты кочеванія. Могилы и молища. Полигамія и полигинія. О человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Эксплоатація. Эпизоотія. Прирученіе дикихъ оленей; метисы. Дегенерація утвари. Паденіе самоѣдскаго оленеводства и промысловъ. Экономическія проблемы.

4) Д. чл. *А. И. Воейкова*: „Распредѣленіе населенія на земномъ шарѣ въ зависимости отъ природныхъ условій и дѣятельности человѣка“ (23 марта).

На общемъ собраніи членовъ *И. Р. Г. О-ва* (3 мая). *В. Ф. Ношницкій* сдѣлавъ сообщеніе о своей поѣздкѣ по Восточной Монголіи, въ которомъ, между прочимъ, были пункты: Населеніе и его занятія. Китайская колонизація. Религіозныя вѣрованія, монастырскій бытъ. Административное устройство и войска.

**Награды по Отдѣленію Этнографіи.** Въ 1905 г. Совѣтомъ И. Р. Г. О-ва были присуждены слѣдующія почетныя награды за работу по этнографіи: 1) Большая золотая медаль—проф. Московскаго Университета *А. А. Ивановскому* за трудъ „Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи“. М. 1904. Рецензія дѣйств. чл. Б. Θ. Адлера. 2) Большая золотая медаль—дѣйств. чл. *С. П. Патканову* за сочиненіе „Опытъ статистики и этнографіи тунгусскихъ племенъ Сибири“. Рецензія дѣйств. чл. Н. И. Веселовскаго. 3) Малая золотая медаль—чл. сотруди. *Ст. П. Кузнецову* за совокупность трудовъ по этнографіи черемисъ. Рецензія проф. Гельсингфорскаго Университета Гейнена. 4) Серебряная медаль—студ. Спб. Унив. *Ц. Жамцаранову* за сообщеніе „О возрожденіи шаманизма среди Забайкальскихъ бурятъ“ и за труды по этнографіи иркутскихъ бурятъ.

**Западно-Сибирскій Отдѣлъ И. Р. Г. О-ва.** Извлекаемъ нѣкоторыя данныя изъ только что полученнаго отчета Отдѣла за 1903 г. Выпущена XXX книжка „Записокъ“ Отдѣла, гдѣ, между прочимъ, помѣщены статьи—*В. Попова*. „Повѣрья и обычаи Сургутскаго края“.—*И. Неклепаева*. „Слѣды христіанства въ надмогильныхъ киргизскихъ памятникахъ по р. Кокшалу въ Кашгаріи“. Въ музей поступило нѣсколько этнографическихъ предметовъ (разн. народностей) и фотографій. Украденъ кѣмъ-то изъ посѣтителей киргизскій кинжалъ и ворами—витрина со старыми монетами. Общихъ собраній Отдѣла было 11. На засѣданіи 8 декабря *К. П. Линда* сдѣлалъ сообщеніе: „Тибетъ по результатамъ послѣднихъ путешествій“, интересное для этнографовъ. Приходъ музея въ 1903 г.—4.304 р. 67 к., расходъ—3.744 р. 18 к. Цифровыхъ данныхъ—о количествѣ членовъ, по библіотекѣ и др.—въ отчетѣ не имѣется.

**Алтайскій Подъотдѣлъ Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва, за 1904 г.** Почетн. чл.—9, членовъ-ревнит.—2, чл.-сотр. —7, дѣйств. чл.—98. Бюджетъ Подъотдѣла—972 р. 42 к.

Въ засѣданіи 1 ноября *М. К. Барсовъ* сдѣлалъ сообщеніе „О столкновеніи между калмыками и русскимъ населеніемъ въ Горномъ Алтаѣ лѣтомъ 1904 года“, вызванномъ проповѣдью новой религіи Чѣта-Чалпаномъ, бѣднымъ калмыкомъ изъ урочища Ябаганъ.

Интересное само по себѣ сообщеніе вызвало еще болѣе интересный обмѣнъ мнѣній, причемъ было указано, что движеніе калмыковъ есть показатель совершающагося въ ихъ средѣ какого-то внутренняго процесса. Въ такомъ случаѣ было бы чрезвычайно важно изслѣдовать, въ чемъ заключается этотъ процессъ и каково это движеніе. Быть можетъ этимъ намѣтится путь, по которому культура проникнетъ и въ районы горныхъ калмыковъ <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> По тому же вопросу были еще сдѣланы доклады: 1) *Д. А. Клеменцовъ* въ Западно-Сибирск. Отдѣлѣ И. Р. Г. О-ва (въ авг. 1904 г.). 2) *С. И. Акеръ-Баймонъ* (чиновникомъ по землеустройству) въ Юридическомъ О-вѣ при Томскомъ Университетѣ и 3) *Д. А. Клеменцовъ* въ И. Р. Г. О-вѣ (12 ноябр. 1904 г. Илложене—см. „Извѣстія“ И. Р. Г. О-ва. 1905, в. 1, стр. 155). О томъ же см. статью *С. П. Швецова* въ „Сибирск. Вѣстн.“. 1904 г., ноябрь.



Библиотека Подъотдѣла состояла изъ 1610 названій, имѣются отдѣлы: 4) Этнографія. 5) Географія и путешествія. 7) Археологія. 9) Антропологія. При музеѣ—коллекція фотографій (534 ММ), представляющая значительный интересъ для этнографѣ.

Историко-филологическое общество при Имп. Новороссійскомъ Университетѣ въ 1903—1904 г. Къ маю 1904 г. О-во состояло изъ 6 членовъ учредителей, 2—почетныхъ, 123 дѣйствительныхъ членовъ и 34 членовъ Педагогическаго Отдѣла, а всего изъ 164 членовъ.

Въ отчетномъ году было 10 засѣданій (181—190), на которыхъ между прочимъ, были заслушаны и обсуждались слѣдующія сообщенія членовъ О-ва:

*Вилинскій, С. Г.* Хронографъ редакціи 1601 года.

*Истринъ, В. М.* Особая редакція Хронографа Московскаго Архива Министерству Иностранныхъ Дѣлъ (къ вопросу о древне-болгарской энциклопедіи).

— Можетъ-ли русская литература до - Петровскаго періода строиться въ хронологическомъ порядкѣ? (По поводу взглядовъ Пыпина и Никольскаго).

— О статьѣ В. Н. Перетца „О нѣкоторыхъ основныхъ настроеніяхъ русской литературы въ ея историческомъ развитіи“.

*Лазурскій, В. Ѳ.* Научная дѣятельность проф. А. М. Кирпичникова.

*Рыстенко, А. В.* Исторія сказанія о 12 снахъ царя Мамера въ славяно-русской литературѣ.

Кромѣ того на 185 засѣданіи *В. М. Истринъ, Е. Н. Щепкинъ* и *Х. П. Ящуржинскій* сдѣлали сообщенія, посвященныя „Памяти А. И. Маркевича“.

Приходъ О ва, вмѣстѣ съ пособіемъ отъ Мин. Народн. Просв. (500 р.), составлялъ 1.434 р. 46 к. (въ томъ числѣ остатокъ—880 р. 51 к.). Израсходовано было—696 р. 26 к.

Этнографическій Отдѣлъ Русскаго Музея Александра III. Въ отдѣлъ для будущаго Этнографическаго Музея недавно поступила интересная коллекція, собранная въ 1904 и 1905 годахъ Ѳ. К. Волковымъ, главнымъ образомъ, въ Гуцульщинѣ и у Бойковъ въ Восточной Галиціи. Коллекція эта обнимаетъ собой постройки, предметы домашняго обихода, сельскаго промысла, одежды и проч. Очень интересны прекрасныя модели старинныхъ деревянныхъ церквей почти не уцѣлѣвшихъ въ русской Украинѣ, оригинальныхъ хатъ и пр. Изъ предметовъ обихода особенно обращаютъ на себя вниманіе орудія для добыванія огня посредствомъ тренія, покрытыя тонкой рѣзьбой деревянныя издѣлія, часто вполне художественной работы, очень большая коллекція (около 600 шт.) писанокъ, множество удивительныхъ, по роскоши, красокъ и узора вышивокъ. Въ числѣ принадлежностей одежды замѣчательны живописные костюмы Гуцуловъ и особенно коллекціи мѣдныхъ украшеній, аграфовъ, ожерелій изъ крестиковъ, орнаментированныхъ крестовъ и т. п., а также роскошныя, по затѣйливой отдѣлкѣ, топорцы, келены, полки, деревянные съ инкрустаціями и слѣпанные изъ оленьихъ роговъ.

рѣзные пороховницы, оружіе, покрытыя мѣдными бляхами табівки (сумки), большое количество необыкновенно затѣйливыхъ головныхъ уборовъ и т. п.

Знаменитая коллекція Н. Л. Шабельской въ настоящее время также перешла въ собственность Музея. Часть этой коллекціи—1078 №№ (324 головныхъ убора; 129 №№ русскихъ старинныхъ одеждъ: сарафаны, фаязы, шубки, душегрѣйки и пр.; и 625 №№ мелкихъ вещей: серьги, пуговицы, ошлецы, шитье, ларцы и пр.) была принесена въ даръ наслѣдницами покойной. А остальная часть коллекціи—2596 №№ (1790 №№ вышивокъ, шитья, кружевъ и пр.; 132 №№ оклады образовъ, ризы, воздухи; 422 №№ образцовъ старин. золотыхъ шелковыхъ и набивныхъ тканей, и 252 №№ образцовъ старинныхъ золотыхъ галуновъ и кружевъ) приобрѣтена за 40.000 руб., причемъ эта сумма заплачена Государемъ Императоромъ. Вся коллекція будетъ помѣщена нераздѣльно подъ именемъ отдѣла Н. Л. Шабельской и съ ея портретомъ въ отдѣлѣ.

Фризы для Музея. Уже седьмой годъ скульпторы Богатыревъ и Харламовъ лѣпятъ фризы для строящагося этнографическаго музея при музеѣ Александра III. Фризы будутъ тянуться вдоль стѣнъ едва-ли не на четверть версты. Цѣлыя сотни крупныхъ, большаго натуры, барельефныхъ фигуръ. Въ видѣ жанровыхъ композицій представлены всѣ народности нашего пестраго отечества. Всѣ эти фигуры обрабатывающихъ поля украинцевъ, джигитующихъ казаковъ, сосущихъ трубочки финляндцевъ, сидящихъ вокругъ костра самоѣдовъ—скомпанованы весьма жизненно и безъ натяжки. Фризы Богатырева замѣтно разнятся отъ фризовъ Харламова. Лѣпка Богатырева—зскизный, декоративный и отзываетъ подражаніемъ Родону. Харламова—строже законченнѣе. Длинными рядами стоятъ въ особомъ помѣщеніи уже готовыл, отлитыя въ гипсѣ плиты фризовъ. Для этнографическаго музея—это самый подходящій родъ скульптуры.

Пермскій научно-промышленный Музей. Къ 1-му янв. 1905 г. О-во имѣло 92 почетн., дѣйств. и членовъ сореовнвателей.

Въ отчетномъ году было—21 науч. бесѣда, лекц. и сообщен. Изъ нихъ по Этнографіи—2 (П. Н. Серебрянниковъ. „Пермяки“ этнографическій очеркъ); по археологіи—1 (И. Г. Остроумовъ. „О результатахъ научной экскурсіи въ с. Сергинское, Пермскаго уѣзда“); по географіи—3. Былъ изданъ и разосланъ, напечатанный въ количествѣ 400 экземпляровъ 1-й выпускъ „Матеріаловъ по изученію Пермскаго края“.

Изъ поступленій можно отиѣтить: въ этнографическій отдѣлъ—22 экз., въ археологическій—до 40 экз. и въ историческій (съ коллекціями церковныхъ древностей и нумизматич.)—до 180 экз.

Работы по разборкѣ коллекцій и составленію каталоговъ имъ продолжались по прежнему, но такъ какъ эти работы ведутся единолично хранителемъ музея, при помощи лишь завѣдывающаго зоологическимъ отдѣломъ С. Л. Ушакова, то понятно, что они двигаются довольно медленно, хотя количество времени и труда, требующихся

на эти работы, совершенно не поддаются опредѣленію посторонняго глаза. Выдѣлены въ отдѣльныя коллекціи монеты и медали съ одной стороны (нумизматическая коллекція) и древности церковныя—съ другой. Остальные же предметы, состоящіе изъ рукописей, старинныхъ книгъ, картинъ, древнихъ украшеній и частей костюмовъ и многого другого, систематизировать еще невозможно за отсутствіемъ не только витринъ, но даже и мѣста для таковыхъ, повтому не приступлено и къ составленію каталога этого отдѣла. Въ этнографическомъ отдѣлѣ систематизація коллекцій закончена. Посѣтителей въ Музеѣ въ теченіи 1904 г. перебывало—17.837 чел.

Къ отчету приложены портреты и біографія *Ф. А. Теплоухова*, извѣстнаго изслѣдователя чудскихъ древностей, умершаго въ 1905 г., занимавшагося и вообще пермскими древностями.

Объ его статьяхъ по археологiи Пермскаго края можно сказать, что онѣ, „по богатству матеріала, по стройности выводовъ и изложенію представляютъ лучшія работы по Пермскимъ древностямъ и ставятъ ими ихъ автора среди изслѣдователей этихъ древностей на первое мѣсто“. Таковъ выводъ А. А. Спицина, съ предисловіемъ котораго изданъ въ 1902 г. Императорскою Археологическою Комиссіею атласъ съ 1000 рисунковъ съ предметовъ коллекціи Теплоуховыхъ, заключающей въ себѣ болѣе 7000 исключительно мелкихъ мѣдныхъ предметовъ и черепковъ. Къ біографіи приложенъ списокъ напечатанныхъ работъ покойнаго (всего—29 №№).

Вятскій Губернскій Статистическій Комитетъ предпринялъ изданіе полнаго этнографическаго описанія Вятскаго края и разослалъ мѣстнымъ интеллигентамъ особую программу (напечатана въ качествѣ особаго приложенія къ газетѣ „Вятскій Вѣстникъ“ 1906 г. № 60). Главныя задачи описанія: 1) установка среди великорусскаго населенія Вятскаго края этнографически различныхъ группъ и сравнительное изученіе бытовыхъ особенностей этихъ группъ; 2) сравненіе современнаго народнаго быта съ прежнимъ.

Выполненіе первой задачи должно пролить свѣтъ на этнографическія отличія древней Новгородской Руси отъ Суздальской, такъ какъ Вятскій край населенъ представителями той и другой.

Вѣсти изъ экспедиціи къ Туруханскимъ осянкамъ. Извлекаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ письма В. Анучина къ А. А. Макаренку: „Вернулся изъ поѣздки въ началѣ октября (1905 г.) и теперь, впредь до новой поѣздки живу въ Красноярскѣ. Поѣздку нужно назвать удачною, матеріаловъ всяческихъ груды... Коллекцію собралъ порядочную, но въ этомъ отношеніи меня подрѣзаетъ нехватка денегъ, думаю избрѣсть что нибудь къ предстоящей поѣздкѣ и увезти уже все, что можно увезти. Сдѣлалъ тѣмъ фотографій и вывезъ нѣсколько фонограммъ съ шаманскими напѣвами (есть и не шаманскіе—ихъ много). Записалъ около 2.000 словъ и около 8 печатныхъ листовъ текстовъ, выработалъ азбуку, собралъ матеріалы для грамматики, ну и всякія записки, этнографія, антропология, миеология, фольклеръ вообще и т. п. Таковъ мой багажъ послѣ поѣздки“... (Извлеченіе сдѣлано съ разрѣшенія А. А. Макаренка).

**Экспедиція на Дальній Востокъ.** Въ началѣ 1906 г. **О. П. Рябушинскій** обратился въ Академію Наукъ, **И. Р. Географическое О-во** и **Имп. О-во Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии** съ письмомъ, слѣдующаго содержанія: „Желая организовать научную экспедицію на Камчатку съ цѣлью возможно подробнаго изслѣдованія ея въ археологическомъ, антропологическомъ, этнографическомъ, геологическомъ, географическомъ, ботаническомъ и зоологическомъ отношеніяхъ, честь имѣю просить... (названныя ранѣе учрежденія) взять означенную экспедицію подъ свое покровительство... Экспедицію, рассчитываемую на два года, предполагается осуществить въ началѣ 1907 года. На экспедицію ассигнуется мною по 100.000 рублей въ годъ, всего на два года 200.000. Коллекции, которыя будутъ собраны экспедиціей, предполагаю предоставить музеямъ Петербурга и Москвы. Надѣюсь, что... (названныя ранѣе учрежденія) окажутъ экспедиціи свое просвѣщенное содѣйствіе, какъ разсмотрѣніемъ подробныхъ программъ, которыя будутъ представлены отдѣльными специалистами—членами экспедиціи (подысканіемъ которыхъ я занятъ въ настоящее время), такъ и необходимыми сношеніями съ администраціей“.

Другая экспедиція, инициаторомъ которой является **П. Ю. Шмидтъ**, находится подъ покровительствомъ **Имп. О-ва судоходства и комитета помощи поморамъ русскаго сѣвера**, ставитъ цѣлью изученіе рыбныхъ промысловъ **Охотско-Камчатскаго края**. Кромѣ общества судоходства эту экспедицію поддерживаютъ общество рыбоводства и рыболовства и **Императорское географическое общество**.

Третья экспедиція имѣетъ цѣлью изслѣдованія гидрографическія, т. е. описаніе дальне-восточныхъ морей и выясненіе условія плаванія въ нихъ (промѣры, съемки и т. д.). Эта экспедиція снаряжается гидрографическимъ департаментомъ морского министерства.

**Поѣздка къ зырянамъ.** Въ срединѣ мая отправится на среднюю Печору студентъ-естественникъ **Петербургскаго Университета С. Сергѣй** для собиранія этнографическихъ коллекцій среди зырянъ. Общими границами района, въ которомъ онъ предполагаетъ работать, будутъ: на востокъ—**Уральскій хребетъ**, на западъ—**бассейны лѣвыхъ притоковъ Печоры, Мылвы, Сайвы и Велавы**, на югъ—селеніе **Порогъ** и на сѣверъ—**Красный боръ**.

Этотъ участокъ выбранъ потому, что здѣсь, болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ зырянскаго края, должно сохраниться все характерное и цѣнное для этнографіи зырянъ. Впрочемъ, не исключается возможность уклоненія въ сторону отъ названнаго района, если это окажется нужнымъ.

**Этнографическая экскурсія.** Отъ Музея Антропологии и Этнографіи имени Императора Петра Великаго, при **Имп. Академіи Наукъ**, для собиранія этнографическихъ коллекцій среди якутовъ, командированъ въ Якутскую область **В. Н. Васильевъ**.

**Людоедство въ Сибири.** 3 декабря привезли изъ **Верхне-Колымска** юагира, и на основаніи дознанія, сдѣланнаго заведующимъ **Аргуновымъ**, помѣстили какъ людоеда въ мѣстный караульный

домъ. Изъ дознаніи видно, что этотъ оставшійся изъ десяти члѣвъ въ живыхъ сѣлъ, по просьбѣ дочери, своего родного племянника, котораго онъ зарѣзалъ. Продолжалъ ѣсть и послѣ добычи одного лебедя, потому, что мясо члѣва предпочиталъ мясу послѣдняго... До этого его довелъ нестерпимый, ежегодно повторяющійся въ колымскомъ округѣ, голодъ... Родовой юкагирскій староста Долгановъ показалъ, что онъ съ однимъ сородовичемъ, разыскивая эту семью еще весною сего года, напелъ ихъ уросу, снаружи которой стояла дочь юкагира и, не замѣчая ихъ, пришедшихъ, ѣла вареную члѣвческую голову. Увидѣвъ такую неожиданную картину, Долгановъ и спутникъ его въ паническомъ страхѣ бросились бѣжать обратно...

Самоубійство цѣлаго племени чукчей. Кромѣ того получено извѣстіе съ верховьевъ рр. Омолона и Олоя. Извѣстіе это крайне неутѣшительное. По разсказамъ принесшаго извѣстіе юкагира, чукчи, жившіе въ верховьяхъ названныхъ выше рр., два года тому назадъ, благодаря эпизоотіи, лишились всѣхъ своихъ табуновъ оленей и впали въ страшную нужду. Попробовали было промышлять звѣрей, но ихъ, съ дѣтства не приучившихся къ промыслу, всюду преслѣдовала неудача. Голодные, нагіе и еле живые дотянули они свое существованіе до первой зелени (первыхъ чиселъ іюня 1905 г.). Помощь не являлась, далѣе жить не было никакой возможности.

Ясно стало для всѣхъ, что ихъ ждетъ голодная смерть. Тогда они сдѣлали общее собраніе всего олойско-омолонскаго рода, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ два года тому назадъ они жили людьми богатыми. На собраніи этомъ послѣ цѣлодневнаго совѣщанія было рѣшено: каждый глава семьи долженъ убить всю свою семью и покончить жизнь самоубійствомъ. Рѣшеніе это было принято и исполнено всѣми. Къ утру другого дня все было готово, на возвышенной площади, всѣ, вчера живые, лежали мертвыми и покойными, тѣсно сплотившись одинъ около другого. Цѣлое племя покончило съ собою, не оставивъ потомства. („Наша Жизнь“, 1906, 17 марта).

Новый бурятскій алфавитъ. Среди интеллигенціи Забайкальскихъ бурятъ въ послѣднее время серьезно возбуждается вопросъ о введеніи новаго бурятскаго алфавита.

Сообщая это извѣстіе, „Байкалъ“ пишетъ: монгольскій алфавитъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма не совершененъ, весьма не точенъ, такъ что монгольское письмо можетъ читать правильно лишь тотъ, кто хорошо знаетъ монгольскій языкъ. Затѣмъ, алфавитъ, будучи слоговымъ, а не звуковымъ, весьма сложенъ и особенно трудно дается дѣтямъ. Всѣ эти недостатки монгольскаго алфавита особенно стали чувствовать забайкальскіе буряты, стоящіе по культурности значительно выше своихъ сосѣдей монголовъ. По такимъ причинамъ и явилась среди бурятъ мысль ввести въ свой обиходъ новыи, болѣе соответствующій своему назначенію алфавитъ. Эта насущная потребность бурятъ все болѣе усиливается вслѣдствіе происходящаго среди нихъ культурнаго движенія; буряты въ послѣднее время начинаютъ проявлять сильное стремленіе присоединиться къ общему прогрессу. Понятно, что такое явленіе среди бурятъ посте-

пенно приводить къ тому, что одна религіозная литература уже не можетъ удовлетворить и охватить всѣхъ сторонъ духовной жизни челоука: является потребность къ свѣтской литературѣ. Въ слѣдующемъ выпускѣ редація предполагаетъ дать болѣе подробныя свѣдѣнія о новомъ бурятскомъ алфавитѣ.

„Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Университетѣ“ съ 1906 года будутъ выходить шесть разъ въ годъ, книжками въ 7—8 печатныхъ листовъ, in 8°.

Въ недавно вышедшей 4-й книжкѣ за 1905 г. „Этнографическаго Обзорія“ помѣщены статьи: *А. Маркова*. „Изъ исторіи русскаго былеваго эпоса“. *Д. Зеленина*. „У оренбургскихъ казаковъ“. *В. Миллера*. „Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ“. *Е. Елеонской*. „Нѣкоторыя замѣчанія о русскихъ народныхъ сказкахъ“. *А. Шиманьскаго*. „Происхожденіе и дѣйствительное значеніе слова „тунгусъ“. Смѣсь. Обширная „Критика и библіографія“ и „Хроника“.

„Костромская Старина“,—издаваемая Костромской губернской архивной комиссіей, согласно заявленію комитета будетъ выходить 4 раза въ годъ. 1 вып. вышелъ въ маѣ.

17 мая утвержденъ уставъ армянскаго этнографическаго общества въ Тифлисѣ (Телеграммы П. А.).

„Археологическая Лѣтопись Южной Россіи“, прекратила свое существованіе.

Энциклопедія славянской филологіи „мало по малу двигается; по крайней мѣрѣ первый, лингвистическій отдѣлъ энциклопедіи представляется мнѣ—пишетъ акад. И. В. Ягичъ—теперь уже въ опредѣленномъ видѣ. Большинство приводимыхъ въ проспектѣ сотрудниковъ подають большія надежды, что они исполнятъ возложенную на нихъ задачу, что представятъ статьи къ сроку. Итакъ по моему разсчету можно бы надѣяться, что самое позднее лѣтомъ 1906 года мы приступимъ къ печатанію энциклопедіи“...

Премія имени П. Н. Батюшкова. Къ сроку (31 дек. 1905 г.) на соисканіе преміи имени П. Н. Батюшкова представлена лишь одна работа М. Довнаръ-Запольскаго. „Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ“. Кіевъ. 1905. Для разсмотрѣнія этой работы образована комиссія изъ академиковъ: Е. Е. Голубинскаго, М. А. Дяконова, В. И. Ламанскаго, А. С. Лаппо-Данилевскаго, А. А. Шахматова и И. И. Янжула.

XIV Археологическій Съѣздъ соберется въ 1908 году въ городѣ Черниговѣ. Программа предварительныхъ работъ и правила будущаго Съѣзда были выработаны депутатами ученыхъ о—въ въ Москвѣ 7-го февраля 1906 г. при Императорскомъ Археологическомъ Обществѣ.

**Русскія археологическія коллекціи за границей.** Недавно вернулись въ Россію археологическія коллекціи, принадлежащія князю П. А. Путатину и художнику-археологу Н. К. Рериху, находившіяся на международномъ археологическомъ конгрессѣ, состоявшемся на югѣ Франціи въ Périgueux (Dordogne). Это былъ первый опытъ демонстраціи предметовъ относящихся къ каменному вѣку, добытыхъ въ Россіи, передъ представителями всего міра. Одинъ Рерихъ послалъ 1½ т. номеровъ, которые крайне заинтересовали такихъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ Мортилье, Капитанъ, Ривьеръ и др.

**Въ защиту русской старины.** Профессоръ и ректоръ Императорской академіи художествъ Л. Н. Бенуа вошелъ въ совѣтъ академіи съ слѣдующимъ заявленіемъ: „Недавно узналъ изъ достовѣрнаго источника о томъ, что инженерное вѣдомство предполагаетъ построить новое зданіе для инженернаго училища, избравъ мѣстомъ для него площадь передъ замкомъ. Зданіе это образуетъ полукругъ съ памятникомъ Петру I въ центрѣ. Въ виду выдающагося архитектурнаго значенія инженернаго замка, какъ одного изъ лучшихъ памятниковъ зодчества, считаю необходимымъ, чтобы вопросъ этотъ былъ представленъ на обсужденіе академіи. Надо сдѣлать отъ насъ все зависящее, чтобы сберечь эту историческую площадь, иначе мы навлечемъ на себя справедливое нареканіе всего образованнаго міра“. Совѣтъ академіи единогласно присоединился къ мнѣнію профессора Бенуа.

**Древній храмъ Артемиды** найденъ на-дняхъ на берегу рѣки Ефрата, близъ границъ дневней Спарты, директоромъ британской археологической школы въ Афинахъ. Въ руинахъ открыто множество статуэтокъ богини и реликвій: золотыхъ, серебряныхъ и изъ слоновой кости, а также интереснѣйшихъ орнаментовъ. Счастливый археологъ получилъ отъ англійскаго короля Эдуарда телеграфное пожеланіе дальнѣйшихъ успѣховъ. На храмъ Артемиды наткнулись, какъ всегда бываетъ, совершенно случайно, при раскопкахъ на мѣстѣ древней Спарты.

**Открытіе римскаго водопровода.** Уже въ прошломъ году были найдены въ Вѣнѣ первые слѣды римскаго водопровода. Инспектору римскихъ раскопокъ въ Вѣнѣ удалось за послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ откопать этотъ водопроводъ на разстояніи 700 метровъ. Водопроводъ, прекрасно сохранившійся, состоитъ изъ канала, прикрытаго тяжелыми каменными плитами и выложеннаго камнемъ; ширина его равняется 50 сантиметрамъ, а глубина отъ 50 до 70 сант. Обѣ боковыя каменные стѣнки толщиной въ 30 сант. Внутренность этого канала залита цементнымъ растворомъ и такъ хорошо сохранилась, что даже теперь, послѣ 1700 лѣтъ, водопроводъ этотъ еще можетъ быть употребленъ въ дѣло. Интересенъ тотъ фактъ, что въ этомъ каналѣ на извѣстныхъ разстояніяхъ устроены углубленія въ 30 сант. глубины и въ 70 сант. длины, служившія для осадка различныхъ нечистотъ. Дно канала постепенно расширяется по направленію къ Вѣнѣ. Въ настоящее время

производится дальнѣйшее изслѣдованіе этого водопроводнаго канала, чтобы убѣдиться въ томъ, откуда древніе римляне проводили воду.

Путешественница **Изабелла Масье** награждена правительствомъ республики орденомъ почетнаго легіона; она объѣхала и подробно описала Анти-Ливанъ, островъ Яву, Кашмиръ, Тибетъ, Ладакъ, поднялась на Чангъ-Ла (5.700 метровъ высоты) и спустилась въ устья Химисъ и Вардванъ.

**Изабелла Масье**—членъ географическаго общества въ Парижѣ, членъ совѣта коммерческой географіи, членъ комитета французской Азіи. Ею составленъ словарь индостанскаго языка, ею, по порученію министерства народнаго просвѣщенія, составленъ путеводитель по Индокитаю, Сіаму, Камбоджѣ, Бирманіи, Ирравади и горной странѣ Ай-Лао, откуда она проникла въ Китай по рѣкѣ Янъ-Цзы, прошла затѣмъ пустыню Гоби и Монголію. Черезъ Сибирь она возвратилась въ Парижъ. Французская академія премировала ея научные труды, Фердинандъ Брюнетьеръ открылъ ей страницы „*Revue des deux Mondes*“.

**Вскрытіе саркофага Карла Великаго.** Аахенъ, 4-го іюля. Въ здѣшнемъ соборѣ, въ присутствіи представителей администраціи и духовенства, былъ вскрытъ саркофагъ императора Карла Великаго. При этомъ извлечены двѣ драгоцѣнныя ткани, имѣющія большое художественно-историческое значеніе; ткани эти отправляются на время въ Берлинъ, гдѣ съ нихъ будетъ снята фотографія.

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ*.

Въ видахъ достиженія возможной полноты настоящаго отдѣла, редакція усердно проситъ гг. секретарей ученыхъ обществъ и учреждений, въ кругъ дѣятельности которыхъ входятъ работы этнографическаго характера, присылать отчеты и разнаго рода сообщенія печатныя и рукописныя о дѣятельности обществъ.

Желательны также и вырѣзки изъ газетъ.



# „Политическая



# Энциклопедія“

подъ редакціей Л. З. Слонимскаго.

## Вышелъ выпускъ II.

Въ этомъ выпускѣ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: Антисемитизмъ, *В. Водовозова*, *Н. Рейнгардта* и *Л. Слонимскаго*; Арбитражъ, бар. *Б. Нольде*; Арендныя отношенія, *А. Дядиченко* и *Л. Чермака*; Арестъ судебный и полицейскій, проф. кн. *С. Друцкаго*; Армія, проф. *А. Добровольскаго*; Арсеньевъ *К. К.*, *А. О. Кони*; Артели, *Ф. Щербинны*; Архангельская губернія, *Д. Рихтера*; Афганистанъ, *З. Авалова*, Африка, бар. *Б. Нольде*; Африкандеры, Баварія, Баденъ, Базель, *В. Водовозова*; Багдадская желѣзная дорога, бар. *Б. Нольде*; Балканскій полуостровъ, бар. *Б. Нольде* и *П. Калинкова*; Бальфуръ, *С. Рапопорта*; Банкетъ, *В. Водовозова*; Банъ хорватскій, *С. Радича*; Баррикады, *В. Рейнгардта*; Батраки, *Ф. Щербинны*; Башкиры и башкирскія земли, *А. Дядиченко*; Бебель, *В. Водовозова*; Бездомовые, *Ф. Щербинны*; Бездѣйствіе власти, проф. кн. *С. Друцкаго*; Безземельные крестьяне, *Ф. Щербинны*; Безобразовъ *М. А.*, *В. Рейнгардта*; Безопасность, *С. Шумакова*; Безпаспортные, *Ф. Щербинны*; Безработица, *В. Святловскаго*; Берлинскій трактатъ, бар. *Б. Нольде*; Берлинъ, *Р. Стрѣльцова*; Бернштейнъ, *Эд.*, *В. Водовозова*; Библиотеки, *В. Рейнгардта*; Бирмингэмъ, *С. Рапопорта*; Благонадежность, Благонамѣренность, Благополучіе, *В. Рейнгардта*; Благотворительность, *Г. Чернявскаго*; Блокада, бар. *Б. Нольде*; Бобыли, *Ф. Щербинны*; Богатство, *Г. Чернявскаго*; Бойкотъ, *В. Водовозова*; Болгарія, *П. Калинкова*; Болгарская конституція, *П. Милюкова*; Босфоръ и Дарданеллы, бар. *Б. Нольде*; Бразилія, *В. Водовозова*. Съ 11 портретами и иллюстраціями, 3 страниц. картограммъ и 17 страниц. географическихъ картъ. Подписная цѣна за всѣ 15 выпусковъ—**9 рублей**, съ разсрочкой платежа по 1 р. въ мѣсяцъ. Для ознакомленія съ изданіемъ, всѣмъ желающимъ высылается первый выпускъ съ обязательствомъ возвратитъ его, если подписка не состоится. **Главная Контора: Спб., Невскій, 88.** Подписка принимается также въ иногороднихъ отдѣленіяхъ и у представителей Главной Конторы.

## ОТДѢЛЪ III.

### Критика и библиографія.

- |  |       |
|--|-------|
| 1. Научные труды. А. А. Спицына <i>Д. К. Зеленина</i> . . .  | 15—18 |
| 2. Рецензіи на: Русскій Филологич. Вѣстн. <i>Г. Ильинскаго</i> . — Ежегодникъ Русск. Антропол. О-ва. <i>Ив. Абрамова</i> . — Изборникъ кievскій. <i>Г. Ильинскаго</i> . — Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. <i>В. Чернышева</i> . — Ермоловъ, А. Народная с.-хоз. мудрость, т. т. II—IV. <i>Н. Виноградова</i> . — Кондаковъ, Н. П. Изображеніе русской княжеской семьи. <i>Н. Виноградова</i> . — Памяти проф. И. Н. Смирнова. <i>Н. Виноградова</i> . — Виноградовъ, Н. И. П. Сахаровъ и его „Русск. народн. загадки и притчи“. <i>Г. И.</i> — Марковъ, А. В. Что такое Овсень? <i>Д. Зеленина</i> . — Карскій, Е. О. Малорусскій Луцидарій. <i>Г. Ильинскаго</i> . — Карскій, Е. О. Отчетъ о поѣздкѣ въ Бѣлоруссію. <i>Г. Ильинскаго</i> . — Карскій, Е. О. Къ вопросу о разграниченіи русск. нарѣчій. <i>Г. Ильинскаго</i> . — Чичерина, С. У приволжскихъ инородцевъ. <i>Н. Виноградова</i> . — Кузнецовъ, С. К. Общин. порядки у вотяковъ. <i>Д. З.</i> — Бушъ, Н. А. По горамъ и ущельямъ Хевсуріи и Тушетіи. <i>Д. Зеленина</i> . — Сборн. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. <i>Н. Виноградова</i> . — Труды Троицко-Савск.-Кяхт. Отд. <i>Э. Пекарскаго</i> . — Науковий Збірникъ. <i>Ив. Абрамова</i> . — Ровинскій, П. А. Черногорія. <i>Г. Ильинскаго</i> . — Беличъ, А. Діалектологич. карта сербск. яз. <i>Н. В.—ва</i> . — Грюнведель, А. Bibliotheka Buddhica. <i>Э. Пекарскаго</i> . — Handbuch des Deutschtums im Auslande. <i>Г. Ильинскаго</i> . . . | 19—37 |
| 3. Журналы 1905 г. . . . .   | 38    |
| 4. Списокъ книгъ, присланныхъ въ редакцію . . . . .  | 39    |

## ОТДѢЛЪ V.

### С м ѣ с л.

- |   |    |
|---|----|
| 1. Два слова къ вопросу о вурскихъ и тульскихъ говорахъ. <i>Д. К. Зеленина</i> . . . . .      | 31 |
| 2. Существуютъ ли въ русскомъ языкѣ слова кагора и кагорщикъ? <i>Д. К. Зеленина</i> . . . . . | 34 |
| 3. Бурлаки на Днѣпрѣ <i>И. С. Абрамова</i> . . . . .  | 35 |
| 4. Почему въ Россіи умираетъ много дѣтей (народная легенда). <i>И. С. Абрамова</i> . . . . .  | 36 |
| 5. Мелочи историко-литературн. и этнографическія. V. <i>Н. Н. Виноградова</i> . . . . .       | 37 |
| 6. Стихъ о страшномъ судѣ. Запись <i>К. Е. Охотина</i> . . . . .                              | 39 |
| 7. Мордовская историч. пѣсня. Запись <i>К. Афанасьева</i> . . . . .                           | 40 |
| 8. Хроника (36 замѣтокъ). Сост. <i>Н. Виноградовъ</i> . . . . .                               | 41 |

Объявленія.

# ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

**XV**

годъ изданія.  
**1906**

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

**XV**

годъ изданія.  
**1906**

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакцію Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго, секретаря Отдѣленія О. И. Щербатскаго и чл.-сотр. Н. Н. Виноградова, въ XV году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками, по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до **шести**.

**Программа журнала:** Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодействія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библиографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XV годъ изданія, редакція „Живой Старины“ пригласила къ участию въ журналѣ многихъ ученыхъ специалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библиографіи. При послѣднемъ выпускѣ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель“ къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкой, для иногородныхъ — 5 р. 50 к. и за границу — 6 р. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины“ (Спб., у Чернышева моста).

Еъ свѣдѣнію гг. авторовъ: 1) Рукописи, присланныя въ редакцію для помѣщенія въ журналѣ, въ случаѣ надобности подлежатъ сокращенію и исправленію. 2) Авторы, желающіе читать корректуру своихъ статей, благоволятъ дѣлать на рукописи соответствующую пометку и указывать свой точный адресъ.

*Редакція.*